

САДИСТЫ

Вариант заголовка: «ТАЙНА БРАТЬЕВ ЛАЙОНОВ» (опубликовано в газете «Зеркало», 2005 г.)

Повесть

История, которая излагается ниже, может показаться вам неправдоподобной, настолько неправдоподобной, что вы найдете мое воображение не в порядке. Я могу ответить на это лишь встречным вопросом: а что запомнили бы вы, если бы все это произошло с вами? Да, с вами, уважаемый, с вами, любезный! Вас, как и меня, до сих пор преследовал бы страх. Он бы стал главным вашим чувством, вашей навязчивой манией, вашей тенью, вашим двойником... И еще вы бы постоянно спрашивали себя, а не дурной ли это был сон? И снова и снова погружались бы в то, что отнюдь не было дурным сном. И снова хвалили бы себя за то, что получилось по-вашему.

Прошу меня извинить – я, кажется, увлекся недозволенным и перекладываю на вашу душу то, что лежит на моей. Да и философствовать здесь ни к чему, пусть этим занимаются люди побашковитее меня. Мне же надлежит представить на ваше рассмотрение только фактическую сторону происшедшего и полностью воздержаться с выводами. Выводы, это, как говорится, полностью ваше усмотрение.

Глава 1

Нынешнее лето выдалось дурманяще жарким, и наш город, население которого приближалось к миллиону, тяжело переносил июньский зной. Я с матерью Эльвирой Ныулик жил в уютной квартире на втором этаже двухэтажного дома; дом окружал зеленый двор, и деревья, можно сказать, заглядывали к нам в окна. Днем я чувствовал себя стариком, которого почему-то заставляют работать, выпивал в час по два стакана воды, но это почти не помогало. К вечеру же я оживал, молодость возвращалась ко мне, появлялись желания, я надевал белую рубашку и черные отутюженные брюки и шел в парк искать себе подругу. Это было нормальное занятие для двадцатилетнего парня, начавшего привыкать к самостоятельности и быстро вошедшего во вкус. И я нашел подругу! Так я считал уже три дня. Ее звали Сара Кроль. Увидев ее, я уже не мог отвести взгляд. Она была сложена, как... Впрочем, я вам этого не передам, словам это не под силу. Стоит вам заглянуть в свое воображение, и вы увидите, как она была сложена, особенно если вам столько же лет, сколько мне. Я был уверен, что она еще не отпраздновала свое восемнадцатилетие. В первый день мы танцевали до полуночи, и я приглашал только ее. Во второй день я осмелел и проводил ее, но не до калитки, а до перекрестка, - тупик, в котором она жила, упирался в канал Джун. Вчера я тоже проводил ее только до перекрестка, ничем не примечательного. Мое намерение проводить ее до калитки наткнулось на сопротивление неожиданное и стойкое. Я проявил настойчивость, но споткнулся об ее непреклонность. Нет, нет и нет!

Раз нет, значит, нет. Чего тут непонятного? Мне было уже двадцать, и я знал, что для первых дней знакомства настойчивость неуместна, да и в дальнейшем к ней лучше не прибегать. Обоюдное согласие куда как лучше. Сара таким тоном настояла на том, чтобы я не шел дальше, словно от выполнения этого условия зависела сама возможность наших следующих встреч. «Слушаюсь и повинуюсь!» – сказал я, поклонился и пошел домой. Я шел, не оглядываясь. Подсматривать, какую из калиток в своем сумрачном тупике она отворит, тоже не полагалось. Тихо было и темно; редкие фонари были бессильны против мрака ночи.

Вдруг мне показалось, что за мной следят. Это ощущение было, как внутренний толчок, как наитие. Я ускорил шаг, хотя и не заметил ничего подозрительного. Но тяжесть чужого взгляда в спину, пристального и недоброго, уже не давала мне покоя. Кто мог заинтересоваться моей очень даже ординарной особой? Врагов, слава Богу, я не нажил - никому не пересек дорогу, никого не обманул, не предал, не оскорбил, и так далее, так далее. Я жил в мире с самим собой и с окружающими меня людьми; более того, мне нравилось так жить. Ибо так жило подавляющее большинство окружающих меня людей.

От неприятного ощущения, что за мной следят, я освободился только во дворе своего дома. Притворив калитку, я не прошел сразу в дом, а встал под дерево и с минуту постоял в его непроницаемой тени. Напряженно вслушивался в ночь, в ее шорохи, но слышал только слабое колыхание листвы и биение собственного сердца. Снова вышел на улицу – никого. Но в отдалении, где мрак был почти непрогляден, мелькнуло что-то, похожее на силуэт человека. Это было так далеко, что мне могло и померещиться. От перекрестка, где я простился с Сарой, и до моего дома было около километра, нет, меньше. Квартал прямо и квартал направо. Нет ничего лучшего, когда

девушка, которую ты провожаешь, живет близко, и не надо возвращаться домой с другого конца города на трамвае или в автобусе (если они еще ходят). Хотя, в данном случае, какое это имело значение? Когда речь шла о Саре, расстояние не играло роли.

Спать я лег в лоджии. В доме я был один, матушка уехала в командировку по делам своей лаборатории. Сказала, что дела задержат ее, и она вернется не скоро. Она обожала командировки и новые впечатления. Свою работу считала наезженной колеей, а командировка давала повод сойти с нее и сполна вкусить от новых ощущений. Я особенно не скучал, хотя в этом и не принято признаваться родителям. Но забот у меня прибавилось, ведь я сам должен был обслуживать себя. Лоджия наша была застеклена, окна распахнуты настежь. Лето, а как же иначе? Это только американцы могли позволить себе пользоваться прохладой из кондиционера, а в наш далеко отстоящий от Америки азиатский край сия умная техника еще не пожаловала.

Я выпил на ночь стакан воды и быстро заснул. Нырнув под простыню, я, однако, простер руку под кровать и нащупал гантелю. Она лежала на месте. Это была привычная предусмотрительность человека, боящегося ночи. У меня не было дурного предчувствия, иначе я непременно лег бы спать в комнате, замкнув входную дверь на ключ и задвижку и подперев дверь в мою комнату шваброй, а рядом с собой положил бы заряженное ружье. Только, если вами владеет страх, это едва ли поможет. Страх, если он есть, это, доложу я вам, пренеприятное ощущение. Ведь спрятаться от него так же трудно, как и от самого себя. Какие страхи мучили меня в детстве! Мать уронила меня под ноги бешено ревущему быку. Все обошлось, бык пронесся рядышком, не задев ни меня, ни мать, а страх от надвижения чего-то огромного и неотвратимого, от чего нельзя заслониться, остался и сопровождал меня долго-долго. Я панически боялся ночи. Я не мог войти в темную комнату, и не мог спать один. В подростковом возрасте это чувство, слава Богу, притупилось, а потом и вовсе сошло на нет. Почти сошло, если ни на йоту не отходить от правды. Ибо осталось обостренное чутье на опасность.

Я заснул с мыслями о Саре Кроль. Я хотел, чтобы все у нас шло путем, без каких-либо осложнений. У моих сверстников осложнения случались часто и почти на ровном месте, и они подолгу ломали над ними голову. Завтра меня ждало новое свидание с Сарой, и я надеялся. С этой надеждой, очень, надо сказать, приятной, я и заснул. Пробуждение среди ночи было вызвано беспокойством. Часы за стеной сразу же пробили два раза. Я повернулся на правый бок, лицом к окнам, от которых веяло прохладой. Закрыв глаза и тотчас открыл их снова. Что-то было не так. На столбе у калитки, ведущей в наш двор, не горела лампочка. Ее свет обычно отбрасывал на стену проекцию оконных рам, а теперь ничего этого не было. Потухшая лампочка и возбудила тревогу. Страх зашевелился, стал расти. Быстрый взгляд на окна – все в порядке. И в комнатах тишина. За дверь в нашу квартиру я не беспокоился, я закрыл ее на ключ и на засов. Старинная массивная дубовая дверь была не по силам ни взломщику-любителю, ни взломщику-профессионалу. Но почему не горела лампочка перед домом? Просто перегорела? «Хватит населять ночь кошмарами, - сказал я себе. – Это уже было, ты от этого излечился!» Однако во дворе могли находиться посторонние. Я напрягся и вслушался.

Сторонних звуков чуткое мое ухо не уловило. Чужой мог затаиться. Мог перемещаться медленно и тихо, как призрак, высматривая, чем поживиться. Только чем у нас можно поживиться? Мы жили скромно, достатка своего не выказывали; мать зарабатывала хорошо, и я что-то приносил домой, - на черный день, я знал, было у нас отложено. Однако свой достаток мы не выставляли напоказ, скрывали, и по нашей квартире нельзя было сказать, что мы состоятельные люди. Но какой-нибудь бродяга, живущий мелкими кражами и облюбовавший наш двор под свой ночной приют, конечно же, не знал этого. У соседки тети Иды в квартире семеро, к ней не полезут, разве что по ошибке. Тетя Ида с отпрысками поднимет такой гвалт, что мало не покажется. У старика Альта жена и внучка, красавица Розита. Розита одна целое состояние. Но, что поделаться, она не в моем вкусе. Я провел в ее обществе много вечеров, но ни разу не чувствовал себя так, как с Сарой. Сара в одно мгновение вознесла меня на необыкновенную высоту, с ней я обрел и парение, и невесомость. Сару я боялся потерять. О Розите же я никогда не думал так, как думал о Саре. Я просмотрел с Розитой в нашем парке массу кинофильмов, прежде чем уяснил, что она не в моем вкусе. У меня никогда не было боязни потерять ее. Ибо она изначально предназначалась не мне. Да, если быть предельно точным, в моем завтрашнем дне Розита не присутствовала.

Я повернулся лицом к стене и сразу почувствовал, что не защищен со спины. Страх заставил снова занять прежнюю позицию, лицом к окнам. Если ночной человек захочет проникнуть в наш дом с намерением поживиться, ему следует выбрать нашу квартиру. В этом случае ему придется иметь дело лишь с одним парнем, который пришел поздно и, скорее всего, спит без задних ног. Откуда ему знать, что меня могут преследовать ночные страхи? Когда я возвращался от Сары, следили за мной или не следили? Эта мысль окончательно прогнала сон. Если следили, то с какой целью? С некоторых пор наш район имел дурную репутацию. Убийства, другие трагические происшествия, которых словоохотливым домохозяйкам хватило бы на год и больше, у нас были редкостью чрезвычайной. Но уже лет семь как в нашем районе таинственно и бесследно исчезали люди, и это вызывало самые разные толки. Днем мне не было никакого дела до этих странных исчезновений, но сейчас, темной ночью, эти никак не объясненные происшествия обретали сильную власть над моим не очень здоровым воображением. Об исчезнувших говорили все. Исчезли четырехлетний мальчик, девочка девяти лет, которая возвращалась из школы, пенсионер старик Гендерсон, никому не причинивший ни капли зла, а также трое

молодых людей, которые не имели ничего общего с ночными притонами и отличались завидной уравновешенностью и многими другими положительными качествами. Никто не мог даже предположить, куда они могли подеваться.

Я подумал, что в исчезновении этих людей виноват канал Джун, крутые берега которого густо покрывали деревья и кустарник. Ночью этот канал становился недобрым одушевленным существом, действующим по законам волчьей стаи. Канал мог поглотить человека, как топкое болото. Он не оставлял следов и не раскрывал рта, чтобы поведать о сценах, которым был свидетель. Но то, что жертвами канала могли стать все шестеро, не находило объяснений, ведь вода потом не возвратила ни одного из них. Что, эти трое юношей напились пьяные и сиганули вниз с пятнадцатиметрового обрыва? Они употребляли спиртное очень умеренно и не на берегу Джун. Канал вообще было принято обходить стороной. Да, эта загадка заставляла женщин нашего квартала строить тысячу и одно предположение, а ночами и мне не давала покоя.

Древний канал Джун протекал метрах в ста пятидесяти от нашего дома в узкой и глубокой прорези с отвесными лессовыми берегами, которая называется каньоном. Маловодный зимой и ранней весной, он распространял малопривлекательный запах. В него, как в естественную дренажную систему, впадало несколько канализационных труб. Поэтому влюбленные не гуляли в обнимку по зеленым его берегам, а мальчишки не ныряли с разбега в его мутную воду. К тому же, за деревьями и кустарником по его берегам не ухаживали совершенно, и они росли по законам дикой природы и в отдельных местах давно превратились в малодоступные чащи. Из этих зарослей иногда выходили скверно одетые люди, которых никто не знал; очевидно, они находили там убежище. Полиция устраивала здесь облавы и извлекала на белый свет одного-двух напуганных бродяг, но никаким другим уловом похвастать не могла. Тем не менее, в воображении сотен людей Джун являлся средоточием чего-то подозрительного и даже страшного, хотя и не облеченного в конкретные формы. Близость Джун ночами скверно влияла и на мою психику, и это была одна из причин, почему я лежал сейчас с открытыми глазами, и страх заставлял меня напрячься и быть настороже.

Глава 2

Я услышал шелест потревоженных ветвей, очень похожий на протест. Первое, о чем я подумал: в ночи мог красться человек, соблюдая все меры предосторожности. Впрочем, эти звуки могли иметь и иное происхождение. Теперь я точно знал, что не засну скоро, и что понадобится и час, и два, чтобы притупить страх. Нет, трусом я себя не считал и, когда меня настигала опасность, без колебаний поворачивался к ней лицом. Я мог привести примеры, это подтверждающие. Но одновременно я знал, что страх перед ночью у меня в крови и может возникнуть без видимых причин, вне зависимости от внешних обстоятельств. Этот страх когда-то был водворен в меня ревом огромного быка, перед которым я лежал, выпав из рук матери, совершенно беспомощный. Но паническая боязнь темноты была счастливо преодолена в юношеские годы. Правда, один я знал, что преодолена она не до конца, что остаточная деформация и сейчас влияет на образ моих ночных мыслей.

Что с того, что в этом страхе главным был элемент самовнушения? Напружинившись, как для отпора, я весь превратился в слух. Еще раз проверил наличие гантели под кроватью. В момент опасности я схвачу тяжелый снаряд, и... Холод стали, которая была мне по руке, успокоил меня. Но лучше, если бы это был топор, а еще лучше – ружье. Надо, надо было полгода назад купить породистую овчарку. Сейчас щенок превратился бы в могучего пса, прекрасно разбирающегося в природе ночных звуков и любых других звуков. С такой собакой мой дом был бы неприступной крепостью, и я не вздрагивал бы от каждого непонятного шороха за окном.

Странный шорох повторился, теперь его сопровождали тихий скрип и звяканье металла. Все это, однако, были совсем негромкие звуки, которые не могли бы коснуться слуха более грубого, чем мой. Первым моим побуждением было подкрасться к окну и выглянуть, но новый прилив страха оставил меня в кровати. На какое-то время воцарилась полная тишина, потом раздался еще один звук, и я понял, что в саду присутствуют ночные люди и что их замыслы не могут быть хорошими. Нового приступа страха вслед за этим выводом, однако, не последовало. Напротив, это открытие вносило в обстановку ясность. Я уже был готов к сопротивлению. Я отбросил простыню, схватил гантель, сел и упер ноги в бетонный пол лоджии, намереваясь подкрасться к окну и занять удобный пункт для наблюдения. И тут замер в оцепенении.

Над подоконником, на фоне сада, почти фиолетового в ночи, появилась лохматая голова. Лицо ночного человека было неразличимо, глаза не светились. Я вспомнил недавний свой сон: из пола, пробив и расщепив доски, показались руки, худые, морщинистые, жилистые, затем появилась голова, а следом и весь человек, неестественно высокий, словно растянутый, с закрытыми глазами. Я прогнал это видение, и прогнал жуть, сдавившую мне сердце с появлением лохматой головы. А голова эта, возникшая над подоконником, повернулась налево, потом направо, изучая содержимое лоджии. В лоджии было куда темнее, чем снаружи, под открытым небом, и человеку требовалось время, чтобы начать различать предметы. Страх отпустил меня. Перед лицом опасности я четко знал, что должен делать.

Казалось, зловещая черная голова существовала сама по себе, отдельно от туловища. Рука с гантелей поднялась, два легких кошачьих шага-прыжка подвели меня к окну. Шаги эти не могли быть бесшумными. Лохматая голова вздрогнула и повернулась ко мне. Наверное, этому человеку было страшно. Ведь он стоял на тонкой лестнице, едва доставшей до моего окна; его руки сжимали подоконник. Он никак не мог мне противодействовать. «Получай, куколка!» – подумал я и обрушил трехкилограммовую гантель на лохматую голову. Железо с силой опустилось на предмет, на который было нацелено, голова дернулась и пропала, и через секунду раздался звук, ни на что не похожий: тело смачно шмякнулось о бетонную отмостку, опоясывавшую дом.

Повторяю, я совершенно не разглядел человека, которого ударил. Я даже не знал, молод он или нет. Соприкосновение человеческого тела с бетоном показалось мне очень громким, но в доме никто не проснулся. Я высунулся из окна. Над распростертым телом копошились фигуры, две или три. Они походили на тени. В эти колышущиеся тени-призраки я бросил гантель. Попал или нет? Тени метнулись и растворились во мраке. Что-то тяжелое прошелестело надо мной и ударилось о стену лоджии. Я оттолкнул от подоконника алюминиевую лестницу и пригнулся, ни на секунду не отводя глаз от того, что происходило во дворе. Тени-призраки вновь соединились над распростертым телом, и тут я понял, что убил человека. Страх другого рода, страх нарушения заповеди «Не убей!» сдавил мне горло могучей и холодной рукой, и я зашатался, подавленный тяжестью содеянного. Довод о самозащите не подействовал, тяжесть убийства продолжала давить, выворачивая душу наизнанку. Не лучше ли было оттолкнуть лестницу, вместе с человеческой фигурой на ней? Тени внизу сместились в сад, под деревья, и поверженного человека не стало видно. Шорох в саду указал направление движения – к каналу Джун. Однако ночные люди не спасались бегством, как мне показалось. Они, спрятав поверженного, возвратились, чтобы замести следы. Новый шорох в кустах дал мне понять, что они сложили алюминиевую лестницу и уносят ее. Они вернулись еще раз и присыпали землей, взятой с цветочной клумбы, кровь на бетонной отмостке. Их хладнокровие было непонятным и грозным. Ни разу тишина ночи не была нарушена словом, содержащим угрозу.

Утром я обнаружил засохшую кровь только после того, как смел с бетона землю. Итак, они прибрали за собой и ретировались, и все стало, как прежде. Я всматривался в спящий сад, стараясь выхватить какие-либо подробности. Слабо светила ущербная луна; полный мрак царил под деревьями. Действо, которому я стал свидетелем и в которое невольно был вовлечен, кончилось. Пострадавший и лестница были унесены в заросли на берегах Джун. Громко билось сердце, и дрожали пальцы. Отвратительно было сознавать, что я убил человека. «Пойду за ними и выслежу их!» – подумал я, сжимаясь в тугую пружину. Намерения вызвать полицию не было. В полиции служили крепкие парни, но и они не сунутся в это время в дебри, прикрывающие канал. Они боятся ночных людей. Кроме того, в нашем квартале не очень-то любили полицию и мало ей доверяли. Так повелось издавна, и я воспринимал это, как данность, от которой не мог ничего убавить.

Едва я понял, что пойду за этими людьми, остро работающая мысль подсказала, как это лучше осуществить. Первым делом следовало позаботиться об оружии. Я имел в виду топорик, острый и удобный. Легкий, весом всего один килограмм, он казался мне очень надежным для ночи. Когда лет шесть-семь назад я играл в диких индейцев, пиратов или разбойников с соседскими мальчишками, я затыкал за пояс деревянный самодельный топорик-томагавк и так воинственно размахивал им в стычках с «бледнолицыми», что со мной боялись сражаться один на один мальчишки с игрушечными саблями и пистолетами. Далее, следовало скрытно выйти из дома, чтобы, если кто-то один из непрошенных гостей притаился и ведет наблюдение, оказаться у него за спиной. Тогда, если мы встретимся, встреча для него будет большей неожиданностью, чем для меня. Был только один путь, неизвестный чужим (я им пользовался, когда был пацаном) – вертикальная шахта, проходившая в центре дома и объединявшая водопровод, канализацию, электрический кабель и газопровод и оборудованная скобками и задвижками, обросшими паутиной. Этой шахтой пользовались сантехники и сборщики платы за коммунальные услуги, отключавшие от сети клиентов – хронических должников. Она объединяла коммуникации всех четырех квартир нашего дома и под полом первого этажа превращалась в бетонную галерею, достаточно широкую, чтобы вместить человека. Метрах в шестидесяти от дома, за оградой нашего двора, на пустыре галерея кончалась смотровым колодцем с люком; канализационная труба ныряла к Джуну, а трубы водопроводная и газовая и кабель тоже исчезали куда-то. Через люк можно было выбраться на поверхность.

Конечно, мысль о том, что надо, вооружившись топориком, пробраться к каналу через галерею, заняла всего секунду, то есть была конкретной и деловой. Не зажигая света, я оделся, снял с гвоздя на кухне топорик и сунул его за пояс брюк, накинул на плечи рабочий брезентовый пиджак, чтобы не ободраться о кусты шиповника в прибрежных зарослях Джун, взял фонарик с исправной батареей, открыл дверцу в вертикальную шахту, засветил фонарик и по стальным вмурованным в стену скобам скользнул вниз. Я действовал чрезвычайно быстро и точно, ибо никогда еще не был так возбужден. Сердце стучало гулко, словно просилось наружу. Едва я соскользнул вниз, в нос ударили сырость и затхлость. Я подумал, что шесть лет назад этот же запах не казался мне таким отвратительным. Что ж, возмужание делает людей более щепетильными. Серые трубы, одна из которых была толстая и с раструбами через три метра, убежали вниз. Отовсюду на меня липла паутина. Плесень тоже была похожа на паутину.

Луч фонарика вел меня вперед. Шахта сделала поворот под прямым углом и стала галереей. На бетонном полу блестели лужицы, от них дурно пахло. Тут я принужден был пригнуться и двигаться чуть ли не на четвереньках. Но желание выследить ночных людей во что бы то ни стало заставляло меня не раздумывать и торопиться. Я вкладывал в преследование все свои силы. Уже через минуту я оказался в смотровом колодце. Выпрямился, простер руки вверх и уперся в чугунную крышку люка. Что от меня дурно пахло, я, конечно, не замечал, да и какое это имело значение в минуту отчаяния и азарта? Что-то, предчувствие или наитие, подсказывало быть осторожным, не делать резких движений. Не открывая крышки, я перевел дыхание и прислушался. О, это была своевременная предосторожность! Ибо ночные люди оказались близко. Наверху прозвучал голос; он принадлежал человеку, который стоял или сидел не далее чем в пяти метрах от люка.

Глава 3

Где-то я уже слышал этот скрипучий, негромкий, увещевающий голос. В силу каких-то ассоциаций он показался мне голосом с кладбища.

- Рези крышка. Этот резвый юноша, которого мы наметили изъять из обихода, раскрыл ему головку. Рези не повезло. Никто не знает, почему нашему братику не повезло. – В этом знакомом мне голосе совершенно отсутствовали оттенки скорби, сожаления. Вероятно, Рези не заслуживал соболезнования. А, может быть, эти люди не умели соболезновать. Только я едва ли узнаю, какое из этих двух предположений верно.

- Не ной! – раздался второй голос. У этого человека была привычка командовать, верховодить, и интонации голоса ее передали.

- Посвети на рану! Посвети лучше. О, мозги наружу! А по виду не скажешь, что этот мальчишечка может так приложиться. Или это он о бетон так шарахнулся? Свети, свети, я послушаю сердце. Не бьется! Был Рези, и нет Рези. Этот резвый юноша ухлопал нашего Рези.

«Какой знакомый голос!» – опять подумал я.

- Пора, он мог позвать людей! – сказал третий.

- Я останусь, покараулю его, – сказал мужчина со знакомым голосом. – Как знать, может быть, Рези будет отомщен уже сегодня.

- Мы это сделаем тихо-тихо, – возразил второй, командирский голос. – Мы это посмакуем. Пусть мальчик успокоится. Он перестанет метаться, и тут явимся мы и получим свое.

«Они дают мне время!» – подумал я с решимостью человека, доведенного до отчаяния.

- Ну, взялись! – сказал третий. – Почему мертвые такие тяжелые, кто знает?

- Земля светится! – воскликнул человек, голос которого был мне так знаком. Он понизил его до шепота. Я понял, что он увидел какой-то блик в зоре люка, и погасил фонарик. Впопыхах я забыл сделать это раньше и чуть не выдал себя. Хорошо, что у меня хватило самообладания не приподнять крышку, ведь беззвучно это нельзя было сделать.

- Это у тебя в мозгах светится! – сказал человек с командирскими нотками. – Лучше посвети еще на Рези. Какая рана! Уж приложился, так приложился. Или это он о бетон грохнулся головкой?

Слова «Какая рана!» несли на себе печать необъяснимого восторга. Это поразило меня, как громом. Человек там, наверху, упивался видом раны с высачивающимися наружу мозгами. Ужас заставил меня прижаться к сырým стенам колодца. Мне вдруг стало ненавистно мое тело, занимавшее столько места.

- Мы затарим Рези в стекляшечку, которая предназначалась для этого резвого юноши, – сказал мужчина, голос которого я уже слышал. – Он или Рези – какая разница! Рези все равно был среди нас белой вороной. Рези воротил от нас нос, и вот что из этого получилось!

- Пшли! – раздалась команда. Шаги прозвучали и стихли. Заросли сомкнулись за ними почти бесшумно. А ведь им пришлось нести Рези. Я хотел поднять люк и немедленно последовать за ними, но в руках не оказалось силы. Ладони безвольно упирались в хладный металл, а мышцы рук не напрягались. Дрожали колени – как у паралитика, перенесшего в детстве полиомиелит. Моя мысль вращалась вокруг голоса, так мне знакомого. Кто? Я должен был вспомнить человека, кому принадлежал этот голос. И я вспомнил его и вспомнил сопутствующие подробности, исключаящие сомнение. Голос принадлежал полицейскому, который остановил меня недалеко от дома, когда я вечером возвращался из города. Он принял меня за пьяного. Это был приземистый, чрезвычайно несимпатичный человек с угреватым лицом и нездоровым оттенком кожи, который я приписал или злоупотреблению алкоголем, или хронической почечной недостаточности.

Полицейский говорил со мной вежливо, но как-то тяготно. Конечно, он быстро увидел, что я не только не пьян, но даже не выпивши, но продолжал внушать мне прописные истины о вреде алкоголя. Я же чувствовал нарастающую антипатию к этому представителю власти, который остановил меня, не имея для этого никаких оснований. Он смотрел на меня, как на кролика. Его назидательный голос отдавался в ушах отвратительным скрипом, напоминающим скрип ножа по тарелке. Полицейский бесконечно повторялся, не замечая этого, из чего я сделал вывод об его поразительной общей неразвитости. Стараясь усилить впечатление, полицейский взял меня

за локоть. Что-то яркое блеснуло на его указательном пальце. Приглядевшись, я увидел массивный золотой перстень с камнем зеленоватой гаммы оттенков. Сдавливая мой локоть все сильнее, страж порядка стал улыбаться, словно осознание того факта, что он делает мне больно, было приятно ему. Я попытался высвободить руку, но хватка полицейского была железной без всякого преувеличения. Неловко выворачивая руку, я почувствовал укол зеленого камня в тыльную сторону ладони. Выступила капля крови; полицейский впился в нее глазами и перестал говорить. Нет, не сожаление выражало его лицо. Я видел откровенное, поразительное наслаждение! Моя кровь его умиляла.

- Прошу прощения, - извинился он, как ни в чем не бывало, через пару секунд. – По неловкости я вас поцарапал. Теперь вижу, что вы трезвы и что мои наставления неуместны. Идите, пожалуйста!

Скрипучий голос принадлежал ему, я не ошибся. Теперь я легко открыл люк. Прохладный ночной воздух ударил мне в лицо. Темно и тихо было вокруг. Лунный полумесяц позволил мгновенно сориентироваться. Я повернулся спиной к дому и нырнул в кустарник. Плотная чаща запротестовала. Я производил гораздо больше шума, чем следовало при сложившихся обстоятельствах. Однако продираться сквозь чащу тихо у меня не получалось. Я вспомнил про тропу, спускающуюся к Джуну, сместился вправо и воспользовался ею. Обращение за помощью в полицию исключалось, ведь один из незваных ночных гостей в своей дневной жизни был полицейским, и не просто полицейским, а нашим участковым инспектором. Смешно просить о заступничестве человека, который по неизвестным мне причинам желал затарить меня в какую-то таинственную стекляшку. Ну, расскажу я, как и что, а кто мне поверит? Наговор, навет, сведение счетов! И пойдут-поедут! Но разве я слаб и не могу постоять за себя сам? Закон против этого не возражает. Более того, закон приветствует такое поведение человека и гражданина. Вперед!

Во мне проснулся азарт ищейки, взявшей след. Тропой пользовались не часто, ветви хлестали меня по лицу. Хорошо, что я надел брезентовую робу. Сжав в руке топорик, я преследовал ночных людей. Теперь меня почти не было слышно. Секрет заключался в быстроте. Шум, издаваемый мною, очень походил на шелест ветра в густых и высоких кронах деревьев. Тропа устремилась вниз. Спуск к Джуну был опасен для пользования им в ночное время. Да и когда в последний раз здесь ступала нога человека? Со сбросом сюда канализационных стоков здесь перестали гулять, купаться и удить рыбу. Вот и вода. Неужели они ушли по воде? Или они идут берегом, и у них прозорливость кошек, угадывающих дорогу в темноте? Я остановился, и вовремя. В каньоне было совсем темно. Темно и тихо. Я решил, что упустил этих людей, но вместо горечи испытал облегчение. Но я не повернул назад и не перестал быть осторожным – и правильно сделал.

- Я думал, за нами кто-то прется, - негромко, но отчетливо проскрипел полицейский. Они стояли совсем недалеко, и теперь я слышал их возбужденное дыхание.

- А свет из-под земли нигде больше не выбивается? – спросил второй. – Свет из царства мертвых? Или он только для избранных?

- Я слышал...

- Не трусь, стерва лягая! Осторожность – вещь неплохая, но только если это не трусость.

Между мною и ними был плотный куст тала, вот в чем дело. Хорошо, что у меня нет насморка и не слышно, как я дышу. У кого-то из этих троих был хронический насморк, и он дышал шумно и с присвистом.

- Готово! – раздалось снизу. – Давайте привяжем Рези, чтобы не утоп, если мы перевернемся. Жоль, дай веревку! Жоль, ты попроворнее!

«Убитого зовут Рези, а одного из них, самого немногословного – Жолем. Рези и Жоль! Ну, и имена! Но я запомню». Я уже обладал кое-какими сведениями, которые в опытных руках, несомненно, могли послужить ключом к этому гадючьему клубку. Но какой у меня опыт?

- Отчаливаем! – Послышался плеск, сопровождающий работу весел. Как дурно здесь пахло! Но мешкать не следовало. Я заткнул топорик за пояс и смело погрузился в воду. Течение здесь нигде не было быстрым. Воды было по пояс, но ноги глубоко увязали в тине. Из потревоженной тины поднимались пузырьки газа, лопались и обдавали зловонием. И посередине русла мне было по подбородок. Новый всплеск весел подсказал направление: ночные гости уходили вниз по течению. Интересно, каким плавающим средством они воспользовались? Надувной резиновой лодкой? Во всяком случае, им не приходилось, как мне, ощущать на себе прямое воздействие воды, щедро разбавленной канализационными стоками. Идти за ними, увязая в тине, я не мог, я бы быстро отстал или обратил на себя внимание пузырьками газа, которые громко лопались. Оставалась единственная возможность – плыть. Я не знал, сколько продлится преследование, но старался запомнить очертание берегов на фоне ночного неба. И справа, и слева над руслом и над обрывом склонялись большие деревья. Их кроны смыкались, как бы обуреваемые влечением друг к другу.

Я распластался на самой поверхности воды и поплыл; слава Богу, плавать я любил с детства и мог находиться в воде как угодно долго, лишь бы она не была холодной. То коленками, то ладонями я чувствовал прикосновение илистого дна – мягкое прикосновение распадающихся органических останков. Вскоре я приблизился к беглецам. Я увидел черное пятно на менее темной водной поверхности. Не было видно ни силуэтов людей, ни того, на чем они плыли, - только нерезкое черное пятно, перемещение которого

сопровождалось всплеском весел. Я держался от него метрах в пяти. Стало холодно, меня охватил озноб. Я подумал, что могу напороться на корягу или металлический штырь. Чего только не бросали сюда в прежние времена! Еще я подумал, что эта насыщенная всевозможной заразой вода может попасть мне в рот, и тогда прощай, здоровье! А ночные гости плавно скользили вниз по течению. Черное пятно на матовой поверхности воды, никаких четких контуров.

Прошло еще минут десять, и холод усилился. Прежде, когда здесь еще можно было купаться, мы редко пребывали в воде более пяти минут. «Порубить бы их всех топориком!» – подумал я. А что? Неожиданность, помноженная на смелость, могла принести успех. Подплыть вплотную, подняться и рубить сплеча. А вязкое дно, на которое не опереться? Но вовсе не это остановило меня. Насилие и убийство, как его самая мерзкая форма, претили мне. Я не мог быть судьей этим людям, хотя и находил их мерзкими. Я не знал о них почти ничего. Не знал и того, почему их заинтересовала моя скромная особа. И я уже убил одного из них, того, кто должен был убить меня, уже очернил свои руки кровью, пусть и непреднамеренно, тогда как они пытались сделать это обдуманно и хладнокровно. Я защищал себя и свой дом. Не будет ли, в свете этого, моя расправа над оставшимися в живых расценена, как замечание следов и стремление избавиться от свидетелей?

Черное, плохо очерченное пятно впереди приткнулось к берегу и остановилось. Я не сразу заметил это, и теперь меня отделяло от ночных людей не более двух метров. Я стал забирать правее, попытался нащупать дно, но дна не достал. Русло Джуна в этом месте превращалось в расщелину, и течение становилось ощутимо сильным. Меня несло прямо на черное пятно. Резко вспыхнула лампочка электрического фонарика, и я сразу ушел под воду.

Глава 4

Я вынырнул у противоположного берега и уцепился за ветку или за корень. Несколько быстрых, почти судорожных вдохов. Сердце стучало так громко, словно собиралось выпрыгнуть из груди. Свет фонарика погас; очевидно, не я был предметом, вызвавшим у владельца фонарика желание посветить. Черное пятно по-прежнему было причалено к берегу. Слышалась возня. Потом зашипел воздух. Резиновая лодка на глазах превращалась в сморщенный резиновый комок. Но как я ни напрягал зрение, не мог разглядеть спуска, прорубленного в отвесной стене обрыва. Лессовая стена нависала прямо надо мной, однообразно-черная, с редкими еще более черными пятнами кустов. Между бортами каньона звездного неба оставалось совсем немного. «Веревка? Веревоочная лестница?» – спросил я себя. Между тем черное пятно лодки скукожилось, и шипение прекратилось. Некоторое время еще слышалась возня: ночные люди споро управлялись с телом и с лодкой. Странно, что они не бросили тело. Зачем им мертвец? И что они подразумевали под затариванием тела в неизвестную мне стекляшечку? Под препарированием? Что, они торгуют человеческими органами? Все это были вопросы и понятия, для меня совершенно новые.

Между тем, я совсем окоченел, руки едва шевелились, по животу пробегала судорога. Судорога – от холода или от страха? Было от чего зайтись сердцу: свет фонарика едва не брызнул мне в лицо. Я нырнул, ориентируясь на правый берег, подальше от места причаливания лодки. Но я уже был слишком близко к лодке, и ее резина проскребла по моей спине. Бррр... Да еще пяткой я задел за весло. Но в лодке уже никого не было, и моего с ней соприкосновения не заметили. Я ударился плечом о правый берег и, не выныривая, поплыл вдоль него. Скоро стало не хватать воздуха; ныряя поспешно, я не успел сделать глубокого вдоха. Дальше терпеть было невозможно, и я вынырнул. Оказалась, тревога, заставившая меня уйти под воду, была ложной. И вот ночные люди исчезли. Они не могли подняться по вертикальной стене каньона. С лодкой и с трупом? Им не помогла бы и веревоочная лестница. «Карст!» – вспомнил я. Этот участок берега славился обилием карстовых пещер, никем еще не изученных. Одна из пещер и приняла ночных людей. Не так уж они просты – умеют маскироваться!

Пожалуй, догадка была верна. Но проникнуть в пещеру вслед за этими людьми я не мог, я не видел ничего, напоминающего отверстие входа. Место же я засек точно: эта расщелина с убыстряющимся течением была первой. Как я ни продрог, я выждал еще несколько минут. Но тишина была полная; людей рядом со мной давно уже не было. Даже собаки в близких дворах не лаяли на луну. Я поплыл против течения, но преодолеть быстроток было не просто. Вода все время отбрасывала меня на исходные позиции. Я решил держаться берега, но все-таки попал под струю и был возвращен на прежнее место. Тогда я попробовал двигаться вперед, держась за ветви, спускающиеся с берега, и, натужно дыша, выбрался на мелководье. Ощущение зловония притупилось совершенно, но начала болеть голова. Теперь холод проник глубоко внутрь меня; мне казалось, что на месте живота у меня торба со снегом.

В дом я был вынужден проникнуть прежним путем, через подземную галерею: ключа от наружной двери в спешке я не положил в карман брюк. Возвращение, наверное, заняло более часа. Когда я, уставший и дрожащий, влез в кухню через отверстие в коммуникационной шахте, часы торжественно пробили четыре. Первым делом смыл с себя липкое зловоние Джуна. Я мылся долго, но без всякого удовольствия. Так моются после грязной, изнурительной работы. Нервное напряжение не спадало, и спазмы мускулов живота повторялись. Это был

особый нервный озноб, вызванный не столько холодной водой, сколько предельным напряжением сил физических и душевных. Что мне следовало сделать завтра, то есть уже сегодня? Эти люди знают меня, ведь не ограбление они замыслили. Или ограбление тоже входило в их планы? Лодка у них вместительная, и сделать они могли не одну ходку. Так что конкретно они замыслили? Не руководила ли их поступками месть? Эта мысль очень меня удивила. Я редко ввязывался в споры, ни с кем не конфликтовал, девочек ни у кого не уводил и считал, что у меня нет врагов. И так, наверное, и было. Задушив меня и спустив вниз, далее...

Я представил, как это выглядело бы. Ночной человек сползает в лоджию через подоконник, на цыпочках подкрадывается ко мне, бьет чем-нибудь железным по голове (как я его ударил), а потом душит для верности. Открывает дверь и на своей упругой спине выносит вниз, к Джуну.

Мерзко было представлять все это. Мерзко до душевного оцепенения.

Ого, половина пятого! Я, наконец, перестал пахнуть канализацией. Мыло и горячая вода сделали свое дело. То же самое они проделают с одеждой. Не зажигая света, я долго разглядывал двор, потом улицу. Ничего подозрительного! Ночные люди подчинялись своему режиму и менять его не собирались. Я достал ружье и зарядил оба ствола картечью, а окна в лоджии закрыл на задвижки. Следующая опасность должна была застать меня готовым к отпору. И так, они хотят убить меня тихо и неприметно, через какое-то время, когда я забуду об опасности. Ближайшие дни, получается, я буду подвергнут лишь наблюдению. Они захотят поразить меня неожиданно и в самое уязвимое место. Сколько же времени они не будут меня трогать? Неделю? Месяц? Год? Этого я не знал. Но я знал, что тот из них, кто будет наблюдать за мной, воспользуется первым же случаем, благоприятным для моего бесследного исчезновения. Ни года, ни месяца в запасе у меня не было. Возможно, у меня не было в запасе даже недели.

Как быть с работой? Как быть с Сарой? Если работу я мог оставить хоть завтра и без малейшего сожаления, то о том, чтобы не видеться с Сарой, не могло быть и речи. Я должен был видеть ее даже с риском для жизни; без нее у меня не было будущего. Как мне встречаться с ней и не подвергать ее опасности? Наконец, как мне вести наблюдение за этой шайкой, как проникнуть в их цитадель? Как притупить их бдительное око? За эту ночь я узнал о них очень много. Их было четверо, а осталось трое; один из них – полицейский. Его я легко опознаю при встрече по коренастой фигуре и перстню с зеленым самоцветом. Другого, самого немногословного из них, зовут Том. Это их командир. Третьего, которого зовут Жолем, я узнаю по голосу. Я отлично запомнил его тон, подтрунивающий и нагло-пренебрежительный одновременно. И мне известно место, где находится их пещера. Сужение Джуну, левый берег. Их дом должен быть где-то неподалеку. Сколько это от меня? Метров четырехста – пятьсот?

Сопоставляя все это, я прилег в кухне на коврик, но увидел, что не засну. Взвинченные нервы разучились реагировать на рефлексы торможения. Холодный душ не вернул спокойствия. Тяжелая дрожь билась меня, как электрическим током. К моей груди было подведено напряжение во много вольт, которое не позволяло мне оставаться таким, каким я был до трагического происшествия. Благим. Беспечным. Увлекающимся. Не думающим о том, что будет завтра, если сегодня все хорошо. Я призвал на помощь всю трезвость своего ума и принялся анализировать. Речь шла о моей жизни. Она, как только над ней нависла опасность, показалась мне самой дорогой вещью на свете. Прежде, когда опасности не было, я не задумывался о цене жизни, рисковал часто и довольно глупо и несколько раз был близок к тому, что в полицейских хрониках называют несчастным случаем, а то и трагическим несчастным случаем. Сейчас, когда на меня давил страх, была огромная жажда не только выжить, но и победить в этой борьбе. Рассчитывать же я мог лишь на свои силы.

В самом деле, на кого еще я мог опереться? Полицию в наших окраинных кварталах не жаловал никто. К тому же, один из тех, кто охотился на меня, был полицейский, то есть официально представлял закон и защищал его. О хваленой нашей демократии у меня было свое мнение. Следователь в собранных и сообщенных мною сведениях мог ухватиться за одно: удар гантелью по лохматой голове. И потом, полиция не станет охранять меня. Да и охрана еще не все. Всегда возможен снайперский выстрел издалека, как в случае с президентом Кеннеди. И так, никакой полиции. Меня начинало беспокоить, что через две-три недели вернется мать. Как я скрою от нее, что живу под прессом страха? Как скрою от нее меры защиты, заряженную двустволку под рукой, частые и неожиданные отлучки для ответных действий? Может быть, правильнее будет посвятить ее во все подробности этого дела? Она у меня умница, и у нее трезвая голова. Только папа вскружил ей голову – однажды и на всю жизнь. Но папу давно скушала болезнь под названием «рак», и он остался только на фотографиях. Мне было совсем мало лет, когда случилось это несчастье, и я его плохо помнил. Я совсем не помнил его голоса. А мать его помнила и замуж снова не вышла.

Не уехать ли нам? Это был бы выход. Но тогда сначала надо все объяснить. Я представил себя вдали от своего родного города Панчимона, в котором замечательно протекли двадцать лет моей жизни, и увидел, что не хочу отъезда, что здесь мне все мило и дорого, а чужбина и есть чужбина. К тому же, отъезд очень походил бы на бегство с поля боя. А Сара Кроль? Я увидел, что обстоятельства, склонявшие меня не в пользу отъезда, концентрировались не вокруг того факта, что Панчिमон был моим родным городом, а вокруг того факта, что в нем жила Сара. Уехать означало очень от нее отдалиться, а то и потерять ее. Этого я не мог себе позволить даже

под дамочным мечом великой опасности. То есть, произошли все это неделю назад, я бы легко согласился на отъезд, я бы увидел а нем лучший вариант самозащиты.

Сара Кроль! Я смотрел на нее снизу вверх, на таком высоком пьедестале она стояла. Точнее, на такой высокий пьедестал я возвел ее. С какой бы стороны я ни смотрел на нее, я не находил изъянов. Конечно, я не старался быть беспристрастным. Влюбленным это умение ни к чему. А я уже три дня знал про себя, что влюблен. Сара была безупречна не только в моих глазах, затуманенных любовью и парением. В парке, на танцевальной площадке, вокруг нее кучковались физиономии пасмурного вида, которые я сразу причислил к разряду отвергнутых вздыхателей. Это были личности бесцветные и почти бесплотные, - совсем не то, что ей нужно. Но и со мной она держалась не так, как мне хотелось. Она держалась со мной независимо и свободно. Она еще не определилась, не пришла к выводу, сделать ли ей шаг мне навстречу или помахать ручкой, повернуться спиной и забыть. Сегодня мы встретимся, но едва ли это позволит ее мнению выкристаллизироваться. С другой стороны, ей всего семнадцать, и все у нее впереди.

Уехать и потерять ее? Такой глупости я не сделаю даже при самой дурной погоде. Я стал вспоминать, каким было первое мое о ней впечатление. Я остолбенел, так она была неотразима. Я увидел ее, и тотчас она запала в мое сердце. Боже мой, как она была свежа, как красива! И как бледны, как скупы слова, передающие мое впечатление! Будь она актрисой, весь мир пал бы к ее ногам. Но эта мысль мне совсем не понравилась. Я хотел, чтобы эта девушка была моей и только моей, чтобы ее красота обольщала и возносила одного меня.

Одно обстоятельство меня, правда, насторожило чуть ли не в первый день: странная грусть охватывала ее вдруг, без видимой причины. И тогда страдание ложилось на ее лицо. Оно шло из глубины ее человеческого естества и не могло быть игрою артистки. Оно было глубоким и давним. Я не знал, какая душевная тяжесть крылась за этим. Спрашивать же было преждевременно, неэтично. Придет время, и она сама посвятит меня в это.

Я подумал, как странно работает мое сознание. Я не сплю, уже рассветает, только что пережита страшная опасность, на моей совести удар гантелей по лохматой голове, пресекающий не только злой умысел, но и жизнь злоумышленника. Я же мечтаю о Саре, хочу ее благосклонности! И ледяные объятия страха не в силах эти мечты зачеркнуть. Забрел рассвет. «До вечера, Сара!» – сказал я своей возлюбленной. Скоро идти на работу. Я был твердо убежден, что не могу оставить Сару. Но относительно работы я не держался такого мнения. Пожалуй, лучше всего было быстрее рассчитаться с моей строительной фирмой. Фирма прекрасно обойдется без моих услуг, а у меня будут развязаны руки. Материально мы не нуждались. У матери были приличные сбережения, позволявшие нам чувствовать себя свободно и независимо в нашем свободном мире. При наших скромных потребностях сбережений матери могло хватить на всю жизнь, и еще моим детям осталось бы на хлеб насущный. Это при условии, что я к накопленному ничего не прибавлю.

Итак, решено, я уволюсь. Правила требуют, чтобы я проработал три дня после подачи заявления об уходе. Если я просто не выйду на работу, я потеряю всего лишь зарплату за последнюю неделю. В этих скромных деньгах я совершенно не нуждался. И встал вопрос, на кого мне опереться в предстоящей жестокой схватке. Братьев, других близких родственников у меня не было, друзьями, которые пошли бы за меня в огонь и воду, я тоже не обзавелся по причине стеснительности и замкнутости характера. А Сара? Идея! Но помочь она сможет, если полюбит. Этого я и добивался! Кто еще мог стать моим помощником?

Об этом я продумал все утро. Куда бы я ни направлял свой взор, он пронзал пустоту. Я понял, что мне предстояло сражаться в расчете на помощь и подсказку одного человека – самого себя. Как ни странно, это меня вполне устраивало. Я понимал, что в этом случае меня уж точно никто не подставит и не предаст.

Глава 5

В семь часов я снова встал под душ, пытаюсь смыть вялость и апатию. Ведь я проспал всего три часа. Казалось, на мне была голова чужого человека. Ощущение опасности притупилось, как только розовые лучи дневного светила брызнули в мои окна. Днем ведь все воспринимается не как ночью.

Пора на работу. Я проверил, все ли окна в лоджии плотно закрыты, спустился вниз и, увидев во дворе соседку Марту Фант, которая развешивала белье (когда она успела провернуть стирку?), вышел и запер дверь. Домохозяйка, она, кажется, подрабатывала стиркой белья.

- Доброе утро, тетя Марта!
- Аугуст, здравствуй, дорогой.

Эта добрая женщина была почти вдвое старше меня, и потому никто не считал бы предосудительным, что мы перекидываемся парой слов. Мелькнула идея, показавшая мне полезной. Надо сказать Марте, что нас навещали ночные люди. Тогда она будет особенно внимательна к тому, что происходит вокруг, а ее сыновья, четырнадцатилетний Боб и двенадцатилетний Тим, могут оказать мне неоценимые услуги. Они обожают играть в индейцев и взвоят от восторга, если я предложу им роль следопытов. А опасность? Ночные люди могут проявить интерес и к ним, и помешать им в этом я не в силах. Но мальчики будут знать, что опасность рядом, и их трудно будет застать врасплох.

- Тетя Марта, вас ничто не потревожило нынешней ночью? – спросил я и встал возле корзины с бельем, заговорщически улыбаясь.

- Я сплю, как убитая. Так намаюсь, так набегаюсь за день, что рада-радешенька, когда добираюсь до кровати. Ночью, милый мой август, никакой гром меня не разбудит.

- Тетя Марта, этой ночью меня посетили чужие люди. Ночные люди.

Это известие подействовало на нее, как прикосновение электрического провода.

- Расскажи! – крикнула она, загораясь сильнейшим любопытством. Глаза ее впились в меня. Я рассказал малую толику того, что произошло со мной, опуская кровь и страхи и ночное купание в канале. – Они могут вернуться, вот в чем дело. Я оттолкнул их лестницу, и кто-то из них упал. Надо, чтобы соседи знали. Известите их! И внимательно смотрите по сторонам. Я зайду к вам, когда возвращусь с работы.

- Боб! Тим! – позвала она и, когда мальчики примчались на ее зов, поведала им многозначительным шепотом: - Дядю Аугуста навестили ночные люди. По приставной лестнице. Будьте осторожны и не ходите к Джуну. Обо всем, что увидите, немедленно сообщайте мне и дяде Аугусту.

Это было как раз то, что я рассчитывал получить – наставление помогать мне, высказанное сорванцам Бобу и Тиму устами их матери.

- Спасибо! – поблагодарил я и пошел взглянуть на следы, оставшиеся под нашей лоджией. Мальчики сопровождали меня, как тень. Меня интересовала кровь. Она могла быть уликой пугающей и неопровержимой. Крови не было видно, бетонная отмостка под моим окном была присыпана землей из клумбы, и я испустил вздох облегчения. Вот-вот должна была выйти во двор славная соседская девушка Роза Альт. На работу нам было по пути, и я посчитал, что идти вместе мне будет спокойнее. Мне надо было стараться быть на людях. На людях они не посмеют осуществить свой замысел.

- Дядя Аугуст, сколько их было? - спросил Боб с понятным возбуждением юного сыщика, готового взять след.

- Четверо! – ответил я машинально, разглядывая помятые цветы. – Нет, трое. Три крадущиеся друг за другом черные длинные тени.

- Почему длинные?

- Потому что луна стояла низко.

- Вам стало страшно? – вклинился Тим, волнуясь и стараясь заглянуть мне в глаза. – У вас есть ружье, я знаю. Вы хотя бы прицелились в одного из них?

«Я стукнул одного из них гантелей!» – чуть не проговорился я. Хвастовство перед ними сделало бы и меня мальчишкой. Никто не должен был знать о разыгравшейся здесь трагедии.

- Это они вытоптали цветник? – спросил Боб, не позволяя мне придумать что-нибудь такое, что выглядело бы правдоподобно и удовлетворило любопытство Тима.

- В этом месте они приставили к дому лестницу. У входа во двор почему-то не горел фонарь. Надо ввинтить новую лампочку, - сказал я.

- Капля крови! – закричал Боб. – И еще! Вот, вот! – Его указательный палец и огромные испуганные глаза были устремлены на оранжевое пятно, застывшее на бетонном бордюре, который отделял отмостку от клумбы.

- Тише! – предостерег я. – Никому ни звука. Иначе до смерти перепугаете всех женщин. Они приставили лестницу и полезли ко мне. А я проснулся, услышал шорох, подкрался к окну, увидел лестницу и оттолкнул ее. Кто-то здорово шмякнулся. Я думал, что весь дом проснется, так громко шмякнулся этот человек, но никто не проснулся. Выйти во двор я побоялся.

- Вы бы позвали нас! – в один голос заявили мальчики.

- Все кончилось слишком быстро.

Я сумел возбудить их любопытство, и они готовы были сопровождать меня всюду.

- Они обещали вернуться и поквитаться со мной. Следите за домом. Каждый посторонний может быть одним из них. И не спускайтесь к каналу, – они поднялись оттуда.

Они слушали меня и кивали. Я знал, что каждое мое указание будет исполнено буквально. Стоило мне представить себя на их месте, и во мне поднялся зуд воинственности, - как в веселые давно прошедшие времена, когда мы в этом дворе и на берегу канала играли в индейцев, пиратов и другие страшно увлекательные подростковые игры. Тяга же к приключениям жила во мне всегда.

Из подъезда вышла Роза Альт. Где она научилась так играть бедрами? Все в ней подчеркивало доступность юного, холеного тела, к которому чем дальше, тем чаще прикасались жаждущие мужские руки. Вместе с тем, в ней присутствовало и нечто такое, что позволяло производить глубокое впечатление. Я, правда, никогда не представлял ее своей девушкой, и меня не разбирало любопытство, какая она без платья. Хотя по некоторым признакам я догадывался, что если бы захотел узнать это не через посредство воображения, мог бы рассчитывать на успех.

- Роза! – окликнул я ее, и она остановилась, улыбаясь и продолжая по инерции подрагивать бедрами. – Доброе утро. Мне сегодня с тобой по пути.

- Отлично! – сказала она и, рисуясь, переложила белую кожаную сумочку из левой руки в правую. – Ау, ты редко бываешь со мною любезен. – Она предельно сократила мое имя. – И совершенно напрасно! Для одного из нас от этого был бы толк. А, может быть, для обоих. Надеюсь, эти славные мальчики не собираются сопровождать нас? – Она имела в виду Боба и Тима, которые не отставали от меня ни на шаг. Одного моего взгляда было достаточно, чтобы ребят как ветром сдуло.

- Ау, у тебя неважный вид, – заметила она. Она звала меня очень коротко: «Ау». Каблучки ее лаковых туфелек выстукивали звонкую дробь по тротуару. Скоро такую же дробь она станет выстукивать длинными розовыми пальчиками на своей пишущей машинке.

- Поздно лег и рано встал, – объяснил я свое состояние.

Она рассмеялась тем несдержанным, озорным смехом, который нравится многим мужчинам.

- Ты давно никуда меня не приглашал, – сказала она с обидой.

- Разве тебе не с кем проводить время?

- С тобой я бы не просто проводила время, – сказала она с намеком. Серьезно так сказала, – а я не помнил, чтобы когда-нибудь она была серьезной. – Но ты, кажется, положил глаз на длинноножку Сару Кроль. Блондиночка в полном порядке! Есть цимесс, и есть что-то получше цимесса. Только в нее опасно влюбляться. Или ты об этом не осведомлен?

Я не спросил, почему в Сару опасно влюбляться. Я вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд человека, скрытого кустами или деревьями. Один из ночных людей наблюдал за мной. Впереди маячили три или четыре фигуры, но все эти люди шли на работу. Откуда наблюдение? Я резко обернулся. Идущие сзади люди тоже шли на работу. Ясное дело, наблюдатель не следовал за мной по пятам. Но сигнал тревоги прозвучал, и я ему поверил. Чутье не часто подводило меня.

- У тебя нехорошее лицо. Что с тобой? – спросила Роза. Обыкновенно она не разбиралась в оттенках моего настроения, а тут сразу углядела, что я занят не ею.

- Влюбился, и не знаю, что делать дальше, – сказал я. – Ты что бы сделала на моем месте?

- Он не знает, что делать! – засмеялась она, удивляясь моей беспомощности в той области человеческих отношений, в которой для нее не существовало неясностей.

Она еще раз повторила мою фразу, смакуя ее. Ей было очень смешно. Она хотела, чтобы ее смех слышала вся улица. Я опять оглянулся, и опять безрезультатно. Безликие фигуры на тротуаре впереди и позади меня не были настроены враждебно. Более того, ко мне не проявлялось никакого интереса. Значит, я в очередной раз промахнулся. Этому человеку не надо показывать, что я опасаясь слежки.

- Пошли здесь! – предложил я Розе и свернул на безлюдную улицу. Это несколько удлиняло путь, но Роза с готовностью повернула. Она думала, что мой поворот на уединенную улицу имеет к ней прямое отношение. С такой же безмолвной готовностью она пошла бы со мной ночью к Джуну или в любое другое уединенное место.

- Ой! Шнурок развязался! – воскликнул я, быстро нагнувшись, распустил шнурок на ботинке и стал медленно его завязывать. Рассученный кончик шнурка плохо продевался в отверстие.

- Все давно носят сандалии! – сказала Роза. Ее забавляла моя неловкость. – Тебе помочь?

Она заигрывала, хотя и знала, что растрчивает свои чары впустую. Меньше всего мне хотелось, чтобы она склонилась над моим ботинком. Тогда ее кудри коснулись бы моего лба и заслонили того человека, который сейчас должен был повернуть на эту улицу. Я отстранился, и в это время из-за угла вышел стройный и сильный человек лет двадцати пяти в шляпе из рисовой соломки и белом льняном пиджаке. На какую-то долю секунды наши глаза встретились, и я понял, что это один из ночных людей, которые покушались на мою жизнь. Лицо у парня было угреватое, волевое, даже нагловатое, со штрихами моральной неполноценности. Я не понял, что конкретно выражали эти штрихи – пристрастие ли к алкоголю, к частой смене женщин, или какие-либо другие низменные инстинкты. Парень курил, глубоко затягиваясь. Увидев меня так близко, он бросил сигарету, не докурившую и до половины, и прошел мимо. Удаляясь, он не обернулся ни разу. Но его походка не была походкой беспечного или задумавшегося человека, в ней угадывалось напряжение. Я тотчас справился со своим шнурком, и мы двинулись следом.

- Ты как-то странно посмотрел на этого парня. Ты его знаешь? – спросила Роза.

- В первый раз вижу.

- Ты смотрел на него очень пристально и со страхом.

- С чего ты взяла? – Я был в замешательстве от ее пронизательности. Поистине, ничто не может укрыться от пытливого ума женщины, когда она равнодушна к вам. Моя мать тоже необыкновенно пронизательна в отношении меня.

- Это Жоля Лайон! – сказала она тогда, просвещая меня. – Один из четырех братьев Лайонов. Все они ужасно несимпатичные типы. Все они просто премерзкие типы. Один из них ухаживал за мной, но я с ним не

пошла. Он так больно щипал меня! Зачем ему было так щипаться? Он оставлял на мне синяки, которые не проходили неделями. Еще он как будто двоился. На моих глазах двоился. То он культурный, воспитанный человек, а то – форменный идиотик. Нет, я бы всех этих Лайонов выселила из нашего города!

- Братья Лайоны? – переспросил я, и меня ударил озноб. Ведь их было четыре, только одного из братьев уже нет. Второго звали Томом. Третий служил в полиции. Четвертый, значит, Жоль. – Я не слышал о Лайонах ничего. Кто они?

- Ты мало чего потерял, не зная их. Это удивительно плотские личности. У них какое-то одно на всех нездоровье. Дай Бог, чтобы оно было не заразное. Младшего я не знаю. У Тома лицо гангстера и алкоголика. Жоля ты видел, это хам от рождения. Но отвратительнее всех полицейский. Я не встречала человека с такими бесчувственными, животными глазами.

Смеясь и кокетничая, она сообщала мне сведения, которым не было цены. И так, похищением людей, убийствами и другими темными делишками в нашем предместье занимались братья Лайоны.

- Роза, и где они живут? – спросил я, подавляя волнение.

- В тупике, который отходит от этой улицы. Их дом у самого Джуна. Домина под цинковой крышей, такой же мрачный, как они сами. Настоящая крепость! И забор вокруг дома у них мрачный.

В этот тупик сворачивала Сара, строго-настрога наказывая мне не провожать ее дальше и не следить, в какую из калиток она войдет. Я вздрогнул от сознания опасности, которой она подвергалась, живя рядом с этой семейкой. Что, если у них общий забор, и они соседи? Расспрашивать дальше было нетактично, но я все же спросил: - Слушай, всезнайка, а чем они занимаются?

- У Жоля свой грузовик. И легковушечка у них – высший класс, в багажник можно комод поставить. Любая девочка сядет. Полицейский, само собой, служит в полиции. А про двоих других не знаю.

Ей начинало не нравиться, что разговор шел о третьих лицах, а не о ней, такой неотразимой, и я подавил в себе искушение продолжить расспросы.

- Говорят, твой шеф к тебе равнодушен, - сказал я, испытывая обидное для Розы безразличие к этому пикантному обстоятельству.

- Он просто галантный мужчина. И кто надул это тебе в ушко? Это неправда! Это сто раз неправда!

Ее протест был слишком энергичен для опровержения неправды. Но мне это было не важно. Все ее правды и неправды были только ее достоянием.

- Ладно, мало ли что болтают чужие ротки, - сказал я. – Здесь мне направо, а тебе? Прямо? До свидания. А с тобой было так мило! Спасибо за компанию!

Минутой раньше сюда же завернул Жоль Лайон. Он знал, как должен пролегать мой маршрут. Прощаясь, Роза обиженно вскинула голову: я никуда ее не пригласил. Не закадрил, как с некоторых пор принято говорить в нашей среде. И я был скуп на банальные любезности. Я даже не простер к ней руку, чтобы провести ладонью по ее холеным плечам, спуститься к талии. Почти всю дорогу я интересовался какими-то Лайонами. И ее острые каблочки обиженно застучали, унося ее прочь. Контора ее фирмы была в квартале от площадки, на которой мы возводили сорокаэтажный офис.

Глава 6

Прежде чем встать к пульту управления бетономешалки, я прошел в конторку хозяина и написал заявление об увольнении. Если днем я буду работать, мне не хватит сил, чтобы противостоять сплоченной силе братьев Лайонов. У двери, еще запертой, сидели двое дюжих парней в полотняных мешковатых костюмах и тихо перешептывались. Один из них был Жоль, второго я видел впервые. Лицо его скрывала такая же широкополая шляпа из рисовой соломки, которая была на Жоле. Одеты они были совершенно одинаково, даже сандалии на них были коричневые и одного размера. «Это брат Жоля Том, - определил я. – Они хотят работать со мной. Чтобы со мной на производстве произошел несчастный случай. А что? Подключат напряжение к стальному ограждению, я схвачусь, и все. А они быстро уберут контакты. И следовательно придется оформлять очередной несчастный случай. Но следовательно что? Он к таким вещам привычный и в глубину не полезет».

Я подошел к этим двоим и смело спросил: «Вы к Генри Фобсу? Я тоже к нему, я за вами» Здесь, на виду у других рабочих, я был в безопасности. А что придает людям смелость, как не сознание безопасности?

Я присел на корточки подле второго парня, который на мгновение остановил на мне угрюмый взгляд и снова вперил глаза в землю. Пусть полагают, что я ничего не подозреваю. Они прекратили шептаться, потом Жоль сказал: «Мне, однако, пора. Терпеть не могу разгильдяйства. Уже восемь, а хозяин, стерва, все дрыхнет! Падла! Песья кровь!» Он ушел, не оборачиваясь. Он не показал, что знает второго парня. Но он не мог изменить ему родственные черты лица.

- Хотите здесь работать? – спросил я второго, удивляясь собственной смелости. На меня недоуменно уставились бордовые глаза парня. Ему не понравилось, что я заговорил с ним.

- Да, а что? – бросил он мне и отвел взгляд. Он ушел в себя быстро и глубоко – взял и погрузился в самосозерцание. Но я чувствовал, что он изучает меня с таким же напряжением, с каким я изучал его. На вид ему было лет тридцать. Отечные щеки, лиловые мешки под глазами и угрюмая замкнутость выдавали в нем давнее пристрастие к спиртному или к чему-то еще, что похлеще спирта. Его загорелые, жилистые руки, обнаженные по локти, были покрыты татуировкой. Одна из татуировок врезалась мне в память: на правой руке был изображен обнаженный мужчина, из груди которого торчала массивная рукоятка ножа. Синее пятно рядом обозначало лужу крови. На другой руке была запечатлена Юдифь, державшая на весу голову любившего ее мужчины. Время не сделало эту татуировку менее выразительной: глаза Юдифь выражали безграничное презрение и, одновременно, радость удовлетворенного самолюбия. Надпись извещала: «Я люблю кровь!» Она и передавала суть этого человека. «Не показывай своего любопытства и своего замешательства!» – приказал я себе.

- Вы кто по профессии? – спросил я, стараясь казаться общительным человеком.

- Я по электричеству. А тебе что? – бросил парень. Холод, могильный холод был в его глазах.

Генри Фобс спешил к конторке. У него была походка энергичного человека, дорожившего своим временем. Мы встали, он кивнул нам и звякнул ключом, вставляя его в замочную скважину. Парень последовал за ним. Через пять минут он вышел, вертя в руках клочок бумаги – направление на работу.

- Не знаешь, кто такой Ньюлик? – спросил он. Он прекрасно знал, что Аугуст Ньюлик – это я.

- Это на бетономешалке, – сказал я, наслаждаясь его удивлением. Его губы шевельнулись, произнося ругательство, но он направился к эстакаде, на которой стояла бетономешалка. Мое заявление Генри Фобс повертел в руках. Я не был для него важной птицей, и все же...

- Пяток долларов в день могу набавить, если в этом дело, – сказал он.

- Не в этом дело, господин Фобс! – сказал я.

- Уйдешь в понедельник. Ты был у меня на хорошем счету. Обучишь новенького, я направил к тебе одного типа. Он не в моем вкусе, но сейчас мне нужны люди. – Он подписал заявление, и я вышел.

Электрик, принятый на работу только что, топтался у бетономешалки.

- Том! Ты искал Ньюлика. И вот Ньюлик перед тобой! – сказал я с улыбкой. Этот из братьев Лайонов мог быть только Томом.

- Верно, я Том. А ты откуда знаешь? Нас не знакомили.

- От верблюда знаю. Парень, который сидел рядом с тобой у конторки хозяина, назвал тебя Томом. А я запомнил. Я, уважаемый, все запоминаю! А ты случайно не перебрал вчера? Физиономия у тебя помятая. И мрачная. Если хочешь задержаться здесь, закатывай рукава. Заодно наколочки свои обнажишь! Они у тебя прелюбопытные! Сразу видно, что ты парень себе на уме.

- Физиономию мою не трожь. И наколочки не трогай. Учи, что делать.

Угроза была в его голосе. Угроза и предостережение. Он не умел быть актером. Любезностям и обыкновенной вежливости его не обучали. Удар по затылку чем-нибудь тяжелым – вот что было истинной его специальностью. Удар сзади, раскалывающий череп...

Я показал ему наше несложное электрическое хозяйство, все время помня о грозящем мне ударе в затылок. Я не позволял ему держаться сзади. Но пока его функции, не связанные с работой, были только наблюдательные. Два врага, мы мирно разговаривали. Впрочем, говорил я один, а он кивал, соглашаясь со сказанным или отрицая то, что было ему не по нраву. Я подумал, что он из тех людей, которые лучше пройдут десять лишних километров в поисках нужного им объекта, чем спросят у людей дорогу к нему. Инструкция, наверное, заняла полчаса.

- В вашем квартале спокойно? – вдруг спросил он.

- Как это спокойно или не спокойно? Мы народ тихий, и вокруг нас всегда тихо. – Я изобразил непонимание вопроса.

- У вас не шалят? – Он улыбнулся, но лучше бы он этого не делал. Его улыбка походила на оскал зверя, которому не дают броситься на добычу.

- Кто может шалить у нас? – спросил я.

- Кто, кто! Ночные люди. – Он не ожидал встретить столь откровенное непонимание. Он хотел, жаждал прямо увидеть испуг на моем лице.

- У нас тихо-тихо. Да и кто к нам полезет? У каждого мужика под боком ружьишко, ломик, собачка. – Моя улыбка должна была быть верхом артистического искусства. – Этой ночью, правда, мне привиделось, что к нам лезут, и я схватил гантель и побежал к окну. А утром подобрал свою гантель в цветочной клумбе. Не врублюсь, как она там оказалась! Я хватил на ночь пару стаканов рому и вырубился. До утра был ой какой тепленький. А тепленькому чего только не померещится! Гад буду – больше не буду нагружаться на ночь. А то, чего доброго, сам сигану из окна! А мне это надо?

Я увидел, как округлились его глаза. Он мне верил, состояние перепомя ему было знакомо во всех подробностях. И он уже предвкушал, как ударит меня сзади и размозжит затылок.

- А что тебе померещилось? – спросил он. – Лезли, но недолезли? Или как?

- А никак, никак! Не помню. Я вскочил с гантелей, а потом сразу лег и вырубился. А к вам что, лезят? Беспокоят? Пугают?

- На прошлой неделе полезли двое. Выдавили стекло. Пришлось шугануть.

- Такой, как ты, шуганет – косточек не соберешь! Ну, что, угостишь вечером? Поллитра с меня хватит. Не жмись, братанчик!

Он изменился в лице и отступил на шаг. Пробормотал: «Не пью! Совсем не пью! Завязал!»

- Тогда за работу. Кончаем прохладиться! – Я возвысил голос. – Мы не курим и не пьем, а только девочек... Иди к сварщикам, посмотри, как у них. Провентилируй им мозги насчет техники безопасности, это за тобой!

Я не хотел, чтобы он находился рядом. Я мог разбудить в нем лютого зверя. Он удалился в указанном мной направлении. Продозировав составляющие, то есть щебень, песок, цемент и воду, я заполнил бетономешалку. Она вращалась с грохотом, все заглушая. Вывалил бетонную смесь в бадью, и кран потащил ее вверх. Ничего сложного в моих обязанностях не было. Через час Том вернулся и доложил, что кабели, идущие к сварщикам на верхние этажи, в порядке, и трансформаторы тоже.

- Не торчи без дела! – предупредил я. – Хозяин засечет и турнет в два счета. Нет работы по твоей части – займись профилактикой. – Я протянул ему шприц с солидолом и показал, как с ним обращаться. Оказывается, он это умел. Устройство бетономешалки, скипового подъемника и дозаторов не представляло для него большой сложности. Впоследствии я имел возможность убедиться, что он неплохо ориентировался в технике и мог интуитивно угадывать устройство машин.

Время шло, бессонная ночь и психическая травма сказывались на моем состоянии. Но я не выключал тормозные рефлексy. Том неизменно крутился подле меня, что-то прикидывал, к чему-то прицеливался. Я же был занят работой и не мог проследить каждый его шаг. Мне приходилось все время быть настороже, и это изматывало меня сильнее, чем одна жаркая, все решающая схватка. Если он исчезал, то не надолго. Наверное, знакомился с местными условиями. Потом возвращался и исподволь наблюдал за мной. Он родился молчаливым; вытянуть из него слово требовало сил. Я не мог придумать, как избавиться от его назойливого присутствия рядом. Он все время маячил перед моими глазами. Его руки, исколотые татуировкой, символизировали его натуру.

В полдень (я как раз посмотрел на часы и увидел, что до обеденного перерыва оставался час) откуда-то сверху упал большой камень из фракции щебня диаметром более десяти сантиметров, ударился о стальную пол и разлетелся на мельчайшие осколки. Один из осколков оцарапал мне палец. Показалась кровь. Я метнул в Тома взгляд, полный ненависти. Он стоял неподалеку, но гораздо дальше меня от места, куда ударился камень. Его расширившиеся глаза были прикованы к капельке крови на моем пальце. Камень, свалившийся сверху, был делом его рук. А как иначе он там оказался? До его прихода сюда сверху на меня ничего не падало.

- Ты! – крикнул я, угрожающе придвигаясь к Тому. – Ты зачем бросил в меня камень?

Я хотел, чтобы в любом несчастном случае, если он произойдет со мной, виновным считали его.

- Не дури! Я не бросал камня, - сказал он внятно. Мой крик испугал его. Его колючие глаза по-прежнему были устремлены на капельку крови. Чем-то она его привораживала.

- Это ты! – крикнул я и выключил бетономешалку. Стало тихо. Внизу урчал самосвал, приехавший за бетонной смесью.

- Почему ты бросил в меня камень? – продолжал допытываться я. И вдруг метнулся к нему, схватил за лацканы льняного пиджака, затряс. Он не был жидковат передо мной, но решимость и возбуждение придали мне силы. Но он не отступил и не испугался. Он тоже выпустил коготки. Моей силе он готов был противопоставить свою силу. Это озадачило меня, я ждал быстрого отступления.

- Ты! Что я тебе сделал, что ты хочешь моей смерти? – кричал я, распаяясь и тесня его к ограждению. Я подумал, ударить его или нет. Если бы я не подумал об этом, я бы ударил, но заданный самому себе вопрос замедлил реакцию.

- Что такое? – раздалось за нашей спиной. Генри Фобс, привлеченный задержкой в подаче бетонной смеси и шумом, предвещающим драку, взбегал к нам по крутой металлической лестнице. Он намеревался заткнуть нам глотки своим начальственным рыком, призывающим к порядку и послушанию.

- Он бросил в меня камень. – Я не лгал. Том положил камень на стальной двутавр, венчающий обвязку конструкции, и вибрация от движения подъемника сбросила его вниз. Камень был положен с таким расчетом, что вполне мог опуститься на мою грешную голову. – Он хочет убить меня и выдать это за несчастный случай. Он поклялся, что убьет меня. Зачем вы поставили сюда этого уголовника? Он напомнил мне о старых счетах, а я его в глаза не видел!

Генри Фобс вылупил глаза. Я, конечно, пользовался моментом, чтобы опорочить Тома. Казалось же, что я несую окошечку.

- Он врет! – сказал Том. Слова прозвучали натянуто, его голос задребезжал от страха. – Камень упал сверху. Он перепил вчера и никак не придет в себя.

- Работать! – рявкнул Генри Фобс. – А ты, новенький, сядешь на электрический стул, если тут произойдет несчастный случай.

- Он врет! – повторил Том, но хозяин уже сбежал вниз. Мы снова остались наедине.

- Ты что это? – сказал Том, и наполненный солидолом шприц угрожающе дернулся в его руке. Я взял в руку двухдюймовый гаечный ключ. Он весил килограмма два, это уж точно.

- Откуда ты взял, что я хочу убить тебя?

- В душе твоей прочитал. Там все написано. Понял? И на руке твоей все написано – лиловой нестираемой тушью!

Он не ответил, но отступил на шаг.

- Дурак! – заключил он, но не догадался, что я знаю, что он был моим ночным гостем. Может быть, он просто не успел подумать об этом. Я понял, что перегнул. Мое поведение должно было передавать испуг, продолжение моих ночных кошмаров. Включив бетономешалку, я подумал, что сегодня Том больше ни на что не отважится. Я оглянулся и не увидел его. Он исчез, это сразу насторожило. Его мозг был так изобретателен на разные гнусности!

И тут пришло решение. Надо немедленно бросить эту работу. Пусть Генри Фобс подергает себя за волосы, – быстрее облысеет. Подумаешь, я лишусь каких-то ста долларов за эту неделю. Что они в сравнении с теми тремя тысячами, которые у меня уже есть, и с теми ста тысячами, которые есть у матери? Здесь им легко достать меня. У них нет страха, и их месть может быть изощренной, как произведение криминального искусства. Однако зачем они грабят и убивают? Что ими движет?

Задавая себе этот вопрос, я еще не знал, что Лайоны не грабят, им это без надобности. Лайоны только убивали, а потом завладевали своими жертвами, а потом...

Глава 7

Я проспал с двух до шести, и мне показалось, что я снова родился на белый свет, такой разительной была перемена в моем состоянии. На ночь следовало принять меры предосторожности. Я решил по-прежнему спать в лоджии. Но не на кровати, а под ней, а на кровати сделать имитацию человеческого тела. Открытым я оставил одно окно, а под окном натянул оголенные провода и пропустил по ним электрический ток. Это было мощное ограждение, в темноте не заметное. Но как защититься от выстрела в окно? От гранаты? Воспаленное воображение подсказывало мне десятки способов, с помощью которых Лайоны могли попытаться расправиться со мной. И все же я решил спать в разных местах, в том числе и в зарослях на берегу Джуна. Уж там наверняка меня не станут искать. Подземная галерея скроет меня от всевидящего ока наблюдателя. А что, если спать днем, а ночью бодрствовать и самому выслеживать Лайонов? Спать днем было совсем безопасно, учитывая бдительность Боба и Тима.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Это был робкий стук, и за ним воцарилась тишина. Я подкрался к двери на цыпочках и спросил: «Боб?» Ответ был утвердительный, и я открыл засов. Сиятельные сорванцы ворвались в мою квартиру в сильном возбуждении.

- Был полицейский! Спрашивал вас. И спрашивал, не было ли здесь чего ночью! – возвестил Боб. Он ждал, как я на это прореагирую; глаза его сияли. Я понял, кто был этот полицейский.

- И что ты ему сказал?

- Тим хотел рассказать ему все, но я пихнул его в бок и заявил, что мы ничего не знаем. Полицейский не понравился мне. Я его помню. Он три раза ловил меня на улице, когда я стрелял в скворцов из рогатки, и пребольно оттаскивал за уши. Он всегда мучил меня до тех пор, пока я не начинал плакать. Это живодер, а не полицейский.

- Так он ничего не узнал от тебя?

- Ничего, честное слово!

Мне нравилась скороговорка Боба – бойкая и логичная. Я попытался сбросить с плеч годов пять-шесть и представить себя на месте Боба, но мне это не удалось. Однако мне было чем подогреть любопытство мальчиков. И я сказал им:

- Я доверю вам секрет, только вы не проговоритесь.

Мальчики застыли в благоговейном нетерпении. Я открыл дверь на лестничную площадку, высунул голову и убедился, что там никого нет. Все равно я перешел на шепот:

- Один из ночных людей был полицейским.

Детские лица вытянулись от изумления. То, что представитель власти был одновременно ночным человеком, с трудом укладывалось в их сознании. Ведь школа внушала им, что наша полиция безупречна.

- Я видел его так же близко, как вижу сейчас вас. Скажи, Боб, есть ли у него на пальце перстень? – Впечатление от моих слов, все же, прокладывало дорогу в их души.

- Что такое перстень? – спросил Боб.

- Ну, кольцо с камнем.

- Кольцо! – воскликнули они одновременно, но Боб не дал младшему говорить дальше. – У него было кольцо с зеленым камнем, - сказал он таким тоном, словно это была улика.

- И у полицейского, которого я видел, было на указательном пальце кольцо с зеленым камнем. Это страшный человек. Никогда не подходите к нему. И следите за ним, что он будет делать. Сами подумайте: откуда ему знать, что здесь были ночные люди, если я, единственный, кто их видел, никому не рассказал об этом, кроме вас? Он знал о том, что здесь случилось, по той причине, что сам был одним из ночных людей.

- Он правда страшный! – согласился Боб. – Когда он расспрашивал нас, мне хотелось убежать. Стоять рядом с ним было страшно. Он сильный, из его рук нельзя вырваться.

- Мне тоже было страшно! – поддакнул Тим. – Только сам полицейский был напуган. Мне так показалось. Он все глазел по сторонам, и плечи у него съеживались...

- Он долго осматривал сад, потом вошел в клумбу, где остались следы, нагнулся и разглядывал что-то на земле. Потом он смотрел вверх, на вашу лоджию.

- Он нарочно затоптал следы, - сказал я.

Я радовался безграничной словоохотливости мальчиков. Они увидели и запомнили больше, чем на их месте заметил бы и запомнил взрослый. Подумать только, они догадались ничего не сказать полицейскому! Какие они молодцы!

- Что еще вы видели? – спросил я.

- К саду со стороны Джуна подходил парень в соломенной шляпе, - сообщил Тим. – Он околачивался там полчаса.

- Мы подкрались к нему сзади и стали приставать с вопросами, - вклинился Боб. – Дяденька, что вы здесь ищите? Здесь что-то будут строить? Дяденька, вы не из тайной полиции? Он обругал нас и ушел. У него было плохое лицо, и мы не пошли за ним следом. Потом он проехал мимо нас на грузовике. Остановился на углу и стал менять шину. Как будто проколол камеру, только с камерой у него все было в порядке. Ибо он потом поставил на место ту самую шину, которую снял. Мы подошли и стали смеяться над ним, что он возится так долго. И он обругал нас самыми скверными словами. Я еще не умею так ругаться!

- Это тебе ни к чему, - сказал я. – Ругаются только плохие люди и преступники.

- Наш папа тоже ругается, только он не преступник, - сказал Тим серьезно. – И мама иногда ругается. Когда я был маленький, я не думал, что мама знает все ругательные слова! Папа, когда ругается с мамой, не может ее переругать.

Мне были ни к чему эти милые подробности семейной жизни соседей. Кроме того, от слов следовало переходить к делу. Часы пробили половину седьмого, а я хотел засветло осмотреть то сужение Джуна, отвесный берег которого поглотил минувшей ночью братьев Лайонов. Там могла быть пещера, и не одна. Пещера могла уходить глубоко под землю. Мне надо было осмотреть это таинственное место при свете дня, а времени до прихода ночи было в обрез. Кроме того, в десять в парке меня будет ждать Сара. Значит, в половине десятого, и ни минутой позже, я должен быть в парке при параде, веселый и неотразимый. Последнее, правда, мне еще не удавалось.

- Где живет парень в соломенной шляпе? Который вел машину и так замечательно ругался?

- Поучиться бы у него! – воскликнул Боб. – Я бы в два счета позатыкал рты малявкам с соседней улицы, которые обкладывают меня многими плохими словами.

- Не надо учиться у бандитов, - сказал я. – И лучше не сквернословить.

- Один квартал он проехал прямо, потом повернул направо, - сказал Тим. – А дальше не было видно. Зацепиться за кузов мы не догадались. А номер машины я запомнил!

- Он проехал прямо два квартала, а потом повернул, - сказал Боб. – Я знаю тупик, где он живет.

Я похвалил их и хотел подбодрить улыбкой, но улыбки не получилось: в этом тупике жила Сара. И я опять подумал об опасности, ей угрожавшей. Надел брезентовый пиджак, сунул под пояс топорик, скомандовал: «За мной шагом марш!» – и вышел во двор с настроением человека, ежеминутно ожидающего удара из-за угла. На улицу вперед я выпустил Боба. Увидев постороннего, он должен был вернуться и предупредить. Он подал знак, что все в порядке, и мы вышли к каналу, спустились к зловонной воде и по пешеходному мостику перебрались на правый берег. Подальше от опасности. Здесь начиналась сельская местность и стояли редкие дома фермеров. Я объяснил мальчикам задачу. Не привлекая ничего внимания, мы должны были обследовать левый берег канала в том месте, куда упирался тупик, в который свернул грузовик Лайонов. Сара, ступая в этот тупик, строго-настрого наказывала мне не провозжать ее дальше.

- Дядя Аугуст, у меня бинокль! – похвастался Боб. Это был театральный бинокль, и им пользовались тогда, когда спокойно можно было обойтись невооруженным глазом.

- Какой ты предусмотрительный! – похвалил я маленького любителя приключений.

Мы пробирались узой тропкой. Впереди шел Боб, за ним в трех метрах – я, сразу за мной – Тим. Заросли возле Джуна походили на джунгли в миниатюре. Чаща была такая, что в нее лучше было не соваться. Человек

исчезал в этих зарослях, едва ветви кустарников и деревьев смыкались за ним. Правый берег я выбрал, чтобы избежать случайной встречи с одним из Лайонов.

Душный, застоявшийся воздух затруднял дыхание. Один раз из-под ног Боба с шумом вылетела птица, и он оторопел, потом засмеялся. Листья были серые от пыли. «Вперед!» – подбадривал я новоявленных сыщиков. Однако мне самому приходилось поспешать, чтобы успевать за расторопным Бобом. Запыхавшись, мы вышли к обрыву каньона в том месте, где он сужался до десяти метров. Сужение занимало участок метров в сорок. Очевидно, здешние глины с вкраплениями гипса тяжелее поддавались размыву. Вертикальный откос они держали великолепно.

- Меня интересует левый берег, - сказал я. – Смотреть в оба глаза! Узреете интересное – докладывайте сразу! Правила маскировки соблюдать, шума не поднимать, из кустов не высовываться!

Этим сорванцам ничего не надо было повторять дважды. Подстегиваемые энтузиазмом, они отличались замечательной сообразительностью. Предприимчивости им тоже было не занимать. Раздвинув пыльные ветви, я впился взглядом в левый берег. С одной точки видно было немного: серый лессовый откос с вкраплениями кустов и травы, с круглыми отверстиями ласточкиных гнезд, и, наверху, сплошные заросли, абсолютно непроницаемые для взора. Мы сменили с десятков точек наблюдения, но не выявили ничего интересного. Вода на дне каньона не просматривалась, и не просматривалась та нижняя часть обрыва, где могло находиться отверстие пещеры. Обзору открывалось лишь две трети вертикальной стены обрыва, усеянного крапинками ласточкиных гнезд. Эти черные птицы так и мельтешили перед глазами. Чтобы исследовать обрыв у самой воды, требовалась веревочная лестница или, по крайней мере, прочная веревка. Мальчики доложили, что ничего не видят. У них были постные физиономии. Они так надеялись!

В одном месте мне все же удалось заглянуть вниз. Для этого я, схватившись обеими руками за мощное корневище, выпиравшее из обрыва, повис в воздухе. Пещеры не увидел, но в том месте, где, по моим предположениям, мог находиться вход в пещеру, нависал карниз, похожий на массивную челюсть. Карниз и скрывал вход. Но могло быть и так, что я ошибался. Я не вполне был уверен, что это было именно то место, куда причалила надувная лодка ночных людей. Назад я подтянулся с величайшим трудом, – затекшие руки плохо повиновались. Так можно и вниз загреметь!

- И я ничего не увидел! – сказал я и развел руками.

- Идите на дерево! – закричал Боб так громко, что я приложил ладонь к его рту. Метрах в тридцати от каньона рос огромный дуб, дерево редкое для наших южных мест. Наверное, его посадил какой-нибудь переселенец с севера, и теперь он стоял, как утес, могучий, черно-зеленый, и был живым памятником этому давно ушедшему и позабытому человеку. Дуб поднимался над кустарником богатырем-великаном и спокойно противостоял могучим ветрам. Под ним была полянка, поросшая жесткой лебедой. Мальчики, скинув сандалии, мгновенно вскарабкались наверх по стволу метрового диаметра и потерялись в зеленой массе листьев, наполняющих воздух тихим шуршанием. Казалось, что где-то рядом течет ручей, невидимый, а только слышимый, и в одном месте сбегает в какое-то углубление – там было усиление и расчленение звука на два полутона, высокий и низкий.

Я остановился, очарованный, а Боб и Тим уже были высоко, давая мне много очков вперед в смысле проворства и умения подражать обезьянам. Когда я, наконец, присоединился к ним, тяжело дыша и держась за две ветки сразу, чтобы, не дай Бог, не скovyрнуться вниз, они уже перевели дыхание и удобно сидели на толстых сучьях, обозревая добрую четверть города – до центра, загроможденного высотными офисами. Ветер шевелил ветви, и я чувствовал себя на палубе корабля, пересекающего океан под парусами. Ветви и были туго надутыми парусами, ствол – высокой мачтой, упирающейся в облака, а мальчики – моими матросами, быстрыми и расторопными, как ветер. Я, конечно, мог быть только капитаном. Это не стоило мне никаких усилий, ибо я был хозяином своего воображения.

- Что на горизонте? – закричал я, возвышая свой голос над свистом ветра и шорохом листьев.

- Остров, населенный пиратами! – крикнул Тим.

- Нет, гангстерами в черных масках! – перебил его Боб. Ясное дело, им передан зазор моего тона, и они подражали мне. Для них это была игра, не заключающая в себе опасности. Они увлеклись, огромное дерево их завораживало. И я спросил себя, по какому праву я подвергаю риску этих замечательных детей? Только потому, что мне больше не на кого положиться? Что взрослые отмахнулись бы от моих страхов, назвав их бредом свихнувшегося человека?

- Прямо над нами вражеский самолет! – возвестил Боб. Он увлекся и позабыл, что мы взобрались на дуб не для того, чтобы обозревать небо в редкие разводья ветвей. «Боинг» прошумел мощными двигателями и пошел на посадку. За ним, как шлейф, тянулся свист, неослабевающе-резкий. Да, этот красавец-самолет заставлял заирать голову в небо не одного мальчишку.

- Наблюдать за землей! – распорядился я. – Осмотреть тупик, в который завернул грузовик с парнем в соломенной шляпе и белом пиджаке!

- На нем не было соломенной шляпы! – сказал Боб. – Соломенная шляпа была на нем только тогда, когда он подходил к нашему двору.

- Дядя Аугуст, а вы откуда знаете, что на нем белый пиджак? Вы же его не видели! – сказал Тим и посмотрел на меня так, словно он и был здесь главный сыщик.

- Ты сам сказал! – успокоил я парня и понял, что начинаю проговариваться. Если они узнают, что я не искренен с ними и что-то скрываю, они перестанут мне доверять.

Я быстро сориентировался. Вот наш оранжевый двухэтажный дом – до него полкилометра, и он возвышается над стандартными коттеджами на одну семью. Вот наш тупик. Он выходит на улицу, параллельную Джану. А вот тупик, в который повернула машина с Жолем Лайоном. Все, как на ладони! Конечно, мешают листья, но при перемене положения и благодаря ветру, раздвигающему листья, просматривался буквально каждый клочок земли. Я насчитал шесть домов вдоль правой стороны тупика и пять – вдоль левой. Это были коттеджи с верандами и гаражами в глубине дворов. Один дом в торце тупика был нестандартный, вдвое больше остальных. Прочной кирпичной кладки, с узкими и редкими окнами, он чем-то напоминал крепость. Его кровля имитировала черепицу. Примыкающий к этому дому двор был очень большой и выходил к Джуну. Его обрамляла кирпичная стена высотой метра в два с половиной. Фруктовые деревья прикрывали дом почти до самой крыши. Судя по своему жилищу, Лайоны не должны были нуждаться. Нет, подумал я, скорее всего, это не их дом. Они непременно должны нуждаться, иначе зачем им разбойничать?

Солнце желтым расплавленным краем коснулось горизонта, и в точке касания засветился малиновый ободок. Лучи солнца стали видимыми, как полет стрелы. Надвигался вечер. Я смотрел на загадочный дом и думал, как много принес мне этот день, а мог принести еще больше. Братья Лайоны по-прежнему оставались зловещей загадкой. Я убил одного из них в тот момент, когда он замыслил убить меня. У Лайонов была причина убить меня, раз они шли ко мне с этой целью (мне эта причина была неизвестна). Теперь к этой причине присоединилась жажда мести, удесятерив ее силу.

- Чей этот дом в конце тупика? – спросил я мальчиков. Они не знали. А солнце медленно и неотвратимо процеживалось за горизонт. С другой стороны напоздали плотные сиреневые сумерки. Я мог пренебречь чем угодно, но на свидание с Сарой должен был явиться вовремя. Я не представлял, как можно заставить ждать прекрасную Сару.

- Слезаем! – скомандовал я.

- Машина! – закричал Боб, захлебываясь от волнения. Я тоже увидел грузовик, который въезжал во двор дома-крепости. Боб приложил к глазам бинокль.

- Вижу номер! Он тот самый!

Это была машина Лайонов. Я почувствовал, что к горлу подступает непроглатываемый комок.

- Дай! – крикнул я и протянул руку к биноклю. Чудесные стекла приблизили кабину грузовика в десять раз. И с расстояния в тридцать метров я увидел Жоля, ступившего на дорожку. На его продолговатом лице запечатлелась угрюмая настороженность. Как будто за ним гнались, а он долго и тяжело отрывался от преследователей. Из дома к машине вышел второй Лайон – я узнал в нем Тома. Я сбежал от его опеки и теперь имел перед Лайонами то преимущество, что выспался, и не они следили за мной, а я – за ними. Куда они спрятали Рези, подумал я. Была упомянута какая-то стекляшка. Причем тут стекляшка? Что это такое? Странность на странности. Мертвых отвозят на кладбище или в крематорий.

И тут я увидел, что к машине подходит девушка, в отношении которой я не мог ошибиться. Это была Сара Кроль. Бинокль выпал из моих рук и повис на шелковой тесемке, накинутой на шею. Я бы узнал ее и без бинокля! Сара в дома братьев Лайонов!

Это было, как удар ножом в сердце. У меня задрожали и стали холодеть кончики пальцев. Я схватил бинокль и поднес к глазам. Сара помогала Жолю вынимать из кабины серые пакеты, в которых обычно отпускает товары наш гастроном. Значит, она у Лайонов не в гостях! Значит, она живет с ними под одной крышей! Конечно, конечно! Вот почему она запрещала провожать ее до калитки! Вот почему прощалась со мной с затаенным страхом в своих очаровательных глазах! Отсюда и это состояние подавленности, которое временами выплывало наружу. Знает ли она, что Лайоны собирались убить меня этой ночью? Или просто догадывается, что от них исходит опасность?

Я смотрел на нее и не верил своим глазам. Только у нее такая походка, такое совершенное очертание шеи, талии, бедер. Только у нее...

Глава 8

- Вот и ты! Добрый вечер! – воскликнул я, сбрасывая с плеч тяжесть затянувшегося ожидания. Сара торопилась и запыхалась. Ее янтарные кудри разметались. Она предстала предо мной, смущенно улыбаясь и думая и обо мне, и о чем-то еще, не связанным со мной. То, о чем она думала, придавало ее лицу выражение

озабоченности и даже растерянности, и улыбка не могла этого скрыть: Сара была еще малосведуща в искусстве скрывать свои чувства.

- Прости, я опоздала. Ты не сердись? – извинилась она с милой непосредственностью. В том, как она извинялась, я усмотрел желание понравиться мне, и тоже улыбнулся. Подумать только! Ей еще не было восемнадцати, и жаждающая мужская рука еще не касалась ее обнаженной талии. Я буду первым! Я буду первым и последним – я буду единственным. Никто, кроме меня, не сделает этого! Никто, или я не Аугуст Ньюлик!

- Ты не в духе. Ты не такой, как вчера! У тебя неприятности?

Признаться, я забыл, что она проницательна, и забыл, что в отношениях с женщиной этого никогда нельзя упускать из вида. Женщины в десять, в сто раз проницательнее нас. Они становятся ясновидящими, когда очень того хотят. Им снятся сны, которые сбываются. По едва уловимым нюансам вашего поведения они определяют ваше состояние, и им в голову не придет сомневаться, потому что не было случая, чтобы они ошиблись. Сара смотрела на меня большими, но совсем не наивными глазами. В них было и желание повелевать, и желание быть паинькой. «Что с тобой?» – повторила она.

- Сейчас скажу... Тебе очень хочется танцевать? Давай обойдемся сегодня без танцев. Мне надо поговорить с тобой, и так, чтобы нас никто не слышал.

- Не рано ли? – сказала она, словно знала, о чем пойдет разговор.

- Это обо мне и о тебе. О тебе, даже если ты свяжешь свою жизнь не со мной. Это предостережение об опасности, которая грозит мне и тебе тоже. Будь бдительна и осторожна!

Теперь в ее зрачках застыл страх – древний, инстинктивный, переместившийся в гнезда глаз откуда-то из тайников сознания.

- Слушаю тебя внимательно! – сказала она. – И пусть у нас с тобой сегодня не будет танцев.

Она быстро овладела собой и погасила страх.

- За нами не следят? – спросил я.

- Наверное, нет. Откуда мне знать? – Она не хитрила. Она отлично понимала, о чем речь. Сейчас она объяснит, что она делает в доме Лайонов!

Мы прошли в дальний конец парка, храня насупленное молчание. Я торжественно держал Сару под руку, – ее кожа была покрыта холодными пупырышками страха. А вечер был душный и совсем не прохладный. Я любил ее, но не знал, что она скажет в следующую минуту. Она не могла быть соучастницей Лайонов. Это было нелепо, страшно, неправдоподобно. Мы сели на скамейку, стоявшую на открытом месте. За нами было удобно следить, но к нам нельзя было подойти незаметно.

- Ну? – сказала Сара. Ее плечо упиралось в мое, и она вздрагивала. Эта дрожь была чисто нервного происхождения: ей давно, очень давно был знаком страх!

- Ты знаешь, о чем пойдет речь?

- Нет. Я не любительница играть в жмурки. Говори без намеков!

- Сара, я люблю тебя, – сказал я печально; таким тоном, наверное, сообщают о потере близкого человека. Она не сразу поняла, о чем это я, потом нервно рассмеялась. Она не ждала этих слов. – Я люблю тебя! – повторил я уже с мальчишеской восторженностью, словно прозрел за это мгновение. – Для меня ты жизнь, будущее. Для меня ты – все! Я не прошу тебя сказать «да» сейчас же. Я хочу только, чтобы ты поверила мне. И чтобы в тебе никогда не зародилось сомнение.

- Поверить – значит сказать «да»! – заявила она.

- Ты веришь?

- Не знаю. Хочу верить. Это так неожиданно! Мы ведь знакомы всего четвертый день. Всего четвертый! – произнесла она в полнейшем замешательстве.

Ее смятение передалось мне. Она не ответила мне отказом! Я не был ей безразличен. Нет, нет и нет!

- Этой ночью меня пытались убить, – сказал я. Контраст с моими предыдущими словами был разительный. Я смотрел в немигающие глаза девушки с очень близкого расстояния и видел ее потрясение, ее тихий ужас. По ее телу пробежала дрожь отвращения. Она побледнела и сначала ушла в себя, а потом смело вскинула брови, требуя продолжения.

- Это коснется тебя! – предупредил я.

- Продолжай! – воскликнула она в сильнейшем возбуждении. – Что ты знаешь об этих людях? Кто они? Когда приходили? Сколько их было?

- Это братья Лайоны, – сказал я напрямик. – Одного я ударил гантелью по голове, когда он влез в мою спальню. Я защищался! Я ударил его, и он упал вниз.

- Ты ничего не знал! – крикнула она в мое оправдание. – Ты не знал, что это мои братья, ты защищался! Ты прав!

Теперь была моя очередь испытать головокружение. Сара Кроль защищала меня, убившего одного из ее братьев! Значит, она верила мне!

- Ты не ошибся? – спросила она.

- Все точно, я проследил за ними. – Я не сказал, каким образом это было исполнено. – Я слышал их голоса. Того, кого я ударил по голове, они называли Рези. В другом из них я узнал полицейского, нашего участкового. Ведь один из Лайонов полицейский, не так ли?

- Так, так! – согласилась она.

- Третий – Том. Он электрик. У него татуированы руки. Его девиз: «Я люблю кровь». Он не стесняется выставлять это напоказ!

- Все правильно!

- Четвертый – Жоль. У него грузовик.

- Правда! Но что с Рези? Утром Том сказал мне, что он уехал от нас. Решил зажить самостоятельно. Его, мол, соблазнила одна балерина. Том назвал Рези сумасшедшим. Я еще подумала: «К чему такая спешка? Ну, балерина! Неужели ее нельзя было познакомить со мной?» Ты сильно ударил Рези?

- Скорее всего, он мертв. Он упал с лестницы и ударился головой о бетон, - сказал я, не испытывая ни малейших угрызений совести. Мне уже не было ни противно, ни неприятно, что я убил человека, не в первый раз переступившего закон. Этот человек, все же, покушался на мою жизнь.

- Мертв? – переспросила она, отказываясь верить. – Он единственный из братьев еще походил на человека. Он один защищал меня. Как все произошло?

Я обстоятельно изложил первую часть событий минувшей ночи и куда короче - вторую. Удар гантелью по голове свалил Рези с лестницы, и братья унесли его с собой, находя непонятную радость в его страшной ране. В надувной лодке они спустились вниз по Джуну. Предположительно, они скрылись в пещере, местоположение которой мне предстоит выяснить. Еще я сказал, что их решение убить меня не только не изменилось, а стало важнейшей их целью. Сара не перебивала, уйдя в себя и тихо страдая. Ее мысль работала с чрезвычайной нагрузкой. Я подумал, что по не нами определенному стечению обстоятельств она окунулась в жизнь мерзкую, полную зловещих тайн. Все это свидетельствовало об аномальности близких ей людей. Я замолчал, и какое-то время она тоже молчала. Решала, как ей вести себя.

- Я рассказал тебе все это для того, чтобы ты была со мной.

- Да, да, я с тобой! – воскликнула она. – Я не хочу, чтобы тебя убили! Почему, за что?

Она медленно приходила в себя. Бледность ее лица сменялась неестественным румянцем, затем снова накатывалась волна бледности. Ее бросало то в жар, то в холод.

- Рези убит, теперь я это знаю! – повторила она с болью, которая передалась и мне. – Куда, ты говоришь, они его спрятали?

- Не знаю. Они унесли его с собой. Они говорили о какой-то стекляшке.

Ясное дело, она ничего не знала о той стороне жизни братьев, когда они становились ночными убийцами, преступниками, умело скрывающимися от правосудия.

- Стекляшка – это магазин или маленький офис со стенами из стекла от пола до потолка. При чем тут Рези? – сказала она.

- Не знаю. Может быть, ты знаешь? Ты им сестра и видишь их каждый день.

- Но я живу совсем другой жизнью! У них своя жизнь, мне запрещено вмешиваться в их дела. Они и за сестру меня не считают! У нас разные отцы: они – Лайоны, а я – Кроль. Их отец Поль был изверг, мучитель, псих. Он был выродец! Его радовали человеческие страдания, радовала кровь. Я это слышала и от матери, и от соседей. – Не замечая, она перешла на скороговорку, торопясь сообщить мне историю семьи. Чтобы я не ставил знака равенства между нею и Лайонами. – Живя с Полем Лайоном, мать разучилась говорить, разучилась верить людям. Зимой и летом она носила платья с длинными рукавами, ведь Поль имел болезненное пристрастие щипать ее до синяков, и всегда – за мякоть руки. Потом он исчез. Ушел неизвестно куда и не вернулся. Поиски не дали результатов. Мать долго не могла принять прежний человеческий облик, а когда, наконец, ей это удалось, вышла замуж вторично, ведь ей было только тридцать шесть. Джек Кроль был человек совершенно другого склада. Он очень любил меня. Играл со мной, гулял, и когда он был дома, я могла сколько угодно баловаться и ходить на голове. Мне все позволялось. Шесть лет назад он утонул в реке Райми, в сорока километрах отсюда. Поехал с братьями ловить рыбу и не вернулся.

- Тоже загадочное исчезновение? Его ведь не нашли?

- Он утонул, - настаивала на своем Сара. – Братья так мне сказали. Они загорали и лежали спиной к реке, а в это время он утонул. Они ничего не видели и потому не помогли. Странно! Он прекрасно плавал. Он держался на воде так, словно вода была его родной стихией. И вдруг вода поглотила его. Райми – очень спокойная река, там и течения не видно. Том сказал, что они выпили виски, их разморило, и они легли загорать и задремали, а отец пошел купаться. Он ведь любил плавать. Когда они спохватились, отца уже нигде не было. Одежда на песке, а отца нет.

- Тело так и не нашли? – повторил я свой вопрос. Эту смерть я тоже расценивал, как убийство. Братья Лайоны помогли утонуть Джеку Кролю, их отчиму.

- Не нашли! – подтвердила Сара.

- Ладил ли он с Лайонами? – задал я наводящий вопрос. – Не было ли у них открытых столкновений, затаенной вражды?

- На что ты намекаешь? – закричала она. Я невольно оглянулся, и она тоже оглянулась, обвела взглядом черный ряд кустов и деревьев. Мы могли привлечь чье-то внимание, а в нашем положении это было совершенно излишне.

- Я утверждаю, что это дело их рук. Им очень просто убить человека. Том работал сегодня, и откуда-то сверху на меня свалился здоровенный камень. Никогда прежде камни на меня не падали.

По сузившимся глазам Сары я понял, что высказал не новую для нее мысль, но прежде она старалась не думать об этом. Думать об этом так тяжело, что атрофируется всякий вкус к жизни.

- Мой отец не ладил ни с одним из пасынков. Они его не признавали. Его распоряжения игнорировали или выполняли так, что он жалел, что поручил им их выполнить. Они ненавидели его! – Сара опять сорвалась на крик. Ее плечи содрогнулись от сдерживаемых рыданий. Она начинала верить, что смерть отца была делом рук Лайонов. Ведь его тела так и не нашли. А тех, кто утонул в Райми, обыкновенно вылавливали, – Сара помнила много таких случаев. Для этого были специальные лодки и специальные сети. Отец не просто утонул, он исчез. Все такие исчезновения в нашем городе я теперь связывал с Лайонами.

- Мой отец... - простонала она. – Мне было одиннадцать лет, когда его не стало. Я долго не могла поверить, что у меня нет отца. Мать очень его любила и умерла через месяц от нервного потрясения. Перед смертью она заявила, что устала жить. Понимаешь, ее любовь к сыновьям была страдальческой, замешанной на страхе. Она постоянно ждала от них чего-то недоброго, как прежде ждала побоев от Поля. Она не всегда знала, чего именно боялась. Боялась, и все. Истосковавшись, она умерла, и ее похоронили на городском кладбище. И я осталась одна с этими страшными людьми.

- Почему – страшными? Поясни!

- Очень страшными. – Она радовалась, что могла обличать и тем самым удовлетворяла свое чувство мести. – Все в их жизни полно загадок. После смерти матери я уже умела наблюдать и заметила, что они живут не нормально. Они подолгу не работают на одном месте и вообще предпочитают случайную работу. Один Рич как поступил в полицию, так и не расстается с формой, словно именно она ему и нужна. У нас есть деньги, и братьям не обязательно работать. Лайоны работают, чтобы не скучать. Только Ричу по сердцу служба в полиции. Он любит истязать. Он может сутками не приходить домой, если надо побоями вырвать показания у подозреваемого. Днем братья много спят, а ночами бодрствуют. Но режима у них нет. Иногда они исчезают где-то внутри дома. Я чувствую их близкое присутствие, но не могу понять, где они и чем заняты. У них от меня тайны, так было всегда. В нашем доме есть помещения, о которых я не знаю. – Она перешла на шепот, так велик был в ней страх перед Лайонами. – Я так считаю потому, что Жоль часто привозит строительные материалы – цемент, кирпич, песок, и все это на ночь остается в кузове, а утром кузов уже пуст. А где они могут строить, если я не вижу самих построек? Конечно, под землей!

Вчетвером это не трудно. Для них нет разницы между днем и ночью. В любое время дня и ночи они могут спать или бодрствовать, приходить и уходить, и упаси меня Бог расспрашивать, соваться не в свои дела! Они сразу звереют. Для питания они покупают живых кур и кроликов, отрубают им головы и разделяют. Трепещущая курица с отсеченной головой привораживает их. Однажды я сказала, что удобнее брать полуфабрикаты, и услышала в ответ, что буду побита, если стану совать нос не в свое дело. В них с рождения отсутствуют нежность, дружелюбие, благородство. Знаешь, Аугуст, в них и хамство какое-то неполноценное. Жоль, правда, хам до мозга костей, а другие подражают ему. Со мной они не церемонятся. Они ненавидели моего отца и часть этой ненависти перенесли на меня. Мы живем совершенно разной жизнью! Они – это одно, а я это я, и ты не ровняй меня с ними. В наших жилах кровь разных отцов, и мы совсем разные. У нас разные понятия о жизни, о человеческой красоте. Я не помню, чтобы братья были со мной откровенны, рассказывали о себе, просили совета. Это им незнакомо. Они не способны на это! Если бы один из них стал изливать мне душу, другие бы страшно удивились и отшатнулись от него, как от изменника и перерожденца. Я ни разу не видела в их руках книги или журнала. В газетах их привлекает только уголовная хроника. Происшествия они прямо смакуют. Они не знают, что в нашем городе есть театр, филармония, музеи.

Да, в одном музее они были. Жоль восторгался, как превосходно сохранились забальзамированные египетские мумии. «Вот это сохранность материала! – воскликнул он с истинным восхищением. – Кровь из носа, но откопая рецептик!» И братья дружно ему поддакивали. Я случайно услышала, не подслушивала специально. При мне они умолкают или начинают изрекать пошлости, от которых меня мутит. Они не умеют говорить увлекательно, это не для них. У них получается слишком прямолинейно и по-детски плоско. У них нет друзей, и они приучили меня не иметь подруг. Единственное, до чего они снисходят, это телевизор, фильмы с убийствами и насилием. Профессиональные тайны гангстеров и владельцев притонов им интересны. Прилипнув к экрану телевизора, они смакуют каждое преступление, сопровождаемое пролитием крови. Кровь возбуждает их, как спиртное или наркотик. Когда моя мать умирала в лютой тоске по сгинувшему отцу, они просиживали у ее постели ночи напролет, смакуя ее страдание. Их можно было бы назвать примерными детьми. Но я видела, что ее

горе радует их! То, на что я не могла смотреть без содрогания и слез, вызывало у них совсем другую реакцию. Они испытывали наслаждение. Это так, так! Прости, что у меня не получилось коротко.

- Я слушаю! – встрепенулся я. – Ты сообщила мне подробности исключительной ценности. Не надо короче, выкладывай все, что знаешь!

Она перевела дыхание. Разволновалась, и грудь ее вздымалась высоко, как после бега. Лицо ее пылало негодованием, кулаки были сжаты, ногти побелели. Ненависть проникла в самое ее сердце.

Вдруг что-то интуитивное заставило меня оглянуться. По нашей аллее, цепко держа за локоть какого-то шалопаю (он, наверное, нашептывал девушкам гадости возле танцевальной площадки), шествовал Лайон-полицейский. Он вел паренька в каталажку. Лицо его выражало непреклонность и сосредоточенность на выполняемом деле. Парень извивался, но руки Лайона-полицейского обладали цепкой хваткой. Хотя он смотрел прямо перед собой и терпеливо сносил насмешки жертвы и прохожих, он мог нас увидеть, а это было нежелательно. Я рывком поднял Сару, и мы отступили под черную тень большого дерева. Здесь в лучшем случае он мог различить силуэты, лишённые индивидуальных особенностей конкретной личности.

- Рич повел бродягу! – с пренебрежением прокомментировала Сара. – Посмотри, какая важность! Вот кому позировать перед телевизионной камерой!

- Нет, ему лучше жевать жвачку в одном стойле с породистой коровой, - сказал я. Сара захлопала в ладоши, она нашла сравнение удачным. Я же считал, что спорил самую обыкновенную глупость.

- Тупость у Рича врожденная, - сказала она. – Его физиономия никогда не бывает осмысленной. Он не сведущ ни в чем, кроме азов полицейской службы. Идеальный аппарат для переваривания пищи и исполнения самых простых команд!

Подросток, которого вел Рич, корчился от бессилия и боли. Сопrotивления он не оказывал, но Лайон невидимо для нас причинял ему боль. Очевидно, он заламывал ему руку, одновременно выкручивая ее, но со стороны этого не было видно. Парень корчился и извивался, а казалось, что он старается вырваться.

- Сейчас Рич, как невменяемый, - сказала Сара. – Дорвался до своего любимого занятия и мучает! Ты разве не видишь, что ему хорошо?

- Он прикасался к тебе? – спросил я и очень напрягся.

- Нет. И никто из них!

Глава 9

Мы не стали возвращаться на открытую скамейку. В черной тени дерева нам казалось безопаснее. Два почти слившихся силуэта – это только парень и девушка, которым захотелось уединиться. Да родная мать не узнает свою дочь в призрачном женском силуэте!

- Слушаю! – сказал я, воспользовался темнотой и положил руку на тонкую талию девушки. Протестующего движения не последовало! Она не отстранилась, моя рука ей не мешала! Сердце сделало скачок, похожий на рывок в космос, и забилося вдвое чаще. Я ей не безразличен! Нас отделяли какие-то сантиметры и, конечно, одежда. На меня были устремлены глаза, горящие так же выразительно, как и мои.

- Ты моя! – прошептал я в приливе любви и нежности. Она кивнула. Ее волосы коснулись моего влажного лба. Это было движение согласия. В это самое мгновение наше будущее было определено.

- Нам надо выжить, и мы будем вместе, - сказал я. – Чтобы выжить, нам надо победить в этой борьбе. Простое бегство нам не поможет!

- Помолчи! Об этом – потом, ну, через минуту! – попросила она.

Мы молчали минут двадцать, если не все полчаса. Близость любимой девушки позволила мне забыть об опасности. Я стоял, рука моя лежала на упруго-податливой талии Сары, и между нами по-прежнему было совсем небольшое расстояние. Я смотрел вверх ее головы в черную глубину парка, но мое воображение занимали совсем не земные предметы: я видел будущее, видел себя и Сару в день нашего бракосочетания и дальше, дальше. Видел себя солидным мужчиной с положением в обществе. Видел себя крепким стариком, окруженным детьми и внуками, той самой молодой порослью, без которой жизнь теряет смысл и красоту. Но Сару я видел только такой, какой она была сейчас – семнадцатилетней прелестницей, над которой не властно время.

Я не мог представить ее другой, это никак не вязалось с ее образом. Она могла быть только такой, какой стояла сейчас передо мной с тихим замиранием сердца. Светлые волосы, слабо обозначенная грудь, сильные и красивые руки, которые с наслаждением будут пестовать детей. Сверкающие глаза, прикрытые длинными ресницами. Блуждающая улыбка. Едва ли природа создавала что-либо более дивное! Сара – это предел ее щедрости. Пусть почти все мыслители и гении в истории человечества были мужчины, все равно природа не создала ничего совершеннее Сары Кроль!

Я дотронулся губами до ее губ. Она не отстранилась, но не последовало и встречного движения. Замешательство, охватившее ее, было слишком велико. Возможно, она не одобрила моего поступка, но я знал, что ей хорошо. Я поцеловал ее крепко-крепко, с долгим замиранием сердца. Ее еще никто не целовал, я знал это.

Было бы величайшей бестактностью спросить об этом. Несмотря на тонкие черты лица, у нее были сочные губы. Сочные, горячие губы, рождающие страсть. Губы, туманящие мозг. Губы, заслоняющие необъятный внешний мир со всеми его сложностями, противоречиями, со всеми его и неисчислимыми прелестями. Губы, от которых нельзя оторваться.

- Хватит! – сказала она и сделала шаг назад. – Надо позаботиться о будущем. О нашей с тобой безопасности. Твои слова, что Лайоны убили моего отца, сидят у меня вот здесь. – Она приложила руку к сердцу, и я впился взглядом в ложбинку, разделяющую груди. Воображение мгновенно досказало мне остальное. Это тоже бросало в дрожь, притягивало так же неотвратно, как и ее губы. Сара заметила направление моего взгляда и легонько, с игривостью ребенка, шлепнула меня по щеке.

- Очнись! – прошептала она, незаметным, бессознательным движением приблизившись ко мне так, что ее грудь двумя обжигающими точками коснулась моей груди. Сара замерла в счастливом оцепенении. - Я хочу, чтобы мы были счастливы. Я еще не знаю, что такое счастье, но предвкушаю его. Клянусь тебе, я сделаю все, чтобы узнать тайну исчезновения отца. Он и мать – только они любили меня. Теперь меня любишь ты. Я сделаю все, чтобы ты победил Лайонов.

- Как бы ты наказала их, если бы подтвердилось, что отца убили они? – спросил я.

- Смертью! – сказала она с громкой, неженской твердостью. – Убив отца, они убили и мою мать, лишив ее жизнь какого-либо смысла. И если подтвердится, что они убили отца, подтвердится и другое – что на их совести много жертв. Они не могли начать с моего отца и не могли им закончить. Знаешь, почему я просила тебя не провожать меня к самому дому? - Она перешла на доверительный шепот, и в меня входило каждое ее слово, хотя одновременно я старался запомнить положение локонов на ее затылке и ощущение, возникающее во мне от прикосновения ее груди. – У меня все это время было нехорошее предчувствие. Не помню, как оно ко мне пришло, но с первого же дня нашего знакомства я стала бояться за тебя, словно чувствовала грозившую тебе опасность. Я боялась за тебя как раз в те промежутки времени, когда ты прощался со мной и спешил домой. Эта боязнь сопровождалась гнетущими приступами страха, и я готова была повернуть назад и сама проводить тебя, чтобы предотвратить несчастье. Видишь ли, не ты первый обратил на меня внимание. – Здесь она подняла на меня глаза и обдала светлым фосфорическим всплеском, желая сказать, что все, имевшее место прежде, не находило отклика в ее душе и не оставило последствий. – До тебя я встречалась с двумя парнями. Из любопытства. Мне хотелось быстрее встретить надежного парня, – ты теперь знаешь, почему. Я ведь жила одна, все время одна... Я встретила с каждым из них по четыре раза. Потом они переставали приходить на свидания, и я больше их не видела. Тогда я сердилась, но искала причину в себе и не пыталась дурно истолковать эти факты. Теперь мне кажется, что эти парни не приходили потому, что их уже нет в живых. Они исчезли, как исчез мой отец и едва не исчез ты. Понимаешь? Мы расставались без ссор и размолвок, и у этих ребят не было причин не приходить на свидания. Я узнаю, живы ли они! Если они пропали, виновны в этом могут быть только мои братья. Я почти уверена, что эти юноши убиты, но надо проверить. Все-таки Лайоны – мои братья. – Последние слова она произнесла с таким сожалением, словно в этом заключалось все несчастье ее положения. Она отступила на шаг, и две горячие точки перестали упираться в мою грудь. Это ее движение пробудило меня от летаргии. Теперь моя мысль сосредотачивалась только на ее словах, а не на моих чувствах к этой девушке.

- Что ты знаешь о своих ухажерах? – спросил я.

- Очень мало. Первого звали Отто, второго – Франк, - сказала она, и мне понравилось, что ей пришлось напрячь память. – Своих фамилий они мне не назвали. Я ведь не знаю и твоей фамилии, которая, возможно, скоро станет и моей. – Она устремила на меня глаза, полные немного обожания.

- Я Аугуст Нюлик, - сказал я, произнося имя и фамилию по слогам. Мои предки переселились в Панчिमон из Восточной Европы, и я не знал их языка и не мог перевести свою фамилию. Но она была для меня не простым набором звуков. В ней были мои корни, которые уходили на другой материк.

- Странная фамилия. Ты что, не стопроцентный ариец?

- Не знаю. В нашей семье никогда не вели родословную, и своих прадедов я не могу проследить далее четвертого колена. Наверное, во мне нет ни капли голубой крови. А если и есть, так ли уж это важно? Ведь совсем не это определяет нашу сущность!

- Нет, и не надо, - беспечно заключила Сара. – Не в предках счастье! Хотя приятно, когда они достойные люди. Какая-то сладость притекает к душе от знания этого. Так вот, тот, которого звали Отто, жил на другом конце города и приезжал на машине. – Она вернулась к прерванной теме и пыталась вспомнить детали, которые пролили бы свет на этих парней. – Отто почти не рассказывал о себе. Он терялся в моем присутствии и так глупел, что мне было с ним неинтересно. Я даже вздохнула с облегчением, когда он не пришел в назначенный час. Второй, Франк... Он работал продавцом в галантерейном магазине, это близко от нас. Там я с ним и познакомилась. Я купила у него белую сумочку. Он так старался угодить мне! Переворочил для меня весь магазин, готов был повести на склад. Завтра же я пойду туда и спрошу о нем. Плохо, что я не читаю газет. Газеты сообщают обо всех несчастных случаях. И не просто сообщают, а смакуют каждое такое происшествие. Словно эти происшествия и есть самое интересное в городской жизни.

- Когда ты встречалась с ними? – спросил я, намереваясь перелистать газеты за последние месяцы. Исчезновения, трагическая гибель людей всегда находка для прессы, материал номер один для первых полос.

- С Отто я встречалась в апреле, а с Франком – в мае.

- И братья не расспрашивали о них? Не следили за тобой?

- Нет. Про слежку не знаю. Они только говорили, что мне следует брать пример с них, закоренелых холостяков, и не выходить замуж.

- Обо мне они тоже не спрашивали?

- Нет. Но они знают о тебе все – и как тебя зовут, и где ты живешь, где работаешь. Рич достает в полиции любые сведения о нужном человеке. У них там подробная картотека, все разложено по полочкам. Как в образцовой библиотеке.

Это были малоутешительные сведения.

- Не заметила ли ты странностей в поведении братьев в те дни, когда Отто, а потом Франк должны были прийти на свидание, но не пришли? – спросил я. – Какой-нибудь тихой радости, например? Вопросов с подковыркой?

- Они ухмылялись. Они словно смеялись надо мной, но не громко, не вслух, а про себя. Жоль мимоходом сказал, что сейчас трудно найти верного парня. Я им ничего не говорила, и они не должны были знать, что Отто, а потом Франк перестали встречаться со мной. Но они все знали! Жоль сказал, чтобы я была осторожнее с парнями и не натворила глупостей. Он наставлял меня, я же приняла его слова за грубую шутку. Дома я кухарка, прачка и домработница, приученная не совать нос туда, где его могут прищемить. Я много раз просила нанять человека со стороны, говорила, что хочу учиться, но они и слышать не желают о человеке со стороны. Чужакам нечего делать в нашем доме! Я не лезу в их дела, и это их устраивает. Хотя они нелюбознательны от рождения, все-таки имеют представление о том, что такое женское любопытство, что такое ухо и глаз женщины, приложенные к замочной скважине. Они никогда не приводят в дом посторонних, это их правило. Чужих у нас принимают так нелюбезно, что вторично никто из соседей порога нашего дома не переступает. Дом у нас пребольшой, но запущенный, и приходящая домработница была бы очень к месту. И сад у нас в плохом состоянии, одичал и почти не плодоносит. Но они не нанимают прислугу. А, ведь, деньги у нас есть. Ни у одного из братьев нет друзей, а у меня нет подруг. Издавна повелось, что сверстницы со мной не дружат. Странятся. Не сразу странятся, а когда узнают, из какой я семьи. Соседи знают, что мы нелюдимы, и ведут себя так, как будто нас вообще нет.

Я подумал, приходит ли к Саре мысль об ее исключительности, ведь часто это любимое занятие человека, предоставленного самому себе, погруженного в себя. Я подумал, что такого рода мысль иногда румянит нежные ее щеки, придает ее глазам блеск притягательный, но гордый!

- Не улыбайся. Я знаю, что бываю наивна, - говорила она, заглядывая мне в глаза кокетливо, снизу вверх. – Но войди, пожалуйста, в мое положение! В школу я ходила только до пятнадцати лет. Затем братья решили, что мне достаточно учиться, что я и так уже по своим знаниям перещеголяла их, а это им вовсе ни к чему. И я перестала ходить в школу. Я упрашивала, просилась в колледж, но мои горячие слова не произвели на них впечатления. С таким же успехом я могла бы обращаться к неодушевленным предметам. Братья сказали мне, что, работая по дому, я буду зарабатывать деньги – двести долларов в месяц. Эти деньги они аккуратно кладут на мой счет, а на текущие расходы я спрашиваю, сколько мне надо. Так складываются наши финансовые отношения. Сейчас у меня больше шести тысяч долларов, и если ты считаешь нужным уехать, мы уедем. У меня есть доля и в наследстве, но я еще несовершеннолетняя и не могу ее потребовать.

- Твои братья не женаты по обоюдному согласию? – спросил я.

- Ни один не был женат. И подруг у них нет. Женщины не играют в их жизни никакой роли. Они словно не существуют для них. Ни женщины, ни семейная жизнь. Но это противоестественно, правда? В них словно атрофировано мужское начало. Тому уже тридцать три, а Жолю, самому молодому – двадцать шесть. За все время, сколько я себя помню, в нашем доме не было ни одной вечеринки с девушками. Наши соседи считают, что они импотенты. – Она не побоялась произнести это слово, из чего я сделал вывод, что она сведуща абсолютно во всех житейских вопросах и вообще развита лучше, чем можно ожидать от девушки, которая не окончила средней школы. Все же, волна румянца разлилась по ее лицу.

- Любишь ли ты читать? – спросил я. Оказалось, что это любимое ее времяпрепровождение. У нее у одной есть в доме книги. С книгами не так заметно одиночество. Книги...

Она замолчала, собираясь с мыслями. Время шло, а мы не приступили к главному – к составлению плана генерального сражения с Лайонами. Но положение менялось в благоприятную для меня сторону. Сара Кроль была моим союзником и единомышленником в цитадели Лайонов. Ее помощь и могла стать тем разящим ударом в спину, который покончит с Лайонами тогда, когда будут обнаружены новые и безусловные доказательства их преступлений.

- Давай подумаем, что нам делать! – предложил я. – Связывают ли тебя с братьями какие-либо родственные чувства? Привязанность?

- Нет, нет и нет! – Ответ был твердый и прозвучал решительно, как исповедь. – Я была привязана к Рези, но совсем немного. Но Рези уже нет с нами. – Она намеренно не сказала, что я убил его, – не хотела делать мне больно. – Ему было только двадцать два, и он держался особняком от остальных братьев. Не знаю, были ли между ними стычки, но холодок в их отношениях я наблюдала сама. Они не похоронили Рези по-христиански. Им не нужно расследование. Рези уехал! И никто не спросит, куда он уехал и когда вернется. Ибо братьев не любят. Но получается, что Рези не уехал, а исчез. Не он первый исчез на берегах Джуна. Врачи не смогли бы спасти его? – вдруг спросила она.

- Едва ли. Я к нему здорово приложился, и, падая, он ударился головой о бетон. Я выглянул в окно – он был распластан и не шевелился. – Я не сказал, что видел разможенный череп Рези.

- Я не поверила Тому, когда он сообщил, что Рези уехал. Ко мне он был ближе, чем к ним. Он бы поделился со мной своими планами, попрощался. Но утром, когда Том сказал мне об отъезде Рези, я ничего не заподозрила, только удивилась, – и почувствовала себя совсем одинокой в нашем мрачном доме. Рези один иногда разговаривал со мной на разные темы, и тогда я улавливала, что у него на душе тяжесть, но расспросить, что и как, не смела. В нашем доме не полагается лезть в душу друг к другу. Можно и пострадать от излишнего любопытства.

- То есть, как это пострадать? – спросил я.

- Ну, нарваться на оскорбления, на тычок. Меня бы игнорировали. Однажды Рези сказал, что для него самое лучшее было бы уехать, зажить самостоятельно и не подавать о себе вестей. Год назад сказал он это, а я не отнеслась к его словам серьезно. На его поддержку я могла рассчитывать. А теперь... Как я буду жить под одной крышей с этими людьми, которые мучают и убивают? Как буду им подчиняться, если все во мне восстает против них?

- Но, ведь, надо. Ты, как разведчик в стане врага. Стань актрисой. Притворяйся! И не смотри на меня с укором. Актриса живет в каждой женщине, ее надо только разбудить. Наградой тебе будут не аплодисменты зрителей, а завтрашнее наше счастье. Ты сотворишь его своими собственными руками.

- А если я провалюсь? – Она вздохнула, прекрасно сознавая тяжесть роли, которая ей выпала. – Может быть, нам лучше уехать? Давай убежим! Земля так велика!

Опасность страшила ее. Она могла умереть в одном шаге от своего счастья. Постоянное соседство смерти было самым жутким из возможных соседств.

- Убежать можно, – сказал я. – Тогда твои родители останутся не отомщенными. А здесь будут продолжать исчезать люди. Давай пересилим свой страх и все узнаем! Вдвоем нам это удастся.

- Ты прав, ты лучше знаешь жизнь, и мне надо слушаться тебя. Решено: я остаюсь в этом проклятом доме, с этими проклятыми людьми. Мы выведем у них тайну смерти моего отца. А возмездие, может быть, возьмут на себя власти?

- Это исключается. На мне смерть Рези, и мне могут вменить в вину превышение пределов самообороны. Нам надо будет доказывать следователю каждую нашу улику. У нас мало фактов, чтобы идти к властям. То, что сообщу я, мало правдоподобно, и меня сочтут за фантазера и выдумщика.

- Знать бы, куда исчезают братья, когда они дома! – сказала Сара. – Они словно проваливаются сквозь землю. Сразу все. Только что были на глазах, и вот уже нет их. И появляются так же неожиданно. Под домом есть подвал – под всеми комнатами. Они проводят в подвале долгие часы. Запирают за собой дверь, преграждая мне доступ вниз. Но в их отсутствие я могу спускаться туда – за картошкой, луком. Там полно старых вещей, пыли и паутины. И почему-то много органического стекла. Они его режут, нагревают в особой печи, гнут. Они из него что-то делают. А свет такой тусклый, словно там потусторонний мир. Они не позволяют мне прибираться там и не прибираются сами. Но исчезают они не в подвале, а где-то рядом. Наверное, к подвалу примыкают какие-то помещения, о которых я не знаю.

- Карстовые пещеры! – предположил я. – Нет ли в вашем саду входа в пещеру? Ты должна знать!

- Не знаю. Есть два черных провала в земле, которые ведут неизвестно куда. Я в них не заглядывала. Но я ни разу не видела, чтобы Лайоны спускались в них или выходили оттуда. Наверное, с пещерами связан наш подвал.

- Не могла ли бы ты взять фонарик и в отсутствие братьев обследовать эти входы?

- Одной мне будет страшно. Я теряюсь под землей, на меня давит то, что сверху.

- Я говорил тебе, что братьев поглотила отвесная стена левого берега Джуна! Там есть вход в пещеру. Он замаскирован как нельзя лучше. Они втащили туда резиновую лодку и тело Рези. Вполне возможно, что пещера сообщается с домом – через подвал. Отсюда все таинства, связанные с подвалом. Почему бы Лайонам

не воспользоваться природными подземными ходами, которые вода проложила за столетия? Не расширить их? Не устроить там тайник?

- Ты угадал! – воскликнула Сара. – Честное слово, так оно и есть! Что им часами делать в подвале, если там нет ничего интересного?

- Они не фотолюбители?

- Что ты! У них нет никаких нормальных увлечений! То есть, они могут быть, но я о них не знаю. Их увлечения, наверное, такие, что о них лучше не знать!

- Чем они занимаются ночами? – Это начинало походить на допрос, но девушка с радостью делилась со мною сведениями, которыми располагала. Я уже обретал в ней надежного союзника. Любовь делала ее способной и на подвиг, и на самопожертвование. О последнем я не хотел думать.

- Знаешь, я крепко сплю. Запираю комнату на задвижку и отключаюсь. У меня беспробудный сон. Я прогоняю все дурные мысли и засыпаю сном праведницы. А перед сном я читаю. Я никогда не сижу с братьями у телевизора, я не люблю телевизор. Там все время кого-то убивают.

- Разве ты ничего не заметила за эти годы?

- О, если бы я знала, что за ними надо наблюдать! Я все же просыпаюсь среди ночи. Так вот, иногда я слышала их шаги, приглушенные голоса, но не старалась понять, возвращаются ли они или уходят. Их ночная жизнь меня не настораживала. И потом, в полусне все воспринимается, как в тумане. Иногда звуки доносились как бы из-под земли. Я не могла объяснить их происхождение. Я вслушивалась, но все стихало, и я засыпала снова. Ночных страхов я не знала, я не суеверна. А Лайоны, конечно, что-то делают ночами. Зато днем отсыпаются. Они больше ночные люди, чем дневные.

- Как же нам быть? – спросил я. – Проговорить-то можно до утра. А что нам делать?

- Милый! – прошептала она, подхваченная новым приливом высокого чувства. Опустив глаза, она еще приблизилась ко мне. – Мне так хорошо с тобой! Не сердись, пожалуйста. Ладно, давай о деле. Чего только я не отдала бы, чтобы не было этого страшного дела!

Две жгучие точки опять коснулись моей груди. Я сдвинул плечи Сары и сразу разжал руки.

- У тебя должен быть телефон, - сказал я.

- Он стоит в столовой. Мы пользуемся им только тогда, когда надо навести справки.

Я назвал ей свой номер и попросил звонить, когда братьев не будет дома. А при них не звонить ни в коем случае. Но как же передать что-то срочное? Снять трубку, набрать номер и воспользоваться азбукой Морзе! Точка – тире: тук-тук, тук-тук!

- У тебя задатки сыщика! – улыбнулась Сара. – Я не знаю, что такое азбука Морзе, но завтра же узнаю. Тебе не придется хмурить брови.

Я сам знал об азбуке Морзе только то, что она существует.

- Осмотри подвал, и как можно подробнее. Нарисуй план дома и двора.

- Постараюсь. Я еще не рисовала планов.

- Собаку вы не держите? – Я хотел побывать в их дворе, но так, чтобы об этом была осведомлена одна Сара.

- Нет. Так мы встретимся завтра? – Я почувствовал, что она хочет этого.

- За тобой могут следить. И за мной. Пользуйся телефоном. Ты где покупаешь продукты? В магазине за углом, от вас самом близком? Приходи туда два раза в день, в десять и в четыре. К тебе подойдет мальчик четырнадцати лет по имени Боб. Он будет нашим связным. Тебе надо купить пистолет. Маленький, дамский. И спрятать его под матрацем.

- Я никогда не стреляла!

- Я научу тебя.

- Не надо пистолета. Я буду бояться, что он выстрелит сам.

Я подумал, что и мне надо будет обзавестись более надежным оружием, чем охотничье ружье. Все-таки с пистолетом в кармане пиджака спокойнее, чем с топориком за поясом.

- Что ты будешь делать завтра?

- Я оставил работу. Твой брат за полдня чуть не вымотал из меня душу. Представляю его наслаждение, если бы камень, свалившийся сверху якобы случайно, попал в меня. Он человеконенавистник! Завтра, как только ты позвонишь, что братьев нет дома, я приду к тебе. Или ночью приду, если ты подстережешь момент, когда они отправятся на свой промысел. Они будут охотиться за мной, я уверен!

- Я боюсь за тебя!

- А я – за тебя. Не сплавать ли мне по Джуну к сужению, куда выходит их пещера? Уж очень воняет эта река. Нет, не поплыву. Без фонаря я ничего там не увижу, а зажигать фонарик рискованно – могут заметить. Ночью даже зажженная спичка видна ой как далеко!

- Купи акваланг и резиновый костюм, - предложила Сара. Это была прекрасная идея! В акваланге я могу отправиться на разведку днем, и никто меня не обнаружит!

В благодарность за отличный совет я обнял Сару – до хруста в позвоночнике. Она упруго прогнулась, прикивая ко мне всем телом. «Ты сильный!» – с удовольствием отметила она. Первая мысль, приходящая на ум девушке, которая думает о своем парне, – это чтобы он был сильным. А все остальное, что ей еще приходит на ум – это лишь уточнение понятия силы, как главного элемента мужской красоты.

Сара взглянула на часы и побледнела.

- Мне давно пора! Меня отпускают только до одиннадцати, а скоро двенадцать! Побежали!

Я взял ее под руку. Она была очень возбуждена. Мы направились не к главному входу в парк, а к ограде и просочились сквозь ее стальные прутья, раздвинутые подростками. Так было короче. Несколько раз я оглянулся. Вокруг стояла непроницаемая тишина, ее нарушали только наши спешные шаги. Если за нами и следили, то это делалось на высоком уровне. Ночной город погружался в прохладу. Электричество соперничало с луной, побеждая ее в степени участия в освещении улиц. А я так и не посмотрел, почему не горит фонарь у входа в наш двор. Разбили или просто вывинтили лампочку?

Нелепая мысль о фонаре отняла у меня несколько секунд драгоценного времени. Впервые я отчетливо осознал, что могу больше не увидеть Сару. Ведь ее братьям известно, что она шла на встречу со мной. Им ничего не стоит выследить и улучшить момент. Но, оглядываясь, я не ощущал на себе прилипшего чужого взгляда, а мне всегда казалось, что я умею поймать чужой взгляд, особенно враждебный.

- Не молчи! – упрекнула Сара. – Расскажи, как ты полюбил меня? Что во мне есть такого, чего нет в других девушках?

- Это интуиция. Любовь – лотерея. Я вытянул свой билет. Каждый тянет билет, надеясь на самый счастливый, но никто не знает, что же досталось ему в действительности. Еще вчера я рассуждал примерно так, а сегодня знаю совершенно точно: в моих руках счастливый билет.

- Ты уверен? – Она перебила меня, но я поспешил закончить прерванную мысль: «Как только я увидел тебя, я понял, что больше мне не надо искать. Ты и есть мой счастливый билет в лотерею любви. Интуиция сказала мне это».

- Я – твой первый билет в лотерею любви? – спросила девушка. – До меня твоя интуиция молчала или что-то нашептывала на ушко?

- Ты моя первая ласточка, - сказал я. – И последняя. – Мне не пришлось кривить душой, ибо так и было. Интуиция, молчавшая до сих пор, все проделала в одно мгновение. Тот, кто ищет, опираясь на один разум, находит вещи скучные и утомительные, как математика. Сара сжала мне руку.

- Не ходи дальше! – попросила она. Я поцеловал ее прямо на улице и подумал, что если один из Лайонов видит нас, это послужит новым импульсом для разрастания его ненависти. А Сара торопливо пошла в сумрачную глубину своего тупика. Упорхнула! Подол ее белого платья колыхался от быстрой ходьбы. Я остался наедине с ночью – и с опасностью. Не воспользоваться ли галереей? Это будет непростительной ошибкой, если за мной следят. И я направился к парадной двери нашего дома, чтобы не идти через сад. Перед дверью я вильнул влево, потом вправо. Не знаю, зачем я это сделал. Дзинь! Выпущенная из лука стрела глубоко вошла в дубовую доску. Ее конец, оперенный тонкой жостью, повибрировал и затих. Я рывком вытащил стрелу, потянул на себя дверь и с треском захлопнул. И не видел, как от ограды сада отделилась громоздкая черная фигура...

Глава 11

Я подводил итоги четырехдневной борьбы с Лайонами. Они-таки выселили меня из дома. Было несколько покушений, и я понял, что не смогу входить в дом и выходить из него, не подвергаясь опасности. Что я имел в активе за эти дни, перечеркнувшие всю мою прежнюю жизнь? Я выработал привычку к опасности, и она уже не пугала меня, а странно щекотала нервы. Она помогла мне стать хладнокровным и хитрым. Я втянулся в борьбу, которая чем-то делала ее похожей на азартную игру. Три раза я был в доме Лайонов, и каждый раз – после звонка Сары. Братья выходили на охоту за мной всегда в полном составе. По галерее я проникал к Джуну, заросли принимали меня, и я выходил к забору Лайонов со стороны Джуну, пустынной и дикой. Осмотревшись, я взбирался на дерево, которое росло рядом с забором, ступал на забор и соскакивал на мягкую землю с высоты в два с половиной метра. Внизу меня поджидала Сара. Она бросалась в мои объятия, и я чувствовал счастливый трепет ее тела.

Боже мой, каким прекрасным было это неземное существо! Ради этого стоило подвергаться любой опасности. Мы не знали, когда Лайоны вернутся, и потому торопились. В первый раз я осмотрел дом – наследственную собственность Лайонов. Толстые кирпичные стены, узкие окна-бойницы. Высокие потолки, давно не знавшие кисти маляра. В комнатах было мало мебели, и от этого они походили на нежилые. Книги я увидел только в спальне Сары. Это была единственная нормальная и, я бы сказал, красивая комната в большом мрачном старом доме. Я задержал взгляд на зеркале в рост человека в раме из благородного черного дерева. Если бы оно имело возможность сохранять изображение, я бы увидел Сару в самой разной одежде, и без одежды тоже. Увы, зеркало не умело сохранять изображение. Рядом с зеркалом стоял туалетный столик, напротив – гардероб.

На кровати, не очень широкой, мы могли бы поместиться вдвоем. Я подумал об этом и поднял глаза на Сару. Она поняла, о чем я подумал, и зарделась, словно плотская эта мысль была и ее мыслью, и я угадал ее так же, как она угадала мою.

Над кроватью висела репродукция. «Кающаяся Магдалина», - прочитал я название. – Тициан». Я не был силен в живописи и не знал, кто такой Тициан, но молодая женщина с длинными распущенными волосами и с протестом на испуганном красивом лице мне понравилась. Ее порыв был искренним и обнажал душу ранимую и добрую. Никаких претензий на роскошь и изысканность я не обнаружил. Просто и удобно, и ни одна вещь не заслоняет собой хозяйку. В книжном шкафу – классики мировой литературы, почтение к Шекспиру, Бальзаку, Пушкину, Толстому и Достоевскому. Меня удивило и обрадовало отсутствие безделушек и парфюмерии. Не люблю парфюмерию, от нее так и разит искусственностью и низкопробством. В центре комнаты – полированный столик, на нем ваза с букетом алых роз. Я подумал, что у Сары врожденная тяга к прекрасному.

А комнаты братьев Лайонов повторяли одна другую. Кровать, платяной шкаф, два стула, и все. Зато стены сплошь увешаны цветными и черно-белыми репродукциями картин, общим содержанием которых был элемент мученичества, страдания. Распятый Христос на кресте и снятый с креста. Попытки в застенках инквизиции, сжигание еретиков на костре, - все это было перенесено на холст мастерами эпохи Возрождения. Черные похоронные процессии. Поле боя, покрытое убитыми и ранеными. Люди-неудачники, потенциальные самоубийцы, которых сломило или вот-вот сломит разочарование.

- Чужая беда, чужое горе доставляет им удовольствие, - пояснила Сара. – Картины другого содержания они не признают. Что это? Сдвиг в психике, для них общий?

В комнате Тома были радиодетали. Я понял, что он возится над разными хитроумными устройствами, которые позволяют лучше слышать и видеть, больше знать.

- Нет ли тут приборов, которые расскажут Лайонам обо мне? – спросил я.

- Не знаю. Сейчас Том работает мало. Сейчас ему больше нравится пить. Из братьев он один пьет каждый день.

Над кроватью Жоля висел злополучный лук. Что позволило мне тогда избежать стрелы? Какое наитие бросило меня вправо, потом влево? Имя ему – провидение? Бог есть, и слава, слава Всевышнему! Из любопытства я потрогал тетиву. Она была тугая-тугая. Из колчана торчали стрелы с тонкими игольчатыми наконечниками. Когда я показал Бобу и Тиму стрелу, выдернутую из двери, и оставленное ею углубление, я прочел на их лицах благоговейное изумление. Они поняли, что ночные люди – не сказка и не придуманная мною игра. Теперь, выполняя мои поручения, они часто оглядывались. В их детские сердца тоже проник страх. Они продолжали помогать мне, но уже без прежнего воодушевления. Они не видели результатов своего старания, но уже знали, что наш противник коварный и хитрый. Это порядком умерило их прыть.

Во второе посещение дома Лайонов я осмотрел подвал. В него вела массивная дверь, окованная железом. Закрытая снаружи на засов, она упруго отошла во внутрь от сильного нажатия. Не закрипела, и половицы лестницы тоже не издали ни единого звука. Захлопнувшись, дверь сама закрылась на засов. Но это не было ловушкой, – к засову изнутри тянулась веревочка. В подвале горело электричество, стены, побеленные не так давно, не были мрачными. Обычно в помещениях, расположенных ниже уровня земли, человеку неуютно, но этот подвал не принадлежал к разряду давящих. Подвал, как и дом, делился стенами на отсеки, то есть комнаты. Но здесь в каждой стене были широкие арочные проемы. Ни одного изолированного помещения! Подвал был лишь промежуточным звеном в цепи, основные звенья которой были все еще скрыты от наших глаз. В одном из помещений я обнаружил целый штабель толстых листов органического стекла. У стены стоял верстак, а на полочках лежал столярный инструмент. Несомненно, органическое стекло обрабатывалось тут же. Об этом говорила неприбранная стружка и большой фанерный ящик, тоже наполненный стружкой. Но не было ни одного готового изделия.

- Аугуст, в их владения ведет эта дверь! – Сара показала на узкую дверь в стене, почти неразличимую. Даже когда рука девушки уперлась в нее, я не сразу различил, что это дверь. Я с трудом заметил тончайший зазор в стене по форме двери.

- Я никогда не была за этой дверью. Она открывается вот здесь, нажатием на кнопки. – Сара подвела меня к белому ящику, открыла его, и я увидел сто кнопок с цифрами, как на клавишах счетной машины. Чтобы открыть эту дверь, надо было правильно набрать десятизначное число. Одно из десяти миллиардов. Чужому сделать это было не под силу.

- Я совсем недавно узнала об этой двери. Когда ты попросил меня следить за ними. – Сара была очень довольна тем, что может помочь мне. – Видишь, как она замаскирована! Стальная дверь в стальном каркасе, а побелена, как стена. Они хитрые, правда? Только нас им не перехитрить!

- Не перехитрить, - согласился я без большой уверенности в том, что мои слова – чистая правда. Недооценка противника могла дорого нам обойтись. Недооценка противника могла стать его последней оценкой. Как же проникнуть за эту дверь? Том вовсе не глуп. Что же может находиться за нею? Что оберегают от стороннего глаза этот толстостенный металл, эти могучие запоры?

- Дверь стальная! – подтвердил я, глядя металл ладонью и чувствуя его холод. За дверью мог находиться пистолет с фотоэлементом, на случай, если чужак откроет ее каким-нибудь своим способом. Тому, конечно, могло прийти в голову и что-нибудь еще, не менее опасное.

Наверху раздались шаги. Прошаркали, стихли, зашаркали снова. Лайоны неожиданно вернулись. Мы отпрянули от потайной двери, как будто из стены навстречу нам вдруг высунулась острая змеиная головка. Я спрятался за колонну арки, а Сара стала набирать картошку из мешка. Картошки еще было много. Я удивился ее самообладанию. Когда стрела вонзилась в дубовую дверь рядом с моим плечом, у меня не было такого самообладания. И я не кинулся за черной тенью, метнувшейся от забора. Я был потрясен и парализован. Наверное, я был близок к обмороку. На другой день Боб сказал мне, что видел в нашем дворе чужого человека и спросил, что он здесь делает. Он ответил, что пришел к Розе Альт. Боб сказал, что к Розе Альт приходит другой парень. Человек велел ему заткнуться и не лезть не в свое дело, что Боб и исполнил. Он описал мне этого человека, и я опознал в нем Жоля.

Итак, я приник к массивной колонне, поддерживающей арку, а Сара спокойно наполняла картошкой корзину. Я находился в самой захлавленной части подвала, среди старых вещей, к которым не прикасались годами. Открылась дверь, Жоль спустился вниз. У него была дергающаяся, шарнирная походка. Водители быстро отвыкают нормально ходить.

- Жареная картошечка! – процедил он и протянул руку, чтобы положить ее Саре на плечо. Девушка подняла корзину, оперла ее о бедро так, что корзина оказалась между нею и Жолем, и он отступил. Он не смутился, он не умел смущаться.

- Твой Аугуст скоро уедет. Ту-ту! Тебя он с собой не возьмет, - сказал он, ослабившись. – Сейчас парни верны только на одну ночь, потом им надоедает. Потом они хотят быть свободными. Потом они – ха-ха! – летят к другим пташкам!

Я давно не видел такого похотливого лица. У него лоснился лоб, лоснились угреватые щеки, лиловые круги у глаз свидетельствовали или о разврате, или о других излишествах, недостойных человека. Большой рот заполняли желтые неровные зубы. «Из такого рта должно дурно пахнуть!» – подумал я. Порхающие движения Жоля отдавали похотью. Это было животное в облике человека.

Сара вышла, Жоль сопровождал ее. Свет погас. Я остался в кромешной темноте. Сара выведет меня, как только представится возможность, и я был спокоен. Повторяю, было темно и очень одиноко. Изредка наверху раздавались шаги. Как в параллельном мире. Я не стал выходить из-за колонны, я мог не успеть спрятаться. И правильно сделал! Примерно через час дверь тайника бесшумно отворилась, вспыхнул свет, и в подвал вошли Том и полицейский. Стальная дверь медленно возвратилась на свое место. Я успел разглядеть ход, круто идущий вниз и облицованный бетоном. Он был освещен ярче, чем подвал. Ход свободно пропускал человека, даже двоих. Двое спокойно могли разминуться. Эти двое направились к выходу из подвала. Мне была видна квадратная спина полицейского и сутулая – Тома. Свет погас. Теперь я знал, что под землей расположено обширное хозяйство Лайонов с непременным выходом к Джуну.

Сара выпустила меня из заточения только поздно вечером, воспользовавшись очередной отлучкой братьев. Она подслушала их разговор. Они рассержены, что не могут найти меня, и двое из них считают, что я покинул город, а Том говорит, что я спрятался. Итак, они знают, что меня нет дома. Как они проведали об этом? Кто-нибудь из них и раз, и два постучался ко мне под видом электрика или сантехника? Жалко, что мы не наняли консьержку.

- Том приготовил тебе какой-то сюрприз. Он сказал, что ты подпрыгнешь от него до потолка. А вот что это за сюрприз, я не знаю. Братья заржали, так им понравился сюрприз, приготовленный тебе. Я слежу за ними, как шпионка! – похвасталась она. – Берегись их новой гадости, она может быть очень злая.

А чего еще от них ожидать, подумал я. Только на гадости они и способны. Той ночью, воспользовавшись галереей, я последний раз побывал дома. Света не зажег, когда надо, включал фонарик. Взял чековую книжку и пачку купюр, снарядил рюкзак и решил поселиться в зарослях, окаймляющих Джун. Уходил из родного дома крадучись, как грабитель. Уже привык к опасности, как на войне привыкают к тому, что стреляют. Приучил сердце биться ровно и не пугаться неожиданностей. Телефонные звонки Сары теперь не доходили до меня. Азбука Морзе на проверку оказалась наивной детской выдумкой, мы не воспользовались ею ни разу.

Теперь, когда братьев не было дома, Сара вывешивала на веревку сушиться одно из своих белых платьев, а когда они возвращались, снимала его. Это была наша азбука Морзе, и состояла она всего из одной буквы. Белое платье, повешенное сушиться, и привело меня вчера в третий раз в дом Лайонов. Я решил осмотреть сужение Джун, в отвесный левый берег которого бесследно вошли Лайоны той ночью, когда их покушение на меня закончилось смертью Рези. Увидев сигнал, разрешающий мне прийти, я перелез через забор, и сильные руки Сары сомкнулись на моей шее. Но уже через минуту я тактично намекнул, что следует приступить к делу, и Сара тотчас разжала руки. Мы раздобыли веревку, и я спустился по ней к самой воде. Кажется, она уже пахла не так противно. Или я успел принюхаться? То, что не удалось сделать с помощью акваланга, оказалось легко и просто в исполнении, когда под рукой у меня была крепкая веревка и такая очаровательная помощника, как Сара.

Мы привязали веревку к мощным корням, которые выдержали бы и лошадь, и я свесился с обрыва и скользнул вниз, упираясь ногами в мощный пласт лесса. Обрыв был усеян гнездами ласточек, и эти проворные птицы летали вокруг и пронзительно кричали, словно я собирался похитить их птенцов. Я спускался ниже и ниже, и руки, мои сильные руки, которыми я так гордился, наливались усталостью. Веревка стала раскачиваться. От воды, все же, пахло гадко-гадко. Одна ласточка с лету ткнулась мне в живот и свалилась в реку, оглушенная ударом. Было больно, хотя ласточка почти ничего не весила.

Наконец, я достиг карниза, скрывавшего вход в пещеру. Повис на руках. Под карнизом действительно была площадка, совершенно скрытая от наблюдателя, стоящего наверху. Раскачавшись, я прыгнул на нее, а конец веревки не выпустил из рук. Руки дрожали от напряжения. Так где же вход в пещеру? Его не было. Беглый осмотр стены принес разочарование. Но я вспомнил, как тщательно была замаскирована стальная дверь в подвале, ведущая в подземелье, и повел кропотливое исследование откоса. Отверстие было прикрыто деревянным щитом, выкрашенным в цвет грунта. Идеальная маскировка! Я нашел вход в пещеру только потому, что знал, что он должен быть здесь.

Я обрадовался, что это дощатый щит, а не стальная дверь, и смело вошел внутрь, вытянув вперед руки. Ничего не было видно. У меня в кармане не оказалось даже спичек. Экая оплошность! Я шел на ощупь мелкими шажками. Своды и стены справа и слева из лессовых стали кирпичными. С каждым очередным шагом в меня вселялся страх. Мне казалось, что я приучил себя не бояться, но страх пришел и все усиливался, а я ничего не мог ему противопоставить. Страх предельно обострял мои чувства. Наверху, в кирпичном своде, я нащупал лампочку, но выключателя не нашел. Ежась от страха, я шажок за шажком продвигался вперед. Абсолютно ничего не было видно. Я понял, что такое быть слепым. Это вечный мрак и вытянутые вперед руки, нащупывающие препятствие. Наконец, мои руки уперлись в холодный металл. Это была такая же стальная дверь, как в подвале, и не кирпич, а бетон обрамлял ее. Рядом я нащупал ящичек с кнопками. Те же сто кнопок, отпирающие дверь. Путь дальше был закрыт. Я вздохнул с облегчением. Страх овладел мною настолько, что мне нестерпимо хотелось вернуться. И я вернулся, зажмурился от яркого света, а потом тщательно прикрыл отверстие деревянным щитом.

- Там такая же дверь, как в подвале! Одно к одному! – доложил я Саре. – И сто кнопок, которые ее отпирают.

Вздох Сары был вздохом облегчения, а не разочарования. Я еще не видел у нее такого белого лица. В нее тоже вселился страх, холодный и мучительный.

- Знаешь, где ты будешь в безопасности? – сказала она, хватая меня за руку и прижимаясь ко мне так доверительно, как это может сделать только любящая женщина. – У нас на чердаке! Туда ведет пожарная лестница, только я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь из Лайонов поднимался на чердак. Они любят подвал, но не чердак. Они там ничего не забыли. Там одна старая рухлядь и пыль. И сколько хочешь укромных уголков! Там даже света нет.

И вот я сижу на просторном чердаке, похожем на палубу пиратского корабля после крушения, и подвожу первые итоги борьбы с Лайонами. На чердаке жарко и пахнет старыми вещами и прошлой жизнью. Зато здесь спокойно. Меня радует, что Лайоны потеряли мой след. Они неистовствуют. А я намечаю свои завтрашние шаги. Они безотлучно следят за моим домом, и их бесит отсутствие результата. Правда, теперь я лишен помощи Боба и Тима, юных моих следопытов. Временами мне их так не хватает! Я бы с радостью использовал их и дальше, но не знаю, как это сделать. Встречаться с ними означает подвергать опасности и их, и себя. А распоряжаться их жизнью я не имею права.

Во дворе заурчал и рванулся с места легковой автомобиль. Бежевый «Форд» с открытым верхом куда-то увозил братьев. Том сидел за рулем, двое других пристроились сзади. Куда они направились? Ясное дело, не ко мне. Они могли уехать на полчаса и на сутки. Я хотел, чтобы они не возвращались как можно дольше.

Глава 12

- Я не уйду отсюда! – торжественно провозгласил я после стакана малаги. – Эту ночь я сплю здесь, на кровати, по-человечески!

Я тронул рукой мягкую постель Сары, и мне показалось, что я улавливаю запах свежей травы и цветущих деревьев, запах весны, будоражащий и окрыляющий. – Я больше не ночую на чердаке! Или ты прогонишь меня туда, наверх, в пыль, к паукам и летучим мышам?

Она покраснела еще, хотя румянец и так покрывал ее щеки. Я знал, что она не отправит меня спать на чердак, не сделает над собой такого усилия, и потому позволял себе вольности, которые не позволил бы, не будь я в ней уверен. Мы сидели в ее уютной комнате, за полированным столиком. Букет роз и продолговатая бутылка вина отражались на полировке, как в зеркале. Аромат цветов смешивался с ароматом марочного вина. Мы сидели открыто, ведь Лайоны уехали – на несколько дней, как сказала Сара. Как только «форд» умчал их за ворота, Сара поднялась ко мне на чердак и оповестила об их отъезде. Это могло быть и подвохом, хотя о своем длительном отсутствии (случалось и такое!) братья предупреждали Сару. Я заявил, что немедленно спускаюсь вниз,

принимаю ванну, и мы будем пировать и устроим себе вечер любви. Забудем о Лайонах и о том, что их руки сеют смерть. Останемся только вдвоем, она и я. Ей это понравилось, и она принялась хлопотать, напевая что-то жизнерадостное. После ванны я надел белый костюм, оставшийся от Рези, и превратился в представительного, уверенного в себе мужчину. На Саре тоже было белое платье. Но одежда не красила ее, точнее, не привносила в ее красоту ничего нового; в любой одежде она была неотразима. А без одежды? Я аж зажмурился, представив, как неотразима она без одежды.

Итак, мы сидели, пили малагу и не спрашивали себя, куда это вдруг отправились братья Лайоны. Нам нравилось, что они оставили нас в покое. Мы смаковали вино и смотрели друг на друга. Мечтал же я об одном – как раздену Сару, и уложу ее в постель, и лягу с ней рядом, и что будет потом. Я пил за нее и за нашу любовь, а воображение рисовало мне, что произойдет, когда бутылка будет опорожнена, и я потушу свет. Эта навязчивая мысль тоже несла в себе элемент страха. У меня это должно было произойти впервые, и я не то чтобы не был уверен в себе, а просто не знал, как это делается. У меня не было своего опыта. Я подумал, что никого не любил до Сары, и еще раз пробежал взглядом по ее фигуре, оценивая то, что скрывал собой плотный шелк платья. Мне не с кем было ее сравнивать.

- За нас с тобой! – произнес я в очередной раз и поднял бокал. Хрусталь зазвенел, бордовая терпкая жидкость в нем вздрогнула. Сара улыбнулась тепло и загадочно; должны были исполниться и ее сокровенные желания. «Таких не обманывают, – подумал я, – таких просто любят. Таких не заслоняют ни кинодивы, ни балерины, ни фигуристки». Мысль о том, что Сару можно обмануть, удивила меня своей нелепостью, и я отругал себя, что в священную эту минуту отвлекаюсь на несуразности. Она тоже любила в первый раз и поэтому не думала, что любовь может кончиться, исчерпать себя, не войти вместе с нами в завтрашний день. Бокалы медленно пустели, зато предметы вокруг обретали розовые тона.

- Мы вместе, но как это зыбко, – сказала Сара. – Почему ты остановил свой выбор на мне?

В ее глазах резвились веселые бесенята, и было согласие с тем, что нам предстояло совершить.

- Ты уже спрашивала. Ты запала в меня сразу. Без тебя я уже не смогу.

Она улыбнулась. Она готова была слушать еще и еще, но красноречие не было моей сильной стороной, высокие слова просто не шли на язык.

- Так тебе хорошо со мной! – Свои вопросы она произносила машинально, не задумываясь над их содержанием. Ей хотелось одного: чтобы я снова и снова убеждал ее в реальности происходящего.

- Лучше не бывает, – сказал я.

- И мне так хорошо! – сказала она. – Еще никогда мне не было так замечательно. Ты знаешь, я росла в одиночестве, без подруг, и книги настроили меня на мечтательность. Девочкой я видела себя взрослой и красивой, такой, какая я сейчас, а рядом с собой видела молодого человека, совсем как ты. Который любит меня и балует, носит на руках. Я жила своими мечтами, ведь рядом со мной не было сверстниц и сверстников. Когда ты в первый раз пригласил меня танцевать, – теперь мне не стыдно признаться тебе в этом, – я поняла, что ты и есть тот самый молодой человек из моей мечты. Я сразу потянулась тебе навстречу, но скрывала это от тебя. Чтобы ты не возомнил!

- За то, чтобы это никогда не кончилось! – воскликнул я, допил свое вино и стремительно шагнул к Саре. Она поднялась и раскрыла объятия. Персиковая розовость ее щек гармонировала с блеском глаз, в которых была любовь, и была гордость, замешанная на чувстве собственного достоинства. Это была женщина, вобравшая в себя все лучшее от женщин Земли, от женского начала в природе. Конечно, я понимал, что преувеличиваю, ведь каждый человек высок и красив и не может быть превзойден в минуты чистого порыва любви, но, глядя на Сару, которая торжественно поднималась мне навстречу, я не мог представить себе, как это получилось бы у других женщин. У меня просто не было, с чем сравнивать, да и время совершенно не подходило для сопоставлений такого рода. Я обнял Сару, и мои глаза остановились на кровати.

Я собирался сделать первое движение в этом направлении, но что-то воспрепятствовало этому. Что-то подсказало мне, что не следует торопиться. Я подумал: пусть это исходит от нее. Обнявшись, мы неловко переминались с ноги на ногу посередине комнаты. «Люблю!» – прошептала Сара, и ее руки, обнимавшие меня, неожиданно окрепли. Но вдруг она посмотрела на меня с испугом, словно я мог превратно истолковать ее порыв. Я не ожидал столь быстрого отступления и тоже ослабил объятия.

- Потанцуй! – предложила она и включила музыку. Ей хорошо давались танцы быстрые, твист и рокнролл, хотя специально танцам она не училась. В ее движениях, стремительно и тонко повторяющих музыку, было особое обаяние, рожденное чувством меры и отменным вкусом, и мне доставляло безмерное удовольствие смотреть на нее с некоторого расстояния, а не танцевать рядом, следя за своими ногами. Увы, сам я не был хорошим танцором и потому не собирался ей мешать. Она танцевала долго, держа мою душу в состоянии напряженного экстаза. Она танцевала еще долго после того, когда, по моим предположениям, должна была устать и остановиться. Она была неутомима, и ее неутомимость была замешана на любви. Она танцевала для меня одного и потому выкладывалась инстинктивно, до конца, до полного изнеможения, и у нее получалось прекрасно. Она брала грацией и женственностью.

Я стоял у стены и знал про себя, что счастлив. Мы забыли об опасности и о том, что не должны были делать того, что делали. Нам не следовало так откровенно пренебрегать опасностью. Но молодости свойственно быстро принимать решения, и я не хотел снова лезть на грязный чердак. Будь я старше, я бы, конечно, был и осмотрительнее. Сара оттерла со лба победный пот. Распахнула окно, подставила лицо свежему ветру. Я встал с ней рядом. Она выключила музыку. Было тихо. Там, куда мы смотрели, было темно и пусто.

- Ты могла бы танцевать на сцене! – сказал я.

- Никогда! – с жаром возразила она. – Я танцевала только для тебя. Для других у меня так бы не получилось. – Она хотела что-то добавить, но смутилась и не стала продолжать. Я догадался, о чем она умолчала: она не смогла бы совместить сцену с чистотой своей души.

Наши руки встретились опять. Я поцеловал ее долгим, горячим поцелуем. Я жаждал продолжения.

- Не надо! – попросила она. – Давай подождем. Не сейчас!

Я не возражал, но продолжал целовать ее долгими, зовущими поцелуями.

- Невменяемый! – прошептала она и уже не отстранялась. Мой порыв будил в ней созвучный отклик. – Присядем! – спохватилась она через минуту. Мы сели за столик.

- Всегда будь такой, какая ты сейчас! – сказал я. – Тогда годы не превратят тебя в старуху.

- Я буду такой, если ты меня не разлюбишь. – Она засмеялась, словно сама мысль, что ее можно разлюбить, была неправдоподобна. Она была уверена, что ее нельзя разлюбить, и потому ей были не нужны мои обещания и клятвы. Я знал, что клятвы настораживают, а обещания связывают немногих. Ей нравился реализм наших отношений, и она не хотела искусственных надстроек. Теперь в бутылке малаги не осталось ни капли.

- Я почти пьяна! – сказала она. – У меня состояние невесомости. Могу парить в воздухе и ни на что не опираться. От одного вина так не бывает. Это все ты устроил!

Я снова сдавил в объятиях ее молодое, статное тело. Теперь она избегала смотреть мне в глаза. «Невесомость!» – подумал я. Куда она ее увлекала? В ней тоже проснулось желание, и она стыдилась его именно потому, что знала, что подчинится. Я дотянулся до выключателя и погасил свет. Мы погрузились в другой мир, непроницаемо-черный. Она вздрогнула, но ее руки не запротестовали. Глаза ее собирали, как в фокусе, мерцающий свет звезд. Она раздевалась, я помогал ей. Вот и мой шелковый тщательно отглаженный костюм оказался на полу, и я наступил на него, торопясь к кровати. Глаза уже привыкли к темноте. Ночью в городе столько рассеянного света, что можно видеть силуэты и различать детали. Только тени от массивных предметов оставались черными. Но я понял, что на Саре нет одежды, лишь тогда, когда руки сжали ее обнаженное тело. Я задержал ладонь на ее груди, погладил сосок, откинул голову назад и напряг зрение до рези в глазах. То, что я видел, было невыразимо прекрасно.

Она все еще не спешила. Я ждал. На фоне окна ее силуэт был вызывающе четок. Сердце стучало громко, победно. Как будто я быстро поднимался в гору. Итак, для меня кончились поиски любимого человека. Все другие женщины мира были уже не для меня. Ко мне плавно приближалась моя единственная. Я выпростал вперед руки. Они коснулись ее тела...

Того, что произошло потом, я не могу описать. И не стану. Это не для всеобщего обозрения. Это только мое, и это навсегда. И сравнивать это с чем-либо еще я не буду. Не имею права.

- Ты рад, что я пришла к тебе девушкой? – спросила она, когда прошло много, много времени. Я не ответил, а снова привлек ее к себе. Слова вдруг показались мне бледными и невыразительными. Слов совсем было не надо. Никакие высокие слова не могли достичь той высоты, на какой пребывала красавица Сара в моем горячем воображении. И на какой пребывал сейчас я.

Глава 13

Я шел по улицам Панчимона праздной походкой счастливого человека. Машин вокруг было больше, чем людей. Июнь кончался. По-прежнему стояли безветренные дни, насыщенные знойной духотой. Старики предпочитали отсиживаться в комнатах с кондиционерами, а мужчины в возрасте ублажали себя холодным пивом и соленым миндалем. Бетонные стены контор и отелей усиленно выделяли тепло. Асфальт улиц тоже дышал жаром и пах битумом. Зелень газонов поникла и посерела. Появились первые сухие листья. Когда я наступал на них, они хрустели, протестуя.

Я шел по теневой стороне и думал о последних ночах, проведенных вместе с Сарой. Я не спрашивал себя, счастлив ли я, я знал это. Прежде у меня не было любимой девушки, и я искренне радовался, что мне не было с чем сравнивать. Ибо, сравнивая, я бы кощунствовал. Мне было хорошо, как никогда, и каждая клетка моего тела пела и ликовала. Я шел по городу без конкретной цели. Время от времени выпивал стакан воды и шел дальше. Вода скоро превращалась в пот, пот обсыхал, и я подходил к следующему киоску с прохладительными напитками. Мысль работала вяло, как у человека с атрофированными желаниями. Действительно, у меня не осталось никаких желаний. Я не спрашивал себя, где Лайоны, почему они отсутствуют уже четыре дня. Почему они переключились на что-то другое, оставив меня в покое и на свободе? Я не улавливал связи между их

таинственным вояжем и своей скромной особой. А то обстоятельство, что в их отсутствие Сара подарила мне свою любовь, позволяло мне считать, что их отъезд был мне очень на руку. Мне нравилось их долгое отсутствие.

Держась в тени, я перебирал эпизоды своего счастья. В их центре была Сара – семнадцатилетняя бесподобная блондинка, рожденная любить и дарить счастье. Океан нежности принял меня в свои объятия. Чаще всего я вспоминал ее в нашу первую ночь, когда она шла ко мне, торопливо сбросив одежду. Это была фантастическая картина. На фоне оконного проема она казалась существом из другого мира. В ней было что-то более высокое, чем просто человеческое, что-то сверхчеловеческое. Она дотронулась до меня, и наши руки сплелись. Потом я увидел улыбку человека, только что ставшего женщиной. Слов было не надо, они не передавали ничего. Все, что заключали в себе слова, было мельче и бледнее того, что они должны были выразить и передать. Потом Саре захотелось стать ребенком, которому дозволены любые вольности, потому что его любят. Она баловалась и капризничала, подражая ребенку. Я молчал, но она знала, что ее ребячество мне нравится, и продолжала осыпать меня своими шалостями. Я знал, что дней, похожих на этот, повторяющих этот, у меня больше не будет. Ведь то, что будет происходить у меня с Сарой в дни, которые придут на смену этим, будет происходить уже не впервые.

- Я маленькая! – говорила она и вскарабкивалась на меня, как ребенок. – Хочу на ручки! Поноси меня на руках! Я устала. Хочешь, я стану птичкой? Или зайчиком. Ты противный, ты не хочешь взять меня на ручки. Я тебе надоела, да?

Она тискала и мяла меня, как настоящий крепкий малыш, и я угадывал в этом новом ее перевоплощении черты завтрашнего материнства, не сформировавшиеся еще в осознанное чувство. Мне начинало казаться, что между нами действительно большая разница в возрасте и что я гожусь ей в отцы и наставники. Я не мог так чудесно впадать в детство. У нее это получалось сразу. Я не говорил ей, что чувствую себя старцем в минуты ее перевоплощения в ребенка. Это прозвучало бы, как укор. Я молчал, не мешая ей перевоплощаться. А она, не встречая моей поддержки, уже непритворно восклицала:

- Какой ты холодный! Ты очень взрослый и очень холодный. Ты старше меня не на три, а на тридцать три года. Расслабься, пожалуйста!

И сердито трясла меня за плечи, словно собиралась вытрясти из меня замшелого старика. Я подумал, что ей так нравится возвращаться в детство потому, что у нее не было полноценного детства. Одинокая, она росла без смеха и игр, и теперь хотела вернуть далеко ушедшие годы – хотя бы на несколько минут. Поистине, она умела загнать меня в тупик своими неожиданными поворотами. Я и не предполагал, что ее мир так богат и многообразен. Теперь каждый новый день убеждал меня в том, как мало я ее знаю. Мои знания о ней были малы и ничтожны в сравнении с тем, что мне предстояло открыть в ней сегодня и завтра. Каждый день я узнавал бездну нового. В ней было сосредоточено буквально все, что украшает и возвышает женщину. Красота. Природный ум. Вкус. Тактичность. Нежность. Умение не быть навязчивой. И, конечно, блестящие актерские способности. Их развили в ней Лайоны, точнее, ее противостояние им.

Я вдруг подумал, что до сих пор не открыл в ней ни одного отрицательного качества. А ведь часто я наблюдал за ней как бы со стороны и непредвзято, специально с целью найти недостатки. Этого можно было не делать, – она не имела недостатков. Я еще не встречал людей без недостатков. Человек, лишенный слабостей, не говоря уже о пороках, – к такому я не привык.

Интересно, сколько дней будут отсутствовать Лайоны? Из предосторожности я уже не жил в комнате Сары. Хмель первого опьянения выветрился, и я стал мыслить трезвее, то есть воочию увидел опасность и сделал ход, позволяющий избежать ее. Я перебрался жить в пещеру, которая выходила на поверхность в саду Лайонов небольшим круглым отверстием (я с трудом протискивался в него), а далее расширялась. Узкий ход был замаскирован кустарником, и Лайоны, запустившие свой сад, едва ли о нем знали. Вооруженный фонариком и молотком, похожим на маленькое кайло, я проник в это невзрачное отверстие и скоро убедился, что, полого понижаясь, оно превращается в просторный подземный ход с ощутимым движением прохладного воздуха. Я думал, что попаду в царство вечной сырости с плесенью и паутиной, но, к моему удивлению, стены и пол пещеры были сухие. Очень скоро я смог идти в полный рост, не задевая о серые своды. Я остановился у первого разветвления хода, и тут меня осенило, что лучшего убежища мне не придумать и не создать. Здесь я был в абсолютной безопасности – под самым носом у Лайонов! Тщательно разглядывая плотно слежавшийся лесс пола, я не обнаружил ни одного человеческого следа. Люди не спускались сюда. Я вернулся к Саре и сообщил о своей находке. Она сказала, что это подарок судьбы и вызвалась осмотреть подземелье, которое в случае нужды могло приютить и ее.

- Ночью никогда не бывает так темно, как здесь, - заметила она, спустившись за мной и остро вслушиваясь в космическую тишину замкнутого пространства. Мрак был полный и совершенно одинаковый во всех направлениях. Это затрудняло ориентировку. Лимонный круг фонарика мало чего выхватывал из мрака. В царстве подземной тишины было торжественно и страшно. Непрерывно ощущалось слабое движение воздуха. Значит, существовали и другие, не известные мне выходы на поверхность.

- Отшельник! – окрестила меня Сара.

- Мститель, - поправил я ее. Это определение нравилось мне больше. Оно точнее объясняло суть того, что я ставил перед собой, как цель и задачу.

Сара немедленно проявила заботу о моем устройстве. За два часа она перенесла в пещеру уйму полезных и бесполезных вещей: килограммов двадцать продуктов, несколько ведер воды, которую я вылил в чистый дубовый бочонок, веревку, лом, лопату, примус и бидон керосина (примус я подобрал на чердаке), ящик свечей, две складные кровати (одна из них предназначалась для нее), постельные принадлежности, теплую одежду для меня и даже книги, чтобы я не скучал в часы своего одиночества. Она бы сносила вниз вещи и дальше, если бы я не велел ей остановиться. Я перенес в пещеру и свои вещи, упакованные в рюкзак и спрятанные в зарослях у Джуна. Потом забежал к себе домой и взял ружье и патроны. Боба и Тима не было во дворе: Марта отослала их за город к своей сестре. Я подумал, что это к лучшему. Пусть себе играют в сыщиков на лоне сельской природы, где нет настоящих ночных людей, одни выдуманные.

Итак, я прогуливался по городу перед тем, как надолго спуститься в пещеру. Пещера готова была принять и надежно укрыть меня в своих черных недрах в любой момент. Тишина и вечная ночь – вот что такое эти подземные пустоты, подумал я. Эту черную тишину не тревожит ни одно из событий, которые совершаются на дневной поверхности планеты.

И тут я подумал о матери. Она могла возвратиться в любой день, известив о своем приезде телеграммой. И могла еще долго не возвращаться – в зависимости от того, как сложатся ее дела там, куда она поехала. Как предупредить ее, что не только мне, но и ей угрожает опасность? Она, конечно, звонила мне, а меня не было дома ни вечером, ни ночью, и это не могло ее не насторожить. Она подумала первое, что приходит родителям в голову в таких случаях: у ее сына появилась женщина. Да, появилась! Я решил, что мне надо попросить Сару ежедневно наведываться на почту за корреспонденцией для меня. Может быть, матери, по возвращении в наш город, лучше жить не дома, а в гостинице? Да, да! Я ей все объясню, и она поймет, что так лучше. И лишится сна. И будет помогать мне. У нее сильная воля и мужественное сердце!

Размышляя, сопоставляя и строя планы, я попал в район сплошных магазинов. Здесь торговали всем, что производили наша страна и огромная заграница. Прилавки гастрономов ломились от яств. Бесчисленные манекены демонстрировали моды сезона. Выставленные на витринах и открытых площадках автомобили были шедеврами технической мысли и изысканного вкуса. Тысячи книг могли вскружить голову не только библиофилу. Отовсюду на меня смотрели экраны телевизоров. Магазинам не было конца и края, и я замедлил шаг. Чего только не предлагала, не навязывала покупателю эта торговая улица! Все вокруг было забито машинами и людьми. Двери магазинов поглощали пестрый человеческий муравейник и выбрасывали его обратно, только теперь человеческий муравейник был обременен свертками и разбухшими сумками. Здесь властвовал его величество бизнес, здесь крутились большие деньги.

Меня привлекла одна реклама. «Хотите ли вы видеть в полной темноте?» – вопрошала грудастая девица, скорее раздетая, чем одетая. На ней были очки необычной формы. Я, я хотел видеть в полной темноте! Я прямо жаждал этого. Возможно, именно в этом было мое спасение. Заинтересовавший меня прибор носил неэтичное название «Соглядатай». Это была новейшая разработка, и продавец кратко объяснил мне принцип действия. Рефлектор посылал вперед инфракрасное излучение, невидимое для простого глаза, а толстые темные очки-преобразователи принимали отраженный красный свет и делали невидимое видимым. Прибор был безотказен и требовал только регулярной подзарядки аккумулятора, энергии которого хватало на сутки непрерывной работы. Я попросил продемонстрировать мне действие «Соглядатай», и меня провели в комнату без окон и погасили свет. Аккумулятор приторачивался к поясному ремню, как противогаз, очки водружались на глаза, рефлектор – на лоб.

- Можно смотреть в окна, когда там потушен свет. Бывает забавно! Особенно если вы наведете прибор на спальню молодоженов! – Консультант, как я понял, знал свое дело. Но он перестал говорить на пикантные темы, когда увидел, что я не разделаю его восторгов.

- Видите ли вы что-либо без прибора? – спросил он.

- Ничего!

- Подаю напряжение! – Щелкнул выключатель, и я все увидел. Казалось, сами стены комнаты излучали желтовато-розовый свет. Я различал мельчайшие детали. Комната была увешана картинами. Цвет передавался не безукоризненно, но довольно точно. Мне протянули книгу, и я стал читать.

- Здорово! – воскликнул я. – И сколько с меня?

С меня взяли двести пятьдесят долларов, и я вышел с картонным ящиком в руках, перевязанным бечевкой. Какая удача! Я буду видеть ночью, а Лайоны будут слепы, как котята. Я был окрылен. Я уже представлял, как раздвинется вечный мрак пещер и тайное станет явным. Невидимый, я смогу отслеживать каждый ночной шаг Лайонов, стану свидетелем каждого их нового преступления. Невидимый, я протяну из мрака руку к их горлу! Но сначала я проникну в их святая святых – в их тайник. Я буду представлять для них мрак, они же будут предо мной, как на ладони.

Подумав о тайнике Лайонов, я подумал и о том, что можно в нем обнаружить. Сокровища? Едва ли. Сокровища сейчас хранят в банках. А незаконные сокровища? Я не хотел видеть в Лайонах обладателей

сокровищ. В их тайнике хранилось что-то другое, что-то, дорогое им одним. Лайоны убивали ради удовольствия. Эта мысль утверждалась во мне все глубже и глубже. Их не могут выследить и поймать потому, что не понимают мотивов их преступлений. Я представил, что такое для них свежая кровь, выталкиваемая последними толчками сердца из перерезанной артерии, что такое для них предсмертное трепыхание жертвы и угасание света в ее глазах. Я не мог назвать их хищниками. Хищник употребляет свою жертву в пищу. Сытый хищник не убивает. К Лайонам же никогда не приходило насыщение. Поэтому им все равно, кого убивать. Или все же не все равно?

Я прислонился к стволу дуба, не в силах совладеть с волнением. То, о чем я подумал, было очень похоже на истину. В таком случае, люди ли Лайоны? Или выродки, гиены полосатые в обличье людей? Наверное, я побледнел – на меня оглядывались. Но никто не подошел, не спросил, не плохо ли мне. Если я упаду в обморок, ко мне подойдет только полицейский. Потому что это его функция. Прошло пять минут, пока сердце успокоилось. Да, это выродки, у них это наследственное. Они родились убийцами.

Надо было идти, надо было действовать. Сара считала, что Лайоны вот-вот вернуться. Их вояжи в другие города редко продолжались более недели. И я спустился в пещеру, новую свою обитель, крепко сжимая картонный ящик с прибором, который побеждал ночь, а меня делал всевидящим. Осторожность, осторожность и еще раз осторожность, внушал я себе.

Глава 14

Я надел «Соглядатай» и щелкнул выключателем. Пламя свечи ударило мне в глаза вспышкой прожектора. Я задул свечу, и стены пещеры окрасились в приятные желто-розовые тона. Я не сразу приспособился к новым оттенкам предметов, которые в действительности имели другие цветовые тона. Свет, казалось, излучался отовсюду от слишком высокой температуры, от температуры красного каления. Только что Сара поднялась к себе, наградив меня жарким поцелуем и взяв с меня слово, что как только я отыщу тайник Лайонов, я немедленно поведу ее туда. Если бы не Лайоны, у нас сейчас был бы медовый месяц, счастливая безмятежность на берегу одного из теплых морей. Возможно, мы бы наняли яхту. Нет, нам более подошел бы уединенный домик близ пляжа. И чтобы за домиком был лес. С одной стороны море, с другой стороны лес – что может быть чудеснее?

Я размышлял. Розовые оттенки окружающего пространства рождали розовые мысли. Это был здоровый бред любящего себя человека, желающего одного – чтобы его счастье не было банальным повторением чужих судеб. А если выбрать горы и затерянную в лесу хижину? Или озеро и лес? Зачем мне и Саре, чтобы рядом с нами в счастливые наши минуты был кто-то еще?

Но свадебное путешествие пока отменялось. И отменялись теплые моря, хижина в горах или палатка в сосновом бору на берегу величественной реки. Сначала надо было избавиться от Лайонов. То, как с ними следует поступить, подскажет их вина перед людьми. Их вина была связана с загадочным подземельем. Я шел на его поиски. Если бы не тайна, рассуждал я, туда не вели бы стальные двери, запираемые специальным кодом.

Я погасил мечту о свадебном путешествии и уединенном житии на природе и пошел вперед. Теперь пещера обильно снабжала меня новыми впечатлениями. Своды подземных переходов были причудливы и извилисты, вкрапления гипса поблескивали. Вода, здесь поработавшая, придавала сводам самые затейливые очертания. Вообразить все это не могло и прихотливое воображение. Обследование я начал с прохода, ведущего направо. Мне показалось, что у него было больше шансов вывести меня к цели. За спиной у меня была легкая сумка с бутербродами и флягой, а в руках – планшет и буссоль. На ходу я чертил схемки, чтобы потом свободно ориентироваться в пещерах, которые могли оказаться лабиринтом. Пещера то расширялась до размеров маленькой комнаты, то сжималась, превращаясь в узкий коридор, так что временами приходилось становиться на четвереньки. Иногда в пещеру проникали корни. Когда я в первый раз лег на живот и стал ползти, я подумал, что это получалось бы у меня лучше, если бы я отслужил в армии. Без практики ползти было тяжело, пыль заставляла меня чихать и отплеиваться. Движение воздуха подтверждало, что я держусь нужного направления, и еще не уперся в тупик.

У каждого поворота я останавливался и, определив по буссоли север, заносил в блокнот маршрут. Продвижение вперед было медленное, но верное. Метров через семьдесят я достиг разветвления пещеры. Приняв вправо, я скоро убедился, что поднимаюсь и, значит, иду не к Джуну, а от Джуну. У меня не было настроения просто бродить по этим замысловатым переходам, и я вернулся к развилке. Теперь я привык к «Соглядатаю», и мне перестало казаться, что своды и стены светятся желто-розовым светом. Я привык к цветопередаче удивительного прибора. Вдруг меня уколола мысль, что, если я не найду дорогу назад? Поднялся страх, и стало холодно. Но желание овладеть тайной Лайонов было сильнее. Я остановился и стал вспоминать, где выход. Заглянул в блокнот и успокоился. Это была лишь первая развилка.

Левый коридор вел меня недолго. Десять метров, и я остановился перед колодцем. У него была четырехметровая глубина. Я вернулся на поверхность, нашел кол, затесал его, вбил перед колодцем, привязал к нему веревку и спустился вниз. Все должно быть основательно, ведь этим путем я буду пользоваться много раз. Грунт подо мной был сухой, окаменевший. Наверное, здесь давно не было воды. Не было воды, не было и гадов.

Действительно, подземелье было полностью необитаемо: ни тебе крыс, ни летучих мышей. Конечно, эти пещеры не шли ни в какое сравнение с километровыми лабиринтами из гротов и переходов между ними, которые вода проделывала в известняках, подверженных карсту. Здесь был всего-навсего лесс, то есть особый род глины с включениями гипса, который способен при определенных условиях растворяться в воде. Что это за условия, я не знал, но нисколько не страдал от своего незнания. Я много чего не знал. Но я знал, что эти подземные ходы не могли простирались за Джун и, значит, их протяженность была ограниченной.

Я понемногу привыкал к подземной жизни. Акклиматизировался. Оглядевшись на дне колодца, увидел келью почти прямоугольной формы с правильным готическим сводом. Только внимательный глаз мог определить, что здесь поработала природа, не человек. Сужающийся ход звал меня дальше, но я не уступил возбуждению и нанес колодец и келью на план. Стрелка буссоли показывала, что теперь пещера спускалась к каналу. Корни сверху сюда уже не проникали, им было не под силу пронзить толщу, нависавшую надо мной. Кончив рисовать, я вообразил себя отшельником, ушедшим из мира навсегда. Я бы не нашел лучшего места, чем эта сухая келья и абсолютная тишина. У меня было бы вдоволь времени на размышления об устройстве Мироздания и о разумной силе, это устройство направляющей.

Но пока я не мог стать отшельником. Я не стану им никогда, потому что у меня есть Сара. Я направился дальше и сразу же очутился в тесноте, зажатый с двух сторон. Снаряжение стало мешать мне, и в двух местах я помог себе киркой, чтобы расширить проход. «Соглядатай» работал, как часы. Но в запасе у меня были фонарик и свечи. На всякий случай. Когда я воспользовался киркой, поднялась пыль, осела на стекла очков и ослепила меня. Я не сразу сообразил, в чем дело, и пока находился в неведении, страх возвратился ко мне. Я даже дал себе слово, что ни разу не спущусь в эти пещеры после того, как с Лайонами будет покончено. Да, когда человек один, страх легко находит в нем пристанище. Но я догадался протереть очки, и страх прошел. Орудуя киркой, я вспотел. За этим сужением проход расширился, и я облегченно вздохнул. Джун протекал где-то рядом. Короткое ответвление влево я не стал обследовать – в нем был застойный воздух. Я только нанес его на план.

Наконец, впереди забрезжил свет! Я выключил «Соглядатай» и испустил победный клич. Это было отверстие в отвесном берегу Джуна, совсем невысоко над водой. Воздух выходил из него, и потому в пещере не пахло канализацией. Я дорисовал план и повернул назад. Я уже чувствовал себя хозяином этого лабиринта, а не только его первооткрывателем. Скоро, подумал я, мне ничего не будет стоять передвигаться здесь с закрытыми глазами. Жаль, что лет восемь назад я и мои сверстники не знали об этих пещерах! Мы бы обжили их и славно проводили в них время. Прибавив к плану последние штрихи, я быстро вернулся на исходные позиции. В моем лагере горела свеча – там хозяйничала Сара. Она могла принести новости. Но даже если у нее не было новостей, одного ее присутствия было достаточно, чтобы устроить перерыв.

- Ты напугал меня, - призналась она. – Я знала, что это ты, и все-таки мне страшно. Из черной темноты идет человек. Как призрак. Неужели тебе хорошо видно без света?

- Прекрасно! – сказал я и обнял ее.

- Ты весь в пыли! Умойся и сними с себя этот брезент. Потом целуй меня, сколько хочешь!

Я снял прибор, и она тотчас надела его, полная любопытства. «Как днем!» – эмоционально воскликнула она. – А меня не видно, ведь я не видела тебя!»

- Лайоны не вернулись? – спросил я.

- Нет, дорогой. Разве тогда я была бы здесь? Я бы сидела с ними, кормила их и расспрашивала, где они были, что делали и почему оставили меня одну на такой долгий срок. О, я бы показала, что рада их возвращению! Что мне нравится обхаживать их!

Она умела быть актрисой, я не сомневался. Но не со мной. Со мной она была обаятельным человеком, истосковавшимся по любви и дружескому участию. В ее присутствии я особенно остро понимал, что такое не иметь друзей в драгоценные юношеские годы, когда просыпаются возвышенные чувства и складывается мировоззрение. Мы пообедали. Сара премило хлопотала у примуса, звеня посудой. Она прекрасно выполняла любую работу по дому, и мне оставалось только любоваться ее проворными, везде поспевающими руками. «Какая древность – примус! – смеялась она. – Давай проведем сюда электричество!»

- И водопровод тоже, - подсказал я. – Знаешь, здесь было бы хорошо смотреть приключенческие фильмы. Здесь легко нагнетать страх. Вообще, эта берлога может сойти за превосходное атомное убежище. Почти полная изоляция, большой запас воздуха...

- Легче договориться не воевать, чем создавать атомные убежища, - сказала Сара. – Я никогда не могла понять, почему люди воюют. Убивать – это так отвратительно, так не по-человечески!

- Есть догмы, которые передают лишь малую толику человеческой сущности, но заслоняют политикам все остальное.

- Что такое догма? – спросила Сара.

- Это принцип, в который верят безраздельно. Немцы поголовно поверили в принцип: «Германия превыше всего», и началась война. Кстати, ты – моя догма. В тебя я верю безраздельно. И ты заслонила собой все

остальное! – сказал я с жаром. – И я согласен с тобой: люди не должны убивать друг друга только по той причине, что они разные.

- А Лайоны убивают, – сказала Сара с невыразимой печалью. – Почему?

- Подозреваю, что это у них изначальное. Гены у них такие.

- Страшные у меня братья. Если подтвердится, что они убили моего отца, я отравлю их стрихнином, как крыс.

- А за других ты мстить не будешь?

- Не знаю. Я так любила отца! Он сажал меня на колени и смотрел, как на чудо.

Вот и Сара пришла к мысли, что Лайоны заслужили смерть. У нее не дрогнет рука, если она решится на возмездие. Я вообразил, как это произойдет, и у меня по коже побежали мурашки. Смелая, решительная женщина! Да, уже – женщина. Я улыбнулся, поддерживая ее, и она скромно улыбнулась в ответ. Ей было приятно, что я ем с аппетитом. Радость замужества наполняла ее, и она вся была в ее власти. Она смотрела на меня глазами, переполненными любовью. Я же делал вид, что это в порядке вещей, и улыбался. Только улыбался.

Глава 15

Немного отдохнув и налюбовавшись Сарой, я принялся исследовать левый проход, а Сара ушла в дом – до вечера. Я не столкнулся с особыми трудностями. Сужений не было, я не становился на карачки и не полз, как уж. Я шел, как на прогулке, и если бы рядом со мной шла Сара, это действительно была бы прогулка. Прогулка в царство вечной ночи и вечной тишины. Мне нравилась эта безраздельная, космическая тишина. Она не надоедала мне. В ней было что-то целительное. Незаметно я вышел к Джуну. Набросав подробный план, я забраковал эту цепь пещер, напоминающую сообщающиеся сосуды. Уходить так далеко влево было бесперспективно. Я переключился на правую ветвь. Я считал, что тайник Лайонов находится по мою правую руку. Это подсказывало и трезвое сопоставление фактов, и интуиция. Вправо отходили ответвления, похожие на тупики; в них я еще не заглядывал. Было вполне вероятно, что одно из них упиралось в тайник. Я задал работу мозгу. Провел прямую линию от стальной двери в подвале особняка Лайонов к сужению Джуну, и эта линия оказалась полностью справа от пещеры, которая стала моим убежищем.

Я рисовал себе, как примерно расположен тайник, когда пришла Сара и занялась приготовлением ужина. «Соглядатай» действовал безукоризненно, и я обходился без зажженной свечи. При ее приближении я отошел в глубь пещеры, чтобы не выдать своего присутствия, и наблюдал за нею с некоторого расстояния. Мне нравилось смотреть, как она хлопочет. Ибо хлопоты ее тоже были любовью, точнее, ее приятной разновидностью. Она напевала песенку, которая мне нравилась.

Приготовив ужин, она ушла. Будет ждать Лайонов наверху. Какая она красивая! Я попробовал представить себе девушку красивее Сары и не смог. Воображение не желало работать в этом направлении. А на поверхности ночь уже вступала в свои права. Я спросил себя, для чего я живу. Для чего работаю, люблю Сару, воюю с Лайонами? Тишина и одиночество помогали сосредоточиться. Я делал не первую попытку проникнуть в суть своей жизни, определить, кто я и что я на этой планете. Я понимал, что живу не для чего-то, не ради какой-то цели (ее пока и не было, если не считать Сары), а потому, что родился и должен жить. Я родился не для чего-то, а потому, что так положено по законам природы. Я родился, потому что из череды рождений и смерти состоит круговорот жизни. Через какое-то количество витков планеты вокруг солнца меня не станет. Странно, но эти очевидные вещи ни в чем меня не убеждали.

Я хотел постичь тайную мысль природы, создавшей человека – и не постигал ее. Наверное, не надо спрашивать, для чего я живу. То есть, это предопределялось не мною. Другое дело, как я живу. В этом, казалось бы, более ограниченном вопросе простор для мысли тоже ничем не сдерживался. Мои соотечественники, почти все мои сверстники жили для бизнеса. Делали деньги. И здесь годился почти любой путь. Бизнес был у нас в большом почете. Я же это занятие игнорировал. Я не занимался деланием денег. Тогда в чем же было мое предназначение? В том, чтобы встретить Сару? Может быть!

Еще я подумал, что будет, если каждый в нашей стране станет миллионером. Общество из одних миллионеров? Миллионер, у которого мало миллионов, обслуживает миллионера, у которого много миллионов – а что делать? Или снова завозить негров из Африки? Коммунисты впадали в другую крайность. Они предлагали общество без единого миллионера и без частной собственности. Я этого себе не представлял. Каждый за себя и каждый для себя – это я представлял. А все для всех – этого не представлял. Я не представлял, как это моя ответственность распространится на весь земной шар. Только моя – это я еще понимал. Если я один буду управлять всем земным шаром. А моя ответственность вместе со всеми и наравне со всеми – этого не понимал. Непостижимо это было и, значит, утопично. Утопию предлагали граждане коммунисты! Я был индивидуалистом и не стыдился этого ни в малейшей степени. Таким я вырос, таким меня воспитали. Я должен отвечать за себя, за свои поступки. Тут все было ясно, всю свою сознательную жизнь я так и поступал. Что ждало меня в будущем? Думать об этом было интересно. Будущее могло ветвиться на варианты, как древесный ствол. По одному из

вариантов и я становился миллионером, но благодаря его величеству случаю, а не своему самоотверженному труду. У меня была Сара, и будущее виделось мне вполне определенно. Я и Сара были вместе, и это не было мало. И вот она одна осталась в моем воображении. Но кто-то мне изощренно мешал, подкрадывался и гадил. Это были Лайоны – препятствие страшное, но преодолимое.

Потом я заснул, а когда проснулся, ничто не говорило, что наступил новый день. Было темно и тихо. Но я знал, что наступило утро. Пришла Сара, и мы позавтракали. Она очень старалась, но ее старание не выделялось, – таким естественным оно было. Лайоны еще не возвратились. Чем же они занимаются так долго вдали от дома?

- О чем ты думаешь? У тебя так смешно наморщен лоб! – сказала она. Я постеснялся ответить, а обнял ее и крепко поцеловал. Вскоре она ушла, а я возобновил свои поиски. Теперь меня интересовали только правые ответвления. Первое из них оказалось тупиком, второе тоже не имело большого протяжения. Обследование третьего ответвления тоже не дало результата. Зато четвертое было расположено очень удачно. Я пошел по нему, охваченный предчувствием, что я у цели. Страх не было, я привык к жизни под землей. Проход стал сужаться и скоро превратился в лаз. Я пополз на четвереньках. По лбу заструился пот. Направление по компасу совпадало с тем направлением, которое должно было вывести меня на тайник. Ударившись спиной о низкий свод, я лег на живот и пополз. Метр за метром, метр за метром! Я подумал, что если упрусь в стену, как мне пятиться назад? Но если в человеке поднимает голову интуиция, она не обманывает. Новое сужение было непреодолимо, я мог просунуть в него лишь голову. Далее ход расширялся, превращаясь в пещеру или цепь пещер. И дальше, куда не доставал прибор, тоже была пустота – мой взгляд не упирался в стену. Открывшаяся мне цепь пещер, скорее всего, и была убежищем Лайонов. Я понял, что скоро посмотрю, что они там прячут и в чем виноваты перед людьми.

Я с трудом выбрался назад, вооружился ломиком и лопатой и с рвением, какого от себя не ожидал, принялся расширять проход. Для транспортировки разрыхленного грунта использовал обыкновенный тазик, – я тащил его волоком. Работал без отдыха часов пять. Обливался потом, пил и снова обливался потом, но долбил и долбил неподатливый лесс. Сужение, в которое не мог протиснуться человек, имело, наверное, двухметровое протяжение, и я расширял его лежа, то есть в самом неудобном положении. У меня немели и затекали руки, но я находил в себе силы не замечать этого, и не прерывал работу. Время словно остановилось. Оказалось, что я прозевал обед, и Сара прождала меня час, волнуясь и строя предположения одно невероятнее другого.

- Где ты пропадал? – напустилась она. – Ты весь серый от пыли! А вдруг на тебя обвалится порода? Или у тебя подвернется нога?

- Прости, я заработался. – Я не разделял ее опасений. Плохое могло случиться со мной только на поверхности. Под землей же я был в полной безопасности. В абсолютной безопасности. Сара быстро успокоилась. Ей было достаточно того, что я съел вдвое больше обычного. Такой аппетит и удивил, и обрадовал ее, и она сказала, что я ем, как настоящий мужчина. В ее устах любое обращенное ко мне слово было похвалой. Накормив меня, она ушла, а я снова превратился в забойщика. Мозоли на руках лопнули, но я продолжал долбить, грузить и относить. Волдыри на ладонях закровоточили, но я и на это не обратил внимания. Уже мною была вынута целая гора земли. Я давно не работал так увлеченно. Так самозабвенно. Неведомые внутренние силы глубинных резервов гасили усталость. Временами я подбадривал себя ругательствами сапожников и таксистов, которые, по моим понятиям, в этой области никем не были превзойдены. Малоподвижный воздух не отводил тепла, которое выделялось при работе, и я чувствовал не прохладу подземелья, а липкую тропическую жару. Но одержимость уже не отпускала меня, и я радовался своей неутомимости, своей настроенности на успех. В эти минуты я был о себе очень высокого мнения. Я продвигался вперед медленно, но упорно, думая, что скорее свалюсь, обессиленный, чем возвращусь с половины пути. Убогость технических средств не обескураживала меня. Шахтеры и рудокопы в средние века работали точно так же. Откалывали уголек обушком, а потом волокли на себе салазки, им наполненные. На четвереньках! Уподоблялись обезьяне, от которой произошли.

Наверное, я пришел в такое неистовство потому, что каждый мой удар ломиком был нацелен в Лайонов. Мне не хотелось, чтобы надо мной и Сарой висела опасность. А она исходила от Лайонов. Их следовало устранить, как устраняется любое препятствие, мешающее нормальному течению жизни. Я был близок к изнеможению, когда увидел, что проход расширяется уже без моих усилий. Еще немного, и стало легко ползти. Можно было остановиться. Как только я принял такое решение, навалилась усталость, и я на четвереньках добрался до своего лагеря. Ладони жгло, голова гудела. Сара протянула мне кувшин с чистой водой.

- Я близок к тайнику! – сообщил я. – Их пока нет?

- Их нет, а тебе посылка. От твоей матери. Оценена в сто долларов. Вот и письмо от нее! А за посылкой ты должен прийти сам.

Я вскрыл конверт, хранивший, как мне казалось, тепло добрых матушкиных рук. Письмо было отправлено четыре дня назад. Обычно ее письма приходили на второй день. Не вдаваясь в причину задержки, я углубился в чтение. Мать трогательно осведомлялась о моих делах. Тактично спрашивала, не влюбился ли я. Наверное, последнее мое письмо навело ее на эту мысль. А ведь я ни словом не обмолвился о Саре. О, эта извечная, изначальная женская пронизательность! Она все прочитала между строк. О себе она писала с какой-то

непоследовательностью и скороговоркой. Я насторожился, мне почудилось скрытое беспокойство. Она сообщала о двух молодых парнях, которые поселились в отеле рядом с ее номером. У нее было предчувствие, что им что-то от нее надо. У них недобрые глаза, писала она, и они встречаются с ней чаще, чем если бы это была простая случайность. «Видишь, с возрастом я становлюсь мнительной!» - доверительно сообщала она. И сразу же стала жаловаться, что переутомилась и что у нее шалют нервы. Что очень скучает, а командировке не видно конца. Далее шли простые житейские советы, чего мне делать не следует, а на что, напротив, надо обратить внимание. С обычной материнской наивностью она полагала, что я буду следовать ее наставлениям.

Но у меня уже почти на все случаи жизни было свое мнение. Мать же все еще была не в состоянии признать меня взрослым и самостоятельным. «Что это за хлыщи, которые ей так не понравились? – подумал я, теребя письмо. – Почему она их боится? Почему нет ни слова о посылке, которую она собиралась послать мне? Сюрприз?» – Насколько я помнил, мать не совершала спонтанных поступков. У нее было сугубо рациональное мышление, и она гордилась им и ставила много выше мышления спонтанного и импульсивного. Тяжело передвигая налившись усталостью ноги, я побрел на почту. Сара предупредила, что в случае возвращения Лайонов во дворе будет сушиться одно из ее платьев. Два таких платья уже третий день лежали в корыте и мокли.

Глава 16

Я шел на почту, отгоняя недобрые предчувствия. Усталость была такая, что думать не хотелось. Хотелось одного – полнейшего бездействия. Я не знал, что так взволновало мать. Я думал, что те, кого она испугалась, просто обыкновенные бездельники и нахалы, пристающие к одиноким женщинам. Таких полно в каждом городе. Сытые, холеные, самодовольные наглецы. Они и расстроили мать, нагнав на нее страху.

На почте мне дали посылку - объемистый фанерный ящик, не тяжелый.

- Болееете? – участливо спросили меня.

- Нет, - сказал я. Прежде я непременно обратил бы внимания на служащую, задавшую мне вопрос: девушке не было и двадцати. «Какой он бледный!» – услышал я за спиной, когда выходил на улицу. Значит, пребывание под землей удалило румянец с моих всегда жизнерадостных щек.

Сигнала опасности еще не было, и я сразу спустился в пещеру. Зажег свечи. Отличная получилась иллюминация. И в ожидании Сары стал разглядывать посылку. Ящик был обвязан шпагатом и опечатан сургучом. Скорее всего, он содержал одежду. Женщина в сорок пять лет уделяет модам внимания куда больше, чем женщина в восемнадцать. Мать увидела что-то особенное и не удержалась. А то, что у нее полный дом прекрасной одежды, не имело значения.

Мысль о том, что в посылке – обновки матери, успокоила меня. И я заснул. Сара разбудила меня легким прикосновением. Ей было страшно, страх застыл на ее лице.

- Что случилось? – крикнул я.

- Мне страшно! – воскликнула она в сильнейшем волнении. – Давай уедем прямо сейчас! Почему ты должен сидеть в этом подземелье? Почему я должна спускаться к тебе тайком, крадучись и оглядываясь?

Я обнял ее и усадил рядом с собой. У нее сильно билось сердце. Она заплакала, роняя скупые и горькие слезы бессилия. В первый раз ей было так не по себе. Ее руки дрожали.

- Сейчас я успокоюсь. Не сердись и не упрекай меня! Ну, почему бы нам не уехать?

Она вытерла лицо белым батистовым платком, сложенным вчетверо.

- Скоро мы будем знать все, в том числе и тайну исчезновения твоего отца, - сказал я. – Мы у самой цели. Потерпи еще немного!

Она приходила в себя медленно, как бы нехотя. Мир, в котором она жила, был слишком груб для ее нежной, впечатлительной души. В какой-то странной, нехорошей рассеянности она стала повторять: «Да, ты прав, я не должна забывать об этом. Но почему... почему...» – Она не договорила. Вытерла слезы, встрепенулась и быстро, как по мановению волшебной палочки, стала обаятельнейшей девушкой, той несравненной Сарой Кроль, которую я любил и душа которой с недавних пор были слита с моей душой. Мы сидели, обнявшись, и думали друг о друге. А перед нами лежала посылка, пришедшая издалека. Потом Сара отвела мою руку, покоившуюся на ее талии, и потянулась к посылке.

- Чем же порадовала тебя мать? – сказала она. – Я за всю жизнь не получила ни одной посылки.

- У тебя все еще впереди.

- Тут должны быть красивые туалеты. И что-то еще, потяжелее нарядов. Вскроешь, или подождешь возвращения матери?

- Посылка на мое имя, - сказал я, тыча пальцем в адрес.

- Тогда открывай! - попросила она с таким нетерпением, словно там лежало ее белое свадебное платье, обрамленное брюссельскими кружевами.

- Сначала поужинаем. – Мне захотелось немного пощекотать ей нервы.

- Мучитель! – сказала она, отступая на шаг. – Убери руки. Ты нехороший, ты злишь меня. Ты же знаешь, какая я любопытная!

Я не сдвинулся с места. Более того, я сел удобнее и закинул ногу за ногу. Стиснув зубы и изобразив свирепость, она бросилась на меня и принялась тискать и мять, тормозить и щекотать под мышками. Щекотку я терпеть не мог. «Сядь!» – взмолился я, и она, запыхавшись, села рядом.

- Правда, я сильная? – сказала она. Ее грудь поднималась и опускалась, как кузнечные мехи. Я смотрел на нее неотрывно, наслаждаясь ее дерзкой красотой. Конечно, она была сильная. Бывает ли в жизни что-либо более высокое, чем любовь, спросил я себя. Возможно, бывает, но я пока на этот вопрос мог ответить только отрицательно. Для меня на земле не было ничего лучше Сары. Наверное, она спустилась на землю с белых облаков. Иначе почему она так недосягаемо красива?

- Открывай, открывай! Знай же: если ты заставишь меня ждать еще пять минут, я никогда не выйду за тебя замуж!

- Уже вышла! – спокойно опроверг я детский ее довод.

- Нахал! Циник! Невоспитанный мальчишка! Не прикасайся ко мне!

Я заставил ее подождать еще несколько минут, в течение которых она умоляла меня быстрее открыть посылку. Я бездействовал, лишая ее последних остатков терпения.

- Ах, так! – воскликнула она. – Сиди, если ты так обленился! Я сама вскрою ящик.

Она схватила мой топорик и наклонилась над ящиком. Как ни неумело орудовала она этим новым для нее инструментом, тонкая крышка ящика с аккуратным адресом подалась. Глядя на адрес, я вспомнил, что у матери более круглый и размашистый почерк. Не такой каллиграфический. Но посылка могла быть только от нее, и поэтому несоответствие почерка на крышке ящика с ее почерком хотя и было отмечено мною, но как-то вскользь. Я не спешил помочь Саре. Пусть потрудится. Я отбивал ногой какой-то музыкальный такт, а она неумело действовала топориком. Крышка отогнулась, обнажая мелкие гвозди, и я увидел прокладку из ваты.

- Зажги еще пару свечей! – попросил я, и Сара тотчас исполнила мою просьбу. Пламя свечей слегка клонилась в сторону выхода из пещеры. Во мне, в отличие от нее, не проснулось любопытство. Тряпки интересовали меня мало. Сара, напротив, возбуждалась все сильнее и от волнения орудовала топориком все более неуклюже.

- Не умеешь! Не умеешь! – подзадоривал я ее.

Она покраснела, пряди волос надвинулись на ее лоб. Она была бесподобна.

В любой женщине заложено упрямство. Ее упрямство шло ей. Мне было приятно сидеть и созерцать. Прекрасное занятие для уставшего человека! Лучше не придумаешь. Наконец, после многих неловких движений Сары крышка отсоединилась от ящика и была отложена в сторону. Оказывается, содержимое посылки было тщательно обложено ватой со всех сторон.

- Пока это лишь вата, оцененная в сто долларов, - скептически заметил я.

- Ты не в духе! – заметила Сара. – Ты весь день расширял проход, и это тебя вымотало.

Я показал ей свои натруженные ладони. Она присела рядом на корточки и принялась дуть на мои кровавые волдыри. Теперь она не улыбалась. Надо сказать, серьезность красила ее так же, как и непосредственность. Я подумал об этом, но не пришел к выводу, что предпочел бы – первое или второе?

- Теперь не больно? – спросила она, продолжая дуть на мои мозоли. И я захотел, чтобы они не заживали. Мне казалось, что к моим ладоням прикасается морская волна, напоенная летним солнцем. Она предложила мне выпить, но я отрицательно покачал головой.

- Завтра мы войдем в тайник Лайонов! – пообещал я.

- Почему ты не попросил меня помочь? Я ведь сильная!

- Потому что тебе надо быть наверху.

Я не сказал, что не хотел для нее этой изнурительной работы. Этой пыли, забивающей ноздри. Этого ползания на животе в узком проходе. Этого пота. Эта работа была не для нее.

- На моих ладонях тоже есть мозоли! – радостно закричала она и протянула ко мне руки ладонями вверх. Я увидел застаревшие плотные бугорки мозолей. Странно, что я никогда их не чувствовал. – Давай смотреть! – попросила она, и мы вновь склонились над посылкой. Легкая вата, казалось, скрывала какие-то ценности. Мне надоело подогревать любопытство Сары, и в то же время ничего не хотелось делать самому. Хотелось сидеть и смотреть. А потом заснуть, и чтобы Сара заснула рядом. И чтобы моя рука лежала на ее груди.

- Куда ты спешишь? – сказал я. – Ну, наряды. Я мало чего смыслю в моде. Твоя одежда красива потому, что ты сама красива. Но красивее всего ты тогда, когда на тебе ничего нет.

- Бессовестный! Противный, бессовестный и несносный! Нет, ты просто гадкий!

Она долго называла меня разными плохими словами, а я сидел и слушал. И млел от этого ласкового, в сущности, обращения. Я прямо наслаждался ее кипением. Я задел ее за живое и радовался, что мне не надо говорить. Я сказал чистую правду, и возмущалась она притворно.

- Ты просто нахал! – продолжала она. – Должна сказать, что ты не видел меня голой!

- Еще как видел. Было темно, но я все видел. А когда не видел, то подразумевал. Я ведь у тебя мужчина с воображением!

Да, ночь не скрывала ничего, и я все видел. Видел силуэт, контуры – конические выпуклости груди, тонкую талию и мягкий овал попки. Света было совершенно не надо. Но я не стал говорить об этом. Я ждал, что еще скажет она. Что еще она думает обо мне, кроме того, что я циник и должен просить у нее прощение. Я закрыл глаза и положил голову на подушку. Я не хотел просить прощения. Три осторожных, на цыпочках, шага, во время которых у нее хрустнул какой-то сустав. Вот она потянулась к посылке, вот ее пальцы коснулись ваты и разворачивают ее, пробуя на ощупь то, что под ней. Робкие, чисто женские движения, полные грации и любопытства. Она еще не знает, что у меня обостренный слух и что я слышу каждое ее движение. Вот она выбирает вату. Зачем в посылке с одеждой столько ваты?

- О-о-о-о-о! – закричала она пронзительно, как от укола в самое сердце. Так кричат, когда к горлу подкрадывается ужас. Ее крик подбросил меня, и я сначала посмотрел на Сару, не на ящик. Она закрыла глаза рукой и зажмурилась. Лицо ее было искажено гримасой ужаса и отвращения. Она была, как невменяемая. Звуки превратились в клекот, потом крик пробкой застрял в ее горле. Она повернулась лицом к темноте и, не отрывая ладони от глаз, медленно села. Судорога пробежала по ее телу. Ее вырвало. Я не бросился к ней, я растерялся. Не мог сообразить, чем все это вызвано. А ее продолжало выворачивать наизнанку. У красавиц это происходит так же неприглядно, как и у всех прочих. Наконец, я перевел взгляд на ящик. Сначала я подумал, что напугать ее мог только ящик, а потом уже перевел взгляд вниз. Из взъерошенной ваты выглядывала человеческая рука, синеватая, сморщенная, стылая. На белом фоне выделялись ногти, покрытые оранжевым маникюром, а кожа была дряблая, усохшая. Тонкие пальцы были скрючены, окаменев на последнем этапе предсмертной конвульсии. Я хотел броситься к ящику и не смог, ноги мне не повиновались. И тело не повиновалось мне. Я хотел крикнуть, но крика не получилось. Я не мог исторгнуть даже стона.

И вдруг меня тоже начало тошнить. Я отвернулся от ящика с торчащей из него рукой и от Сары и застыл в позе пьяного, нализавшегося до блевотины. Сморщенная женская рука казалась мне кошмаром. Какое-то время меня рвало. Потом я поднял голову и посмотрел на Сару. Она тоже пришла в себя и встала рядом со мной. На лице ее застыла смертельная белизна. Преодолевая столбняк, я вновь склонился над ящиком и извлек из него руку. Рука была отсечена по локоть, и под ней лежала вторая, левая. Никакой призрачности, никакой мистики. Я держал руку на весу двумя пальцами, и мозг мой был как бы отключен.

- Это Лайоны! Это они сделали! – сказала Сара. К ней первой возвратился дар речи.

И тут я увидел на скрюченном указательном пальце кольцо с красным огоньком рубина. Такое кольцо носила только одна женщина. Она была моей матерью.

- Мама! – закричал я. У меня подогнулись колени, и я распростерся на полу. Рука матери оказалась прижата к моей груди. Свет свечей на мгновение приобрел яркость юпитеров и медленно померк. Мрак и тишина поглотили меня. Сара бросилась приводить меня в чувство. Она вылила на меня полведра воды, прежде чем я открыл глаза. Но способность видеть и мыслить вернулись ко мне позже. Я поднес к глазам руку с рубиновым перстнем. Вот она, коричневая родинка с неровными краями! Я запомнил ее с детства. Мать брала меня на руки, и я спрашивал, что это у нее за пятнышко. А она отвечала, что это ее клюнул голубь. И я какое-то время не любил голубей. Я не любил их до тех пор, пока не понял, что мать пошутила.

- Мама! Мама! Мама! – повторял я сухим, прерывистым шепотом. Я еще не постиг тяжесть свалившегося на меня несчастья. Я только шептал: «Мама! Мама!»

Огромный внешний мир с красавицей Сарой в его центре словно перестал существовать. Я был оглушен и раздавлен, и Лайоны могли торжествовать. Они уязвили меня в самое сердце. Поились слезы, но их было немного. Я прижимал к груди синие руки матери, которые когда-то прижимали к груди меня. Сара, без кровинки в лице, хлопотала возле, но я не замечал ее присутствия. Итак, люди, те двое парней, которых безотчетно испугалась мать, были Лайоны. Ко мне подступила дикая, животная ярость. Сначала она была бессильной и бессмысленной. Потом стала обретать очертания места.

- Они умрут! Они умрут все, как один! – сказала Сара тоном приговора. Она клялась.

Жутко хотелось кричать, но крик не шел из горла. Мама! Ты разгадала в своих соседях по отелю подонков и врагов, но не смогла защитить себя от них.

- Они умрут! – повторила Сара свое заклятие. – Я отравлю их мышьяком, как крыс. Нет, смерть для них ты выберешь сам. И сам все сделаешь, чтобы они умерли. Ты должен увидеть, как они будут умирать. Они будут умирать, а ты будешь стоять над ними, смотреть и торжествовать. И я буду знать, что они умирают, и торжествовать.

Я не протянул к ней рук и не кивнул в знак согласия. Я все слышал и молчал. Казалось, я лишился возможности двигаться. У меня не было матери! Тяжесть, наваливавшаяся на меня все эти мгновения, наконец, вновь бросила меня на землю. Я упал и лишился сознания.

Саре пришлось вторично прибегнуть к помощи воды.

- Очнись! – шептала она. – Возьми себя в руки, ты мужчина! Думай о возмездии!

Я тяжело поднял голову. Сел, потом встал. Тело было чужое, мягкое-перемятое. Свечи мерцали как бы вдалеке. Свечи со всех сторон окружал мрак. У Сары были черты незнакомой женщины. Я даже задержал на ней взгляд и спросил себя, кто это. Это была очень красивая женщина, но почему-то чужая.

- Аугуст! – пронзительно крикнула она, увидев в моих глазах признаки помешательства. – Это я, Сара, жена твоя!

Ее голос подействовал. Я вспомнил, кто она, кивнул, и она обвила меня руками. Я же смотрел мимо нее – на посылку. Руки матери лежали рядом, на скатерти, сложенные крест-накрест. Короткие обрубки, высохшие и бессильные. Когда-то они обнимали моего отца, потом пестовали меня. Потом делали что-то важное в химической лаборатории большого концерна, могущество которого простиралось на многие страны мира. Они не знали праздности. Эти руки делали любовь матери понятной мне, бессловесному ребенку. А теперь они были частями ее расчлененного тела. Лайоны получили то, чего хотели. И за это они получают то, чего хочу я. Рич на почте узнал, по обратному адресу ее писем ко мне, куда уехала мать, и это предрешило остальное. Здесь они не сумели добраться до меня, но это оказалось легким делом в отношении моей матери. Я представил, как они радовались, умерщвляя ее. Я не буду радоваться их последним мукам. Просто выполню то, что должен сделать. И запомню, как они будут корчиться, беспомощные перед топором палача.

Я вспомнил, что надпись на крышке ящика показалась мне подозрительно четкой. Почему все эти дни, когда Лайоны отсутствовали, я вел себя так, словно наступил праздник? Почему ничего не заподозрил? Где была моя хваленая интуиция? Слабость прошла, и тело снова повиновалось мне. И опять упали слезы. Беспольные слезы несогласия и отчаяния. Что бы я теперь ни сделал, мать я вернуть к жизни не мог. Матери у меня больше не было. Этот факт никак не укладывался в сознании. Четыре дня назад ее рука выводила письмо, в котором были подозрение и страх. А когда это письмо пришло ко мне, ее уже не было в живых. Опустел дом, в котором она была хозяйкой. Охладело мое сердце, которое так грела ее любовь.

Я бережно положил руки матери на постель. Под новым слоем ваты могло скрываться что-то еще. Я раздвинул вату и увидел сосуд кубической формы из органического стекла, заполненный жидкостью и чем-то темным. Я вытащил сосуд. В нем была голова матери. Я не отпрянул, не уронил сосуд, не закричал, не закрыл глаза. Я смотрел, и ненависть заполняла меня. Эта ненависть должна была или поглотить Лайонов, смести их с лица земли, или погубить меня. Одно из двух! Третьего было не дано. Сара придвинула мне маленькую табуретку, и я осторожно поставил на нее страшный сосуд. Формалин или спирт не исказили лица. В открытых глазах отразился ужас последней минуты жизни. Страх расширил зрачки... Мама! Я смотрел и смотрел в ее окоченевшие глаза. Так вот что они сделали с тобой! Убили и расчленили на части. И обо всем уведомили меня. Я представил, как это могло быть. Вечер, телефонный звонок. Ее просят спуститься в холл, на ее имя пришло письмо. Она выходит и попадает в руки Лайонов. Что было потом? Медленное истязание?

- Они убили тебя! – сказал я голове матери, как одушевленному существу. – Они не люди и даже не звери. Они нелюди! Их головки – это хранилища гнуснейших мерзостей!

- Прости, что я не видела твою мать живой, - сказала Сара. Она стояла сзади, положив руки мне на плечи, а я опустил на колени перед страшным сосудом. И вдруг мне стал ясен смысл слова «стекляшка». Это слово было произнесено кем-то из Лайонов в ночь неудавшегося покушения на меня. Слово это прозвучало буднично и безобидно. Стеклашка – это аквариум. Стоящий на табуретке сосуд из толстого органического стекла и был аквариумом. В такой же ящик, но большего размера, они хотели заключить меня, только это им не удалось. Тогда в стеклашку, приготовленную для меня, они положили Рези. При этом были произнесены слова: «Какая разница?» Они не любили Рези, он был не их рода-племени, и между ними всегда была дистанция. Они не любили друг друга, но их сжигала одна и та же пламенная страсть. Она же их объединяла, только она. До взаимной терпимости объединяла, не более. Меня прорвало:

- Это аквариум! – крикнул я, кивая на сосуд. – Они помещают свои жертвы в ящики-аквариумы! Вот что я найду в их тайнике! Они поклоняются убиенным им людям! Вот почему они убивают и препарируют. А я думал, что они хотели ограбить мой дом. Им же было нужно совсем не это. Они убивают и наслаждаются. Теперь тебе ясно, кто они такие? – Я умышленно не назвал их ее братьями. Она с силой надавила мне на плечи. Я кричал слишком громко даже для подземелья. Отраженный от стен и сводов, мой голос возвращался к нам измененным, словно это был голос свыше.

- Жалко, что я не видела твою мать живой, - повторила Сара. – Я думала о том, как она воспримет мое появление в ее доме, как отнесется ко мне. Я мечтала, что мы подружимся. Я ведь всегда была так одинока! Я очень хотела понравиться ей. Знала, что твоя мать – ученая, и собиралась взять на себя все заботы по дому. Чтобы она ни о чем не беспокоилась.

- У меня болят виски, - прервал я ее. – Потри мне виски! На мне чужая, не моя голова! Сара, верни мне мою голову. Я не узнаю себя, я себя не понимаю! Со мной не должно было произойти такое. До сих пор мне только везло. Три сильнее, сильнее!

Увы, нежные руки Сары были бессильны возратить здоровье бедной моей голове. Она растирала мне виски, а я не получал облегчения. – Тебе надо лечь! – попросила она. – Я не отойду от тебя, не бойся!

Это могло вызвать подозрение Лайонов, когда они вернутся, но я не возражил. Ощущение опасности притупилось совершенно. Я знал, что уничтожу их, как только они вернутся. Буду так же безжалостен, как были безжалостны они. Раскрою им черепа топориком, расстреляю их... Я рисовал себе картины мести, но удовлетворения не получал ни малейшего.

- Ты весь дрожишь! – заметила Сара. – Ну, не надо так, не надо!

- Это моя мать, - сказал я, стуча зубами. – Они уехали отсюда, чтобы убить ее. А мы ничего не заподозрили. Мы пили вино и нежились в постели. А в это время они выпускали из нее кровь. Мы были счастливы, а ее уже не было в живых. Мы были счастливы, а ко мне уже шла эта посылка!

- Давай, я сварю кофе, - предложила она. Мне не было никакого дела до кофе.

- Эти руки носили меня! – упорно повторял я. – Мама, как над тобой надругались! Ты будешь отомщена. – Я смотрел на сосуд, на почти живое лицо матери, и не мог думать ни о чем. Моя голова перестала быть моею. Мать жила только для меня. Одно время к нам приходил дядя Джон, но я сказал матери, что не хочу, чтобы он стал вторым моим папой, и дядя Джон перестал приходить к нам.

- Мама! – снова закричал я. – Мама! Мама!

Сара отошла от примуса, на котором кипятила воду для кофе, сняла с табуретки страшный сосуд и положила его в посылочный ящик. Потом туда же опустила руки моей матери, а сверху прикрыла ватой. Все это не должно было лежать на виду.

- Зачем? – спросил я.

- Чтобы ты не сошел с ума.

Мне было все равно, останусь ли я в здравом уме или свихнусь. Это не было бы большим горем в сравнении с тем, что я лишился матери. Сара насильно заставила меня выпить кофе, раздела и укрыла одеялом. Задувать свечи она не стала. Я дрожал всем телом. Дрожь моя начиналась внизу живота и волной прокатывалась по телу. Я думал о матери, которой у меня уже не было. Сара шептала мне какие-то слова, которые должны были меня образумить. Она была потрясена так же, как и я. Но душевной стойкости в ней оказалось больше. Она выросла вместе с Лайонами, и в ней образовался защитный барьер, заслонявший ее от потрясений. И тут я подумал, что в ящике могло быть что-то еще. Письмо, например.

- Куда ты? – крикнула Сара и вцепилась в меня руками.

- Там должно быть что-то еще!

Я разгреб вату и достал с фанерного дня синий конверт без марки и адреса. Свое злодейство они, конечно же, сопроводили комментариями. Сара молча придвинула ко мне подсвечник с четырьмя свечами. Она была бледна, как привидение. Как же тогда должен был выглядеть я?

Я вскрыл конверт. Текст был написан тем же четким почерком, что и адрес на посылке.

- Мне они никогда не присылали писем, - сказала Сара.

- Слушай! – прервал я ее и стал читать медленно, по слогам, как первоклассник.

«Достопочтенный молодой человек Аугуст Ньюлик!

Надеюсь, к тому моменту, когда ты найдешь и прочитаешь это письмо, посылка произведет на тебя должное впечатление. Не сваяй дурака и не помри от разрыва сердца. Мне было бы тяжело лишиться возможности перерезать тебе вену и ли разможжить голову плотницким молотком. Ведь во мне горит желание поместить тебя в такой же прозрачный непроницаемый сосуд, в каком хранится головка твоей матери. Оцени мою услугу: далеко не у всех людей есть такая замечательная память о любимом человеке. Я все-таки джентльмен и не стал тебе посылать дурно пахнущие внутренности. Я скормил их свиньям. Должно быть, ты вздрогнул, получив мою посылку, и пустил слезу. Ты мучаешься. Ты дрожишь. Ты не находишь себе места! Что ж, судьба твоей матери – это пролог твоей судьбы. Печально, что твоя жизнь потечет теперь по другому руслу, но это продлится недолго. Главное, не помышляй о самоубийстве. Это недостойно христианина. Мысль о том, что твоя смерть будет встречена мною с чувством глубокого удовлетворения, должна уберечь тебя от самоубийства.

Сообщаю некоторые подробности, которые позволят тебе правильно представить случившееся. На ужине в ресторане отеля твоя мать выкушала немного снотворного и вскоре заснула и стала совершенно ручной. С ней можно было делать все, что угодно. Я сделал надрезы на теле, чтобы показалась кровь. Я не могу без крови! Потом я раздел ее. Ничего особенного! Она оказалась сухой и плоской, как доска. Настоящий мужчина прогнал бы ее из своей постели. Я не удивился, что твой отец в свое время поступил именно так. Но я снизошел до нее и в меру своего темперамента поиграл с ней в любовь. В любовь без взаимности, но это не имеет значения. И все же у тебя после этого мог бы появиться братик или сестра, если бы я ее отпустил. Но я не стал этого делать. Я вскрыл ей вену. Кровь была так ароматна, так пахла жизнью, что я приложился к вене с таким же нетерпением, с каким минутой раньше приложился к ее телу. О, как она вкусна, человеческая кровь! Как красиво она сочится из раны! Жаль, что я позволил твоей матери заснуть, и она ничего не почувствовала. Она не страдала. А что еще дает человеку такое же наслаждение, как созерцание страдания ближнего?

Вылив из этой женщины кровь и превратив ее в труп, я произвел полное вскрытие. Внутри у нее было довольно пусто, если не считать моей свежей спермы. Твоя мать ничем не блистала. Она умерла, как мышь, - бледно и без сопротивления. Она умерла, чтобы доставить мне радость. Теперь ты созерцаешь ее заспиртованную головку. Надеюсь, у тебя нет претензий к упаковке? Она куда красивее содержимого. Не забудь, что для тебя тоже приготовлен аквариум. Представляю, как ты воспринял эту посылку. Были слезы, рыдания чередовались с обмороками и истериками. Ты уже не станешь отрицать, что живешь сейчас полноценной жизнью. Не станешь отрицать, что никакая любовь не разбудит такую бездну чувств. Прошу еще раз: не свихнись от избытка переживаний. Падай в обморок, теряй сознание сколько угодно раз, но не сдвинься по фазе, не сдохни преждевременно!

У тебя еще есть время, чтобы поразмышлять о загробной жизни. Ночь лучше всего подходит для этого занятия. Потусторонняя жизнь стоит того, чтобы напрячь воображение!

Привет от меня ты уже получил. Я постоянно думаю о тебе. До скорой встречи!

Подпись отсутствовала. Было проставлено: «Аноним», но зачеркнуто. Странно, но это предельно насыщенное мерзостями письмо не усилило моей ненависти. То, что достигает максимума, не может больше расти в размерах. Ненависть и жажда мщения достигли своего пика. Но сообщение о паскудном надругательстве подействовало. Ненависть стала разливаться вширь, заполняя все мое существо.

Я сидел, схватившись за виски, и ни о чем не думал. Мой мозг атрофировался.

- Теперь я знаю, почему они не женаты! Они оскверняют трупы! – сказала Сара. – Аугуст, мне страшно быть с ними под одной крышей. Я чем-нибудь выдам себя!

- Ты должна сжаться в комок, но выстоять, - сказал я тихо и властно. – Твоего отца постигла судьба моей матери. Это ясно, как дважды два – четыре!

Она не ответила, но по ее лицу пробежала дрожь отвращения.

- Мы покончим с ними очень скоро. Теперь уже им не дано жить долго. Я придумаю, как это осуществить. Наша месть будет полной-полной.

- Потом мы уедем отсюда!

- Потом мы уедем, - машинально повторил я вслед за ней. Мне было совершенно все равно, что будет потом. Какое-то время мы сидели в полном молчании. Слезы у меня кончились скоро. Их просто не стало. Я сидел и вспоминал мать. Как мне было хорошо с ней! Это успокаивало. Сара нежно гладила мне руки. Ее душевное тепло спасало мой рассудок от помутнения. Что было бы со мной, если бы я вскрыл посылку в ее отсутствие? Когда воспоминания о матери перестали распадаться на отдельные картины, я приказал себе думать в другом направлении. Стал разрабатывать план мести, как генштабист разрабатывает план военной операции. Мой план не должен был содержать элементов риска. Жажда мести была так велика, что я не простил бы себе ни малейшей ошибки. Убийство из-за угла я отверг сразу. Лайоны должны были погибнуть вместе и на глазах друг друга. И, конечно, на моих глазах. По той же причине я отверг взрыв мины и отравление. Отравительницей могла стать только Сара, а я хотел, чтобы месть была осуществлена моими руками. Меня все больше привлекало их подземелье. Вот они входят в него втроем, дверь закрывается, и...

Я знал почти наверное, что у подземелья только два выхода – подвал и берег Джуна. Оба кончались вмурованными в бетон стальными дверями. Но я должен был знать об этом совершенно точно. У Лайонов не должно остаться шансов на спасение. Ни одного!

- Тебе надо поспать, - сказала Сара. О том, что поспать надо и ей, она не подумала. Было три часа ночи. Посылку на почте я получил в пять часов вечера.

Я ничего не ответил и продолжал сидеть.

- Ты можешь думать лежа. Ложись и думай!

Я лег. Она не задула свечи - не хотела призраков, которыми могла наполниться темнота. Положила руку мне на грудь, и вскоре я забылся. Но и во сне я разрабатывал ловушку, из которой не было выхода. Запирал двери, в нее ведущие, и оставлял тех, кто в ней находился, в замкнутом пространстве – наедине с собой, но без воды и пищи. И смотрел, как они грызутся перед тем, чтобы затихнуть навсегда.

Глава 18

Я встал в шесть утра. Встал одетым, хотя помнил, что ночью Сара раздела меня. Когда же я оделся? Я не помнил, спал ли я. Кажется, спал - моментами, по несколько минут, в перерывы между спазмами горя. Просыпался от незримого соседства чего-то мерзкого и замирал в холодном поту. Свечи догорали, Сары рядом со мной уже не было. Холодный пот высыхал, и я сосредотачивался на мести. Это было единственное, что меня занимало. К утру план уже был у меня. Возвращайтесь, Лайоны, и поскорее!

Я встал и зашатался, – закружилась голова. Пришлось напрячь волю, чтобы не упасть на пол. Головокружение прекратилось, и я подошел к посылке и извлек сосуд с головой матери. Сказал голове: «Доброе утро, мама!» И поцеловал холодное стекло в том месте, к которому прикасался ее лоб, пронизанный двумя

печальными складками. Голова была отсечена от туловища тяжелым острым предметом, скорее всего, топором для разделки мяса. Обрубок шеи сморщился и походил на рубцующуюся рану.

Почувствовал взгляд в спину, я обернулся. Сара стояла сзади, на ней была белая ночная сорочка.

- Доброе утро, Аугуст! – приветствовала она меня с особенной мягкостью.

- Какое недоброе у нас утро, Сара. Их еще нет? Пожалуйста, иди наверх. Сюда спускайся не более чем на минуту. Они вот-вот пожалуют в свой дом.

Она оделась, коснулась меня рукой, взяла огарок свечи и пошла к выходу. Желтый огонек тускнел и тускнел, пока не померк окончательно. Я еще раз посмотрел на сосуд с головой матери. Там, куда приникли мои губы, остался потный ободок. Голова матери не реагировала на мой поцелуй. Я еще не смирился с тем, что у меня нет матери. Плохо понимал, как это ее может не быть? Только время должно было убедить меня в этом. Почему я так редко целовал мать, когда она была живая? Только в дни рождения и тогда, когда она баловала меня подарками. Но мы были очень близки, и она часто спрашивала у меня совета по вопросам, о которых я не имел ни малейшего представления. В таких случаях я говорил: «Мама, спроси у энциклопедии!» Память возвращала теперь мне эти дорогие картины. Ни одной из них не суждено было повториться. Все это прошло и осталось во дне вчерашнем. И еще – в моей памяти!

- Мама, ты будешь присутствовать при их последнем часе, - сказал я голове матери. – Ты тоже будешь им судьей!

Я кричал, у меня вздулись вены на шее. Отраженный и видоизмененный, мой голос возвратился ко мне гулким эхом. Словно откуда-то свыше мне приказывал отомстить другой человек, грозный и волевой, которому нельзя не подчиниться. Возможно, мой двойник, о существовании которого я и не знал. Вот он, мой двойник! Желтый колеблющийся свет, трепещущие тени и полное безмолвие подземелья.

Ко мне приближалась Сара.

- Ты напугал меня своим криком, - сказала она. – Их пока нет.

- А если они не приедут? – спросил я.

- Приедут. Они никогда не отсутствовали так долго. Второго подземелья у них нет, а оно для них – самое дорогое.

Ее довод нельзя было опровергнуть.

- Я сварю тебе кофе. И пойду сейчас с тобой. Я помогу тебе!

- Ты должна быть наверху и ждать Лайонов. И улыбаться им. Непременно улыбаться! Так надо!

Она надула губки, но промолчала. То есть, была согласна сделать то, о чем я попросил. Она покорила меня уступчивостью там, где ничего не добились бы упрямством.

В тайник Лайонов я вошел без Сары. Я еще расширил проход, и по нему стало можно передвигаться на четвереньках. Далее шло естественное расширение, и я отложил ломик в сторону. Тайник ждал меня. Я не вскрикнул, не всплеснул руками, но остановился и перевел дыхание. В этой пещере все указывало на то, что здесь часто бывали люди. На полу валялись окурки, в углу – пустые консервные банки. Следы уводили вглубь. Я подумал, что надо замаскировать лаз. На своде были видны следы ломака, а Лайоны его не расширяли. И они вполне могли обратить на это внимание. И тут я вспомнил, что у них нет всевидящего «Соглядатая», а без него они едва ли обратят внимание на темное пятно лаза. Ведь они им никогда не пользовались. Они увидели, что он быстро сужается, и забыли о нем.

Я шел вперед с гулко стучащим сердцем. Через двадцать метров уперся в пещеру, которая шла перпендикулярно. Я быстро сориентировался: эта пещера соединяла дом Лайонов с Джуном. Ого! По стене был проложен электрический кабель. Через пять метров – лампочки. В местах сужения пещера была аккуратно подрублена и превращена в правильный туннель. Лайоны неплохо поработали над обустройством своего тайника. Посередине пещеры шла бетонная дорожка метровой ширины. В одном месте, где естественный свод грозил обвалом, он был подперт сводом из кирпича.

Азарт охотника охватил меня. Вот оно, логово матерого зверя! Скорее, скорее! Я повернул направо и дошел до двери, ведущей в подвал. Даже через прибор, не обладающий свойством рентгеновского аппарата, угадывалась массивность двери и прочность бетонной обоймы, в которую она была вмурована. Дверь запирали сложные запоры. К ней вели двенадцать бетонных ступенек. Пробивать лаз наверх в обход лестницы и запорной двери, было бы и долго, и изнурительно. Я постоял перед дверью. В тайнике пока не увидел ничего таинственного. Ну, проведено электричество, ну, бетонная дорожка. Конечно, гангстеры и фальшивомонетчики не могли мечтать о лучшем убежище. Здесь могло укрыться сколько угодно человек.

«Осторожно! – сказал я себе. – Будь внимательнее! Том Лайон изобретателен на всякого рода сюрпризы!»

Я не стал трогать дверь. Я знал, что за ней подвал, и в этой части мое любопытство было удовлетворено. Дверь обрамлял металлический костяк из толстого швеллера, в свою очередь вмурованный в бетон. Толкнувшись в нее, полиция должна была обратиться к помощи автогенного резака, а в это время братья ушли бы по Джуно. Есть ли отсюда четвертый выход, кроме известных мне трех?

Я повернул назад. Теперь мое внимание было обращено на боковые стены. Мне очень хотелось, чтобы подземелье Лайонов было отдельной, изолированной ветвью пещерного лабиринта. Моя месть строилась именно на этом предположении. Подземелье нигде не разветвлялось, и воздух в нем был застойный, старый, с примесью какой-то кислой химии. Возвращаясь назад, я миновал свой лаз и направился дальше. Не заметил ни одного ответвления в сторону. Я уже был где-то посередине подземелья, но не нашел никакой тайны. Но бетонная дорожка с пологим уклоном к Джану вела дальше. Пещера имела примерно три метра в ширину и столько же в высоту. Местами были другие пропорции. И вдруг лессовая стена пещеры по правую руку сменилась кирпичной, неоштукатуренной. В стене была дверь, закрытая на обыкновенную щеколду. Не на замок – на щеколду! Я захотел открыть ее, но удержался от соблазна. Сначала дойду до стальной двери, которая выводит прямо к Джуну. Сначала осмотрю все подземелье и только потом открою эту дверь.

Стена продолжалась, и я обнаружил в ней вторую дверь. Я откинул щеколду. В тишине уснувшего мира прозвучал резкий щелчок. Там, наверху, тишина никогда не бывает полной. Незаметные звуки наверху рождаются почти непрерывно. То что-нибудь прошепчет ветер, то вдали проснется и заскулит собака. А тишина под землей была совершенной. Ее не нарушал ни единый звук, близкий или далекий. Это была идеальная тишина, и человек терялся в ней и тосковал. Я потянул дверь на себя, и она подалась со скрипом. Входить или нет? Я не стал мучить себя сомнением, а пошел, как наметил, дальше. Сначала надо иметь полное представление о целом, детали от меня не уйдут. Еще через пять метров вправо отходила третья дверь, а затем и четвертая. Далее кирпичная стена обрывалась. Значит, у каждого из братьев была своя комната, а в ней – свои реликвии. Очень симптоматично!

Я быстро прошел в конец пещеры и уперся в стальную дверь, вмурованную в бетон. Она ничем не отличалась от двери, ведущей в подвал дома Лайонов. Теперь я имел представление обо всем подземелье, – оно нигде не разветвлялось, за исключением того места, где вчера я расширил проход. Я понял, что Лайонам были известны только два выхода, и оба их они оборудовали прочнейшими стальными дверьми. Итак, это был не лабиринт! Что ж, здесь и будет фамильный склеп Лайонов! Повернув назад, я не вошел ни в одну из четырех дверей в кирпичной стене. Я решил, что должен сделать это вместе с Сарой. Она ждала меня, сидя против головы моей матери. «Как ты?» – Она бросилась ко мне и обвила руками мою шею. Это была осознанная попытка вернуть жизни ее яркие краски. У меня на глазах навернулись слезы.

- Нашел! – объявил я. – Теперь они в наших руках. Их все еще нет?

Лайоны еще не возвратились в свой дом.

- Я переволновалась, и у меня пусто в груди, - сказала Сара. – Скорее бы все кончилось!

- Они умрут в своем подземелье, - сказал я.

- Как я могла жить с ними? Быть рядом и так мало видеть? Ничего не знать?

Ее нервы тоже не выдерживали, она была на грани истерики.

- Держись! – сказал я. – Бери себя в руки и крепись. Сейчас нам все станет ясно.

Она кивнула, и это медленное, машинальное движение сказало мне, как ей тяжело. Сегодня ей было тяжелее, чем мне, а вчера было наоборот. Заспиртованная человеческая голова могла лишиться рассудка кого угодно. Она надела брюки и спросила: «Мне взять фонарик?»

- Мы оба возьмем фонарики. – Я подумал, что если Сара одна будет пользоваться фонариком, то его свет будет слишком резок для «Соглядатая». От свечей мог остаться запах стеарина, и Лайоны сразу заподозрят, что их тайник раскрыт. И все же я взял прибор с собой – на случай, если Лайоны вернутся и войдут сюда. Тогда мы сразу будем вынуждены погасить свои фонарики.

- Ты боишься? – спросил я. – Там не должно быть ничего страшнее этого! – И я показал на стеклянный сосуд.

- Пошли, мне уже не страшно.

Я заткнул за пояс топорик, ружье повесил на плечо, и мы пошли. Прямо, потом направо. Потом вниз, в колодец, где веревка была заменена веревочной лестницей. Колодец казался в несколько раз глубже, чем был на самом деле. Сара не отставала от меня ни на шаг. В ее стремлении держаться как можно ближе я угадывал страх. Страх не был следствием воздействия темноты. Сара ожидала увидеть что-то ужасное.

- Как здесь тихо! Никогда не отважилась бы ходить здесь одна. Я боюсь такой абсолютной тишины. Нам еще долго идти?

Мы повернули налево, потом направо. Я чувствовал дыхание Сары своим затылком. Ей казалось, что мы идем очень долго. На самом деле, мы прошли метров сто, когда встали на бетонную дорожку Лайонов.

- Это здесь? – спросила Сара и теснее прижалась ко мне.

- Здесь, здесь!

Она шарила по стенам и сводам круглым лучом фонарика, и в ее больших глазах теперь было больше страха. Но этот страх еще можно было подавить усилием воли.

- Лампочки! Можно зажечь свет!

- Не надо. Будем как можно незаметнее. Запомни: здесь ничего нельзя трогать.

Света фонарика было для Сары мало. Ей хотелось яркого, почти дневного света, исключаяющего всякое соседство темноты. Я подумал, что «Соглядатай» куда удобнее фонарика.

- Какие высокие своды! – прошептала Сара. Она направила луч вертикально вверх, и он утонул в сером лессовом грунте. – Здесь жутко. Я еще не увидела ничего страшного, но мне жутко.

Она заражала меня своим страхом. Оказывается, это очень просто – поселить страх в здоровом человеке. Страх – всего лишь реакция нормальной психики на близкую опасность. Или на потенциальную опасность. «Не бойся!» - скомандовал я и взял ее за руку. У нее была холодная рука. Я уловил дрожь и сжал ее локоть. «Сейчас я все узнаю о своем отце!» – прошептала она. И как только она упомянула об отце, она перестала бояться. Ее ладонь мгновенно сжала мою, и она увлекла меня вперед с силой и решимостью, которой я от нее не ожидал. Наши шаги нарушили первозданную тишину подземелья. Нас Лайоны тоже собирались поместить в стеклянные сосуды. После истязаний и надругательства над нашими телами. С каким наслаждением, с каким вкусом один из них описал то, что они проделали с телом матери!

Глава 19

- Тайна за этими дверями, - сказал я. – Здесь только наружные засовы. Четыре двери для четырех братьев.

Я подумал, готова ли она к тому, что сейчас увидит. А я? Сброшена щеколда засова с первой двери. Металл шелкнул холодно и громко. Я нарочно не направил луч фонарика вглубь помещения, – сначала надо было переступить порог. Мы вошли. У меня было такое чувство, словно мы входили в склеп. Острее запахло химией. Сара повела лучом по сторонам. Фонарик выпал из ее руки, ее пальцы впились мне в плечо. Она была близка к обмороку. Вдоль стен на стеллажах стояли ящики-аквариумы с заспиртованными человеческими телами и частями тел. Одни аквариумы. Аквариумы от пола до свода. Большие и маленькие, они были заполнены останками людей, умерщвленных Лайонами.

- Будь же сильной! – сказал я.

Она задыхалась от спазм удушья. Сесть было не на что, и я посадил ее на пол и стал хлопать ладонями по ее щекам. У нее были увядшие глаза, как у смертельно больного человека. Во мне же все кипело от ненависти. Я шагнул к стеллажу.

- Не отходи от меня. Я сейчас встану, вот увидишь!

Наступила моя очередь беспокоиться за ее психику. «Пошли отсюда!» – потребовал я. Она не запротестовала. Теперь уже не имело значения, в каком из стеклянных ящиков покоилось тело ее отца. Она покорно поднялась и пошла к двери. В ней проснулся и заговорил инстинкт самосохранения. Он подсказал ей, что надо уйти. Я вывел ее в сад и оставил на свежем воздухе, а когда она пришла в себя, проводил в дом и заставил выпить валерианки. И строго-настрого наказал быть готовой к возвращению Лайонов. Иначе ее отец и моя мать не будут отомщены, а мы сами окажемся в аквариумах.

- Ты сможешь встретить их так, как будто ничего не видела и ничего не знаешь? – спросил я.

- Смогу! – пообещала она, но в ее голосе не было уверенности. Я поцеловал ее, и она нехотя выпустила мою руку. Как будто нам предстояло расстаться больше, чем на несколько часов. – Я люблю тебя! Пусть это тебе поможет! – сказал я. И вот я один в черном зеве пещеры. Полуденное солнце на минуту улыбнулось мне, и я снова погрузился в темноту. Сколько же я не был наверху, на солнце? Каких-то двое суток. Но эти двое суток сделали меня глубоким стариком. Такими они были протяженными, и страшными, и гнетущими. Они перевернули мир, в котором я жил. Теперь я был старше моей покойной матери. Как, все-таки, светло там, наверху! Там можно жить. А здесь, под толщей земли, нельзя жить. Здесь в тайных комнатах стоят аквариумы. Увидеть их оказалось не по силам Саре. Я подумал, что кто-то коллекционирует марки, кто-то – предметы старины глубокой, а эти выродки и отморозки коллекционировали человеческие тела. Это болезнь, Лайоны пришли в этот мир с задатками садистов. У всех четверых – одна и та же страшная наследственность.

Спрашивая себя, я не пытался ответить. Я не нуждался в ответе. В голове моей были боль и столпотворение. Законсервированные тела доставляли Лайонам наслаждение более сильное, чем обладание женщиной. А у этих Лайонов была сестра, которую я любил. И вот я вдруг очутился в кошмарном водовороте, который не отпустит меня, пока я не сделаю того-то, того-то и того-то. Была ли у меня когда-нибудь другая жизнь? Любящая мать? Кажется, все это действительно было, все это не плод больного воображения. Почему же тогда над всем этим так страшно надругались?

Дойдя до своего подземного лагеря, я сел на всклокоченную кровать. Потухший взор матери был устремлен мимо меня. Я водрузил на голову «Соглядатай» и оставил фонарик. Мне надо было видеть и оставаться невидимым. Ружье я тоже не взял с собой. Я снова пошел в подземелье Лайонов. Меня пошатывало, кружилась голова. Тяжесть свалившегося на меня несчастья не позволяла распрямиться и дышать полной грудью. Но мне надо было обследовать каждую комнату Лайонов, хотя я уже знал, что все они похожи одна на другую. Вот она, первая комната. Семь целых тел. Шесть голов. Два обезглавленных туловища. Аквариумы с руками и

ногами. Гнилой, пропитанный формалином и никогда не проветриваемый воздух. Голова закружилась сильнее, и я сел на пол. Головокружение сопровождалось галлюцинациями. Это длилось долго, и я терпеливо ждал прояснения сознания. Надрывно ныло сердце.

Когда мне стало лучше, я поднялся и подошел к первому аквариуму. Заключенная в нем женщина лежала на левом боку, лицом ко мне. Под ее голову была подsunута подушечка. Можно было подумать, что она безмятежно дремлет. Она действительно спала беспробудно, - она была мертва. Лицо ее не было повреждено. Точеная шея переходила в хрупкие плечи. Наверное, ее, красивую и молодую, любили. Но человек, любивший ее, никогда не увидит ее лежащей в аквариуме. Причиной ее смерти была зияющая рана в груди. Ее просто зарезали. Зарезали, когда она улыбалась и не ждала беды. Нож вошел в сердце, и она опустилась на землю. Лайоны не увидели ее конвульсий. Она затихла сразу и поэтому улыбалась и после своей смерти. Один из Лайонов прикинулся влюбленным, и она оказалась в западне. Такая роль была по плечу Жолу. Рези на это не пошел бы, а Тому и полицейскому нечего было надеяться на благосклонность непродажной женщины. Жоль, наверное, надругался над ней дважды, и над живой, и над мертвой. Смердящий человек!

Я подумал, что все эти годы Сара ходила по краю пропасти. Потом они объявили бы властям, что их сестра сбежала с каким-то парнем. Они, конечно, могут убить Сару по возвращении домой, но моя месть настигнет их раньше. Они уже не успеют. А если? В хватке и хитрости им не отказать. Лишь на мне они споткнулись, и то потому, что подослали ко мне Рези. А Рези не хотел убивать. На подоконнике он замешкался, а я – нет. Я еще раз посмотрел на молодую женщину. Рана под левой грудью имела форму лезвия. Ее не вскрывали, в ее внутренностях не копались. Лайоны наслаждались только ее агонией и ее кровью. И ее мертвым телом, если этим можно наслаждаться. Эта женщина не корчилась в предсмертных конвульсиях. Смерть ее была мгновенной и не погасила ее улыбку. «Мара Беккер, - прочитал я приклеенную к аквариуму табличку. – Девушка, семнадцать лет». Я напряг память. Лет пять назад газеты Панчимона взхлеб кричали об исчезновении красавицы Мары Беккер. Я тогда увлеклся комиксами и потому запомнил этот факт. Ее, конечно, не нашли, а я воображал себя сыщиком, который освобождал Мару из лап гангстеров и возвращал родителям. И рисовал себе благодарность Мары, которая в разных вариантах обретала одну и ту же форму – благосклонности. И так, при жизни она не успела стать женщиной. А потом ее поместили в формалин.

Я сделал три шага вправо. В стеклянном кубике покоилась голова пожилого мужчины. На морщинистом лице старика застыла саркастическая усмешка. Он смеялся в лицо убийцам, не зная, что его сейчас убьют. Но его убили ударом кастета в висок. Отчетливо проступали острые белые края раздробленной кости. Возможно, старик был пьян и лежал под забором, и они умертвили его, убедившись, что рядом никого нет. А как они поступили с телом? Имени старика они не знали, иначе здесь тоже была бы табличка. «Коллекция смертей – коллекция трагедий», - подумал я. Последней в этой коллекции была моя мать. Или уже не последней? Они ведь не могут без крови. Без крови они становятся голодные и задыхаются, как без пищи и воздуха. Самой желанной добычей для них по-прежнему был я. Опять все поплыло, и я сел. Я говорил себе, что слабость непростительна, но силы не возвращались. Тогда я стал осматривать аквариум сидя. В следующем аквариуме была рука, отсеченная по плечу, с двумя большими язвами. В четвертом лежал крупный мужчина с тусклым, не запоминающимся лицом. Его так изрезали, что нельзя было определить, какая из ран оказалась смертельной. Из вспоротого живота вывалились внутренности. Я не знал, что кишки человека обволакивает жир, по виду напоминающий макароны. Толстяка распотрошили, как свинью в лавке мясника. «Пиджи Фридман, бизнесмен», - прочитал я. Его смерть не имела никакого отношения к бизнесу. Я не помнил, чтобы газеты писали об исчезновении этого человека. Лайоны могли прикончить его в другом городе.

Далее стояли две заспиртованные головы, мужская и женская. Лицо женщины передавало ужас. Синий рот был приоткрыт, как в погоне за последним глотком воздуха, ноздри расширены. Она встретила смерть негодующим криком. Ее мучили, истязали, насильовали. Ее мучили до изнеможения, а потом убили. Глаза мужской головы были закрыты. Я не стал смотреть, есть ли рана на голове. К черту подробности, от которых тошнит! Следующим был Отто Бахнер. Я напряг память и вспомнил, что так звали парня, который встречался с Сарой. Ревности я не почувствовал, только сожаление. Ухаживая за Сарой, он не предполагал, что попадет в аквариум. Опять смерть от удара по голове! Лайонам нравились размозженные головы. Недаром им понравилась рана, нанесенная Рези. Они разделались с Отто в каком-нибудь темном переулке. Подкрались сзади, ударили, сунули в багажник – и концы в воду. Бедный немец! Произвел ли бы он впечатление на Сару, если бы не смерть? У него было привлекательное лицо. Маленькие черные усики. Немец – и черные усики. Рыжие – это было бы понятно. Наверное, он мог понравиться Саре. Ведь ей так хотелось иметь друга!

Отто уже никогда не сообщит, как это произошло. Он вообще ничего не сообщит. Он лежал на спине, и левый его глаз был открыт сильнее, чем правый. Левый глаз словно подсматривал и запоминал, полный неприязни и сарказма. Я вновь выдал в адрес Лайонов очередное проклятие. Я должен был отомстить еще и за Отто, за этого несчастного парня, который никому не сделал ничего плохого.

В соседнем стеклянном ящике лежал смуглый мужчина, щедущий, явно не способный на физическое сопротивление. Какой-нибудь деградировавший интеллигент, сокративший свои потребности до рамок своей

специальности. И Лайонам было просто выследить его и поместить в один из своих аквариумов. В следующем сосуде лежала девочка пяти лет. Я представил, как ее мать рвала на себе волосы – когда перестала надеяться. Почему этот ребенок мертв, а не играет со сверстниками, не задает своим родителям тысячу наивных детских вопросов? Погодите же, изверги рода человеческого...

Вдруг мне показалось, что законсервированные трупы пришли в движение. Сначала протянула ко мне полные белые ручки девочка. Я отпрянул, но она продолжала тянуться ко мне, умоляя взять ее на руки и вывести на белый свет, к маме. Я понимал, что это наваждение и бред, но впечатление того, что трупы оживают, не проходило. Широко распахнул глаза Отто Бахнер. Его взгляд мне не понравился – он смотрел на меня, как на соперника. Он словно упрекал меня в том, что я воспользовался его смертью. Я в страхе заслонился руками. Как только я прикрыл лицо ладонями, со всех сторон на меня навалилась жуть. Трупы вышли из аквариумов и обступили меня плотным кольцом. Остро запахло мертвечиной. Я попятился к выходу, – и мне показалось, что меня не пускают! Я вскрикнул и отвел ладони от глаз. Мертвые покорно возвратились в свои прозрачные саркофаги. Отто Бахнер спрятал укоряющие глаза под длинными ресницами. Девочка сложила на груди полные белые ручки. Мертвые угомонились, и я шумно перевел дыхание. Вышел в коридор, чтобы на время избавиться от их душераздирающего присутствия. Трупы давили меня непосильной могильной тяжестью. Оказывается, я вспотел, когда мертвые поднялись из своих саркофагов. Прислонившись к стене, я медленно возвращался к норме. То, что я предполагал (а я не целиком соглашался со своим предположением!), подтвердилось полностью. Жизнь Лайонов была посвящена убиению людей и коллекционированию их тел. Лайоны были ненормальны в самом важном для человека, – в выборе цели жизни. То, чем они занимались, было следствием болезни, для них общей. Болезни, несомненно, наследственной, не приобретенной, лечению не подлежащей. От такой болезни излечивал только летальный исход.

Признаюсь, мне было неприятно квалифицировать поведение Лайонов, как психическую болезнь. Но этот вывод не уменьшил во мне жажду мести. От их болезни не было другого лекарства, кроме смерти. Что ж, нелюдям не место среди людей. Отдышавшись и подождав, пока обсохнет пот, я распахнул вторую дверь. В этой комнате было еще больше аквариумов. Стеллажи опоясывали комнату в три ряда и по всему периметру. И на всех полках аквариумы стояли плотно, вплитык один к другому. Я подумал, что это резиденция Тома, он был у Лайонов старшим. Меня уже не водило из стороны в сторону, даже не пошатывало. И я старался запомнить все это. На меня тупо смотрели блеклыми глазами мужчины и женщины всех возрастов. Раздробленные затылки чередовались с ножевыми ранами и синими лицами задушенных с вывалившимися языками. А некоторые тела не имели следов повреждений. «Отравлены или выкопаны из могил», – догадался я. Лайоны еще и оскверняли могилы! Мертвые, так плотно обступившие меня, казались призраками. Я уже насковозь пропитался жутью. Жуть пульсировала во мне вместе с кровью. Я медленно обходил стеллажи. «Берта Чоппи», – прочитал я на одном из ярлыков. Молодой певице прокололи стилетом грудь прямо против сердца. Я вспомнил, как популярна была Берта в нашем Панчимоне, какой у нее был проникновенный голос. Когда ее милое, озорное лицо появлялось на экранах телевизоров, мужчины привставали со своих кресел и принимались тереть ладонью ладонь. Эта Берта была очаровательным существом, и когда парень хотел сделать девушке комплимент, он говорил, что в ней есть что-то, роднящее ее с Бертой Чоппи. Потом певица – возбудительница грез исчезла, газеты захлебнулись в потоке догадок, куда она отбыла и почему перестала выступать, а потом оставили ее в покое. Смаковать больше было нечего. У Берты были античные пропорции и гордая улыбка, подчеркивавшая ее недостижимость.

Я остановился перед телом мужчины. Он был задушен, но не обезображен. Ему было около сорока. Собственно, в нем не было ничего такого, из-за чего следовало бы остановиться. Меня остановил инстинкт, толчок неожиданного любопытства. У мужчины вывалился язык и готовы были вылупиться глаза. И все-таки он не был безобразен.

Глава 20

На квадратике ватмана тушью было выведено: «Джек Кроль». И – никаких пояснений. За что они ненавидели своего отчима? Едва ли он знал об их страсти. Едва ли догадывался. Но при нем они не могли оборудовать свои тайники. «Об этом не надо говорить Саре, – подумал я. – Хватит с нее того, что она уже увидела. Если она узнает, что в одном из аквариумов лежит ее отец, она может потерять над собой контроль, броситься на Лайонов и погибнуть».

Джек Кроль даже в том страшном виде, который наложила на него смерть, показался мне человеком большой душевной теплоты. Сара переняла от отца все лучшее. Она любила его, а он любил ее. После утраты отца и матери она не одичала. И не огрубела, быстро взрослея. Свое «я» она сохранила в неприкосновенности. Я дотронулся ладонью до аквариума, в котором покоился Джек Кроль. Этот человек был мертв уже шесть лет. Или семь. Том сказал Саре, что ее отец утонул, а братья дружно поддакнули.

Джек Кроль был задушен арканом. На жилистой шее, наискось, шла вмятина от тонкой прочной веревки. Он лежал на песке, выйдя из реки, а Том подкрался сзади и накинул аркан. Он затягивал петлю и трепетал от

удовольствия. Другие Лайоны стояли рядом и млели. А Саре было сказано, что ее отца схватила судорога. Ей тогда было десять лет. Почему Джек женился на забитой женщине с четырьмя детьми, которые смотрели на него волчатами? Этому не знала даже Сара. Он, конечно, нашел в матери Сары что-то такое... Он словно споткнулся на бегу, таким ярким было озарение. Я попробовал представить себе Джека и его десятилетнюю дочь. Девочка походила на говорящую куклу. Мое представление было слишком далеко от жизни. Сара же была другая, такая, какой я ее полюбил. Семнадцатилетняя.

Я устал от этого зрелища и пошел к двери. Не стал считать аквариумы. Вновь накатился приступ удушья. Не тошнота подступила к горлу, а именно удушье. Словно воздух, которым я дышал, содержал отравляющие газы. Мертвые опять зашевелились, открыли глаза. Захотелось крикнуть, но я только с хрипом выдохнул воздух. И сел на землю, помня, что это помогает. Убитые смотрели сквозь меня. Я подождал, пока сердце перестанет частить, и еще некоторое время постоял в коридоре. Наверху, наверное, уже сгущались сумерки. Сара, должно быть, сидела в своей комнате. Едва ли она что-то делала. Ведь внутри нее все было растравлено до невозможности. Мне захотелось наверх, к ней, но рядом были двери, в которые я еще не заходил. А я не должен был пропустить ни одного помещения.

Я вошел в комнату Лайона-полицейского. Его коллекция была беднее коллекций Тома и Жоля. В аквариумах лежали старики и старухи. В них угадывались бывшие бродяги. Их никто никогда не искал по той простой причине, что мир давно позабыл об их существовании. Я устал и уже ничего не запоминал. Болело сердце. Если бы сейчас мне предстояло умереть, я бы, пожалуй, не сопротивлялся. Что, умереть? Только после Лайонов! Я уже знал, каким будет отмщение. Они приедут, и...

Четвертая комната была самой маленькой. Едва я вошел в нее, как уперся в длинный узкий стол, покрытый черной материей, которая спускалась до земли. На столе стоял аквариум. В нем мог лежать только один человек – Рези. Повинуясь неожиданному побуждению, я первым делом посмотрел не на лицо убитого мною человека, а зачем-то заглянул под стол. Там было пусто и достаточно просторно. Затем я перевел взгляд на законсервированное тело. У Рези были густые волосы, целая копна нечесаных черных волос. Лицо его выражало несогласие. Я обошел вокруг аквариума. Рана на затылке была страшной. Едва ли я ударил его так сильно. Наверное, он упал головой вниз и разможил затылок о бетонную отмостку. Братья пустили его вперед, потому что он один еще не убивал. Он был среди них белой вороной, и они долго и нудно втягивали его в свою среду. Но втянули, так что и к этому человеку я не испытывал жалости. Он был один из них, и стать другим ему было не суждено.

А двумя днями раньше я думал, что содрогнусь от раскаяния, если увижу Рези в стеклянном ящике. Ведь это я убил его. Нет, раскаяния не было. Сосуд с головой моей матери сделал меня не способным на раскаяние. И все же я приговорил бы их к смерти, даже если бы они не тронули мою мать. Ведь иначе они продолжали бы изводить людей. Я сказал себе, что Рези – тот же хищник, только еще не привыкший к запаху крови. Так сказать, не вошедший во вкус. Он и заспиртованный походил на зверя, убитого в момент прыжка. Если бы интуиция не разбудила меня в ту ночь, я лежал бы сейчас в этом сосуде, только не на столе, а на стеллаже. И на табличке было бы выведено: «Аугуст Ньулик, двадцать лет». Сара, однако, выделяла Рези. Он был внимателен к ней, и этого было достаточно для ответного расположения. Нет, у него была та же предрасположенность к садизму, только чуть-чуть недоразвитая. Одна наследственность – одни и те же низменные инстинкты.

До меня донесся шорох, похожий на быстрое движение людей спешащих и возбужденных. «Лайоны!» – догадался я и вздрогнул, как будто эта опасность была неожиданной. Резко повернулся к двери и увидел сквозь узкую щель, что в коридоре горит свет. Хорошо, что не я зажег его! «Они вернулись!» – подумал я, ликуя, и нырнул под черную материю, покрывавшую стол с саркофагом Рези. Сразу стало темно – «Соглядатай» плохо передавал черный цвет. Я почувствовал себя беспомощным, но страха не было. Лайоны если и войдут в эту комнату, то не станут заглядывать под стол. А заглянут – при мне мой топорик и моя решимость. Я угадал возбуждение братьев, которые спешили на свидание со своей коллекцией. Они, конечно, соскучились по своему тайнику. Так проголодавшиеся люди спешат к обеденному столу, давно для них накрытому. В их спешке было что-то плотоядное, шакалье.

Шум, вызываемый бегущими, усиливался. Я попытался вспомнить, плотно ли я прикрыл за собой все двери. Да, не только прикрыл, но и опустил щеколды, то есть не совершил ни одной оплошности. Звякнула первая щеколда, вторая, третья. Каждый из Лайонов ворвался в свою комнату, включил свет. Я слышал, как за перегородкой шумно переводил дыхание Рич. Дорвались, гады! Я прикусил губу. Если бы я наблюдал их пришествие не из комнаты Рези, а из своего лаза, я бы уже действовал. Все у меня было предусмотрено, все припасено. «Каково сейчас Саре?» – подумал я, и мне стало холодно-холодно. Встречая Лайонов, она знала, что я нахожусь в их тайнике. И ничем себя не выдала, ничего не позволила прочитать на своем лице. Каждый нерв ее напряжен сейчас предельно, каждая жилка пульсирует в унисон со мной. Наверное, она улыбалась им, изображала радость. Что-то им отвечала, спрашивала сама. Она уже прошла через испытание встречей и сейчас переживала за меня. Сара, я не подкачаю!

Установилась тишина, даже шаги полицейского превратились в тихий шорох, словно он не шел, а крался вдоль своих стеллажей. Его кошачьи движения не оставляли звуков. Братья молча наслаждались каждый своей коллекцией. В этом торжественном молчании были благоговение и азарт, и кипение страстей, которым не полагалось выплескиваться наружу. Я же со всех четырех сторон был окружен черной траурной тканью и ничего не видел. Пытался представить выражение их лиц и не мог. Я не мог представить их лица нежными, напоенными любовью, - а именно такими они и были в эту минуту!

Я сидел, согнувшись в три погибели, а это было не совсем удобно. Затекала спина, немели ноги. Тогда я лег, вытянувшись во весь рост. Лайоны целиком ушли в созерцание своих аквариумов. Жоль на цыпочках обходил свои экспонаты, и его улыбка не была ни безобразной, ни похотливой. Том смотрел на выпученные глаза Джека Кроля и испытывал блаженное состояние невесомости. Рич не сводил восторженных глаз с какого-то заспиртованного лица, сохранившего черты животного страха. Всех их поднимал и качал на своих зыбких волнах один и тот же наркотик – страсть к человеческим страданиям, доведенным до высшего предела. Как же овладела их сознанием и впиталась им в кровь эта необычная болезнь? Редчайшая болезнь? Такая же сильная и безжалостная, как мания преследования? Что ж, болеть им оставалось недолго.

Тишина держалась минут сорок. Потом Рич перестал красться от аквариума к аквариуму, его походка стала свободной. Из комнаты Тома донесся довольный свист. Все трое одновременно разрушили тишину, дав волю своим эмоциям. Рич замурлыкал какую-то песенку, отдающую кабацкой поножовщиной. Жоль загорланил про красотку, которую задушил ревнивый моряк. Хлопнула дверь, и голос Жоля заполнил коридор. Излечить их могла одна смерть, и она была близка к ним, как никогда.

- Не гундось! – крикнул ему Том, и Жоль перешел на мурлыканье. Он скользнул к Тому и какое-то время любовался его богатой коллекцией. Очевидно, они о чем-то разговаривали, но вполголоса. Рич перестал ходить, – он тоже прислушивался к разговору за перегородкой. Мне стало холодно, и я повернулся на бок. Зашуршала задетая материя. Звук показался мне достаточно громким, чтобы привлечь внимание. Я обругал себя за неосторожность: не доставало сбросить на пол аквариум с Рези. Тогда мне было бы не просто выпутаться из создавшегося положения. Но шорох, громкий вблизи, не выплеснулся за пределы комнаты. Поглощенный подслушиванием братьев, Рич не пошевелился. «Они бы уже были в западне, если бы я дежурил на своем посту», - опять подумал я, уже с негодованием. Злость просыпалась во мне – злость первой неудачи. Опять раздались шаги по коридору. Подземелье обладало великолепной акустикой, ловя и усиливая каждый звук. Жоль и Том направились в мою сторону, к Ричу или к Рези. Спокойствие! Пусть они мои заклятые враги – все равно спокойствие! В такой борьбе не победить без железной выдержки и четкой, сосредоточенной работы мозга.

Шаги застыли в комнате полицейского, и пару минут братья молчали. Очевидно, вошедшие рассматривали аквариумы Рича. Потом раздался звук, похожий на покрякивание. Так крикает пьяница, в охоточку хватив стакан водки. Жоль опять замурлыкал свою песенку, Рич – свою. Я вспомнил их наглые, самодовольные, сальные лица. «Все?» – спросил Рич. Наверное, он обращался к Тому, как к старшему – он заискивал перед ним.

- Все, все! Теперь – к Рези.

И вот шаги приближаются ко мне. Я сжался в тугой комок, готовый к прыжку, если в нем возникнет надобность. Вдруг холодная волна пробежала по моей спине: эта дверь не была закрыта на щеколду.

- Кто тыкался сюда? – спросил Том Жоля и Рича. Оба, должно быть, отрицательно замотали головами, но Том уже потянул дверь на себя, не обратив внимания на их протест. Он им просто не поверил. Мысль о постороннем, конечно, не могла прийти ему в голову. Шаги раздались у самой моей головы, и черная материя приняла новый оттенок: в комнате зажгли свет.

Глава 21

- Здравствуй, Рези! – сказал Том с пафосом, таким странным в этой затхлой комнате. – Молчишь? Ну и молчи, тебе теперь положено молчать. Этот мальчик крепко хватил тебя с перепугу. Жаль, что ты занял его место. Но мы ему приготовили такое же. Рядом с тобой, только рядом с тобой!

- Зато сынок получил в подарок головку и ручки своей мамашки, - сказал Рич. – Ты бы одобрил это, правда? Том у нас мыслитель: задумано – сделано!

- Лишь бы этот красавчик не свихнулся, – сказал Жоль. – Тогда нам будет неинтересно. Что за радость препарировать психа! Псих не умеет страдать, нам такого не надо!

- Нам такого не надо! – повторил за ним Рич.

Во мне все было сжато в комок – нервы и мышцы, и воля. Я был, как мина замедленного действия, ждущая команды по радио. Голова работала ясно-ясно. Я увидел сантиметрах в тридцати небольшое отверстие, наверное, проеденное молью или прожженное утюгом. Отверстие было желтое от проникающего в него света, и от него тянулась полоса светящихся пылинок. Мне надо было прикинуть глазом к этому отверстию, чтобы увидеть их лица. Чтобы запомнить их лица, когда они говорят обо мне и о моей матери. Чтобы запомнить их лица живыми, потому что скоро их скует холод смерти.

- Подарочек был от всей души! – опять ухмыльнулся Рич. – Стекланный кубик, а в нем... а в нем... Он мог отбросить копыта от разрыва сердца или, как это... от кровоизлияния в мозг!

- Дурак, - коротко изрек Том, и полицейский покорно закрыл свой рот.

Я продвинулся вперед на несколько сантиметров, и отверстие в материи стало вдвое ближе ко мне.

- Не надо называть меня дураком, - вдруг сказал Рич. – Мне не обидно, но это несправедливо. Я, конечно, не такой умный, как ты, зато я во всем тебе помогаю.

- Ладно, проехали! – пробурчал Том. – Я попросил тебя попридержать свои излияния. И только. Я ведь давно учу тебя, что лучше молчать, чем выдавать глупость за глупостью. У меня из головы не выходит этот мальчик. Он оказался фрукт, и какой! Дома не живет, ночует неизвестно где, но – в городе. Это, если хотите знать, опасно для нас. Он нас знает. Не хватает только, чтобы он знал о нас все.

- Понимаю, - сказал Жоль.

- Понимать надо, но еще лучше предвидеть. Повторяю: этот мальчик – фрукт. За посылкой сам приходил на почту, мне доложили. Знать бы, где он прячется и что у него на уме!

- Надо последить за Сарой, - сказал полицейский. – У них любовь, они должны встречаться.

- Проследим, это первое дело. Но они могут и не встречаться. Если бы они встречались, она бы знала о посылке. Ох, не надо, не надо было ее посылать! Это все ты, Жоль: пусть Ньюлик взвывается! Теперь ему ничего не стоит подстрелить одного из нас. А каково все время быть наготове?

«Сара, какая ты молодец! – чуть не крикнул я в порыве радости. – Ты втерла им очки, хотя тебя душили слезы. Ты выплачешься потом, когда все будет кончено».

- Он мог сбежать, ведь ему страшно. Хуже, если он задался целью отомстить. Если посылка в полиции, шарманка уже верится. Мы могли разбудить в нем плохие инстинкты.

«Неглупо, - отметил я. – Не лишено здравого смысла. Только благодаря тебе, Том, вы еще не вляпались! Но вы обречены, и жалко, что не знаете об этом. Вам не мешало бы почувствовать, что такое состояние обреченности!» - Я продвинулся еще чуть-чуть вперед и прикинул глазом к дырочке.

- Мыши здесь, что ли, шевелятся? – сказал полицейский. У него был нюх.

- Сам ты серая мышь, - отрезал Том. Он, видимо, недолюбливал Рича, когда-то претендовавшего на роль старшего. Хорошо, что шорох услышал только полицейский. В присутствии Тома он не решился проверить, что это зашуршало под столом. Ну, какого черта дернуло меня подползти к этой чертовой дырочке? Я видел в нее только кусочек стены, которую моментами заслоняли чьи-то ноги. Лиц-то я не видел! Я рисковал, и рисковал бесполезно.

- Что вы предлагаете? – спросил Том. – Помните, Рези все слышит, только не отвечает нам. Рези не нравится, что это дело так затянулось. Помните: этот мальчик должен лежать рядом с Рези. Если мы застукаем его вместе с Сарой, сюда переселится и Сара. Хотя, ей лучше жить, она – наша ширма.

- Давайте пошлем ему письмо от имени матери. Якобы, запоздалое, - предложил Рич.

- Мертвые писем не пишут, - отрезал Том. И встал так, что мне стало видно его лицо. Суровое, оно сосредоточивало в себе силу грубую и повелительную. Том думал, как лишить меня жизни, в то время когда я уже знал, как лишу жизни его. Я удивился его почти нормальному облику. Не ожидал увидеть мыслящего человека. А Том строил планы, сопоставлял варианты, но все его планы замыслили одно – как водрузить на стеллажи их подполья еще один аквариум с телом человека, которого он называл «Этот мальчик». Я видел в щелочку злодея, который убил мою мать, а до этого убил Джека Кроля. И я подавлял в себе желание вцепиться ему в горло, потому что ему была уготована другая месть.

- Какие еще будут предложения? Жду! – Том возвысил голос, требуя, чтобы братья проворнее шевелили своими извилинами. Но, видно, извилин у них было не так уж много, и они не привыкли их напрягать. Приказ не возымел действия.

- Слабаки! – бросил Том. Лицо его исказила пренебрежительная мимика, словно он хотел высморкаться, но не мог продуть нос. Потом оно снова стало строгим. Теперь это было лицо палача. «Вы потеряли меня, но я не потерял вас! – подумал я. – Том, будь ты хоть семи пядей во лбу, ты уже ничего не придумаешь. Ничего!»

- Хи-хи! – вдруг прыснул Рич, и этот плотоядный смешок прозвучал очень контрастно на фоне озабоченной физиономии Тома.

- Чего ржешь, дубина? – осердился Том.

- Хи-хи-хи! – опять прорвало полицейского. Он смеялся, как дегенерат. Том поднял на него злые глаза, но не сдвинулся с места. – Хи-хи! Я припомнил мамочку этого мальчика. Меня и Жоля она невзлюбила с первого взгляда, словно на нас было написано, кто мы такие. А ты, Том, догадался отрекомендоваться другом ее сына, ты нахваливал этого Аугуста, и она прямо таяла от усердия угодить тебе. Ты, Том, у нас главный думальщик, ты и думай. Ты разыщешь этого мальчика, а мы сделаем все остальное. Мы принесем его сюда.

- Помолчи! – сказал Том, багровея. – Рядом с тобой мне плохо думается. Узнай утром в полиции, не совался ли он туда. Мол, на моем участке гражданин такой-то не ночует дома, соседи давно не видели его и беспокоятся.

- Ладно, - сказал полицейский и ухмыльнулся, но негромко, чтобы лишний раз не раздражать старшего брата. – Я сделаю это через его соседей, чтобы не выдать свою заинтересованность.

Том отошел в сторону, и я уперся взглядом в белое пятно стены. Когда он полдня работал со мной электриком, он казался мне тупым и угрюмым. Догадался ли он, почему я проработал с ним только половину дня? Почему обвинил в намерении убить меня? Он приписал мой спонтанный поступок расшалившимся нервам и решил свалить меня, прислав голову матери. Я выстоял. Сейчас Том по-прежнему был угрюм, но не туп. Оказывается, он умел думать. Это удивило меня.

- Боюсь, что мальчик нас выследил, - повторил Том. – У меня плохое предчувствие.

Рич и Жоль промолчали. Жоль повернулся, и мне стала видна нижняя половина его лица. Массивная челюсть грубо переходила в припухлые угреватые щеки. Толстые губы слегка оттопыривались, обнажая желтые зубы. На шее двигался острый кадык.

- Раньше у тебя не было плохих предчувствий, - сказал Рич. – Мне тоже пару раз показалось, что на меня пристально смотрят из темноты. Это, знаете, неприятно.

- Этот мальчик – фрукт, - повторил Том. – Ускользнуть от нас! Я вот думаю... нельзя ли потянуть за язык Сару? Если у них любовь, она может знать про него. Рич, заведи-ка при ней разговор, что на вверенном тебе участке гражданин Аугуст Ньюлик перестал ночевать дома. Что о нем нет никаких сведений. И затем прямо спроси, не знает ли она что-нибудь об этом гражданине?

- Ладно, Том.

- Ты придай вопросу... форму раздумья. Слово ты у себя спрашиваешь, не у нее.

«Том не глуп, но он опоздал, - подумал я. – Том, твои указания были бы хороши, если бы я уже не держал вас за горло».

- Давайте отвлекусь на эту ночь и развлечемся, - сказал Жоль. – Я ездил в город и видел, как на кладбище повезли девочку. Шестнадцать лет, свежа, как ангел. Оказывается, ее дружок нежно посмотрел на ее подружку. А, может быть, и не только посмотрел. И она, став свидетелем продолжения, взяла и отомстила. По-своему!

Том заинтересовался. Его воображение переключилось на девочку, которую похоронили сегодня, и я был оставлен в покое. Я еще не понял, что предлагал Жоль.

- Ты проследил? – спросил Том.

- Я поехал, а на кладбище пошел за процессией. Там все перемешалось: слезы, цветы, пересуды, - как, что, почему. Я славно отдохнул. Надо чаще сопровождать усопших на кладбище.

- Так ей шестнадцать? Ты не напутал?

- Ты сможешь сам вычесть дату рождения из даты смерти. Через два года она бы свела с ума половину Панчимона, как та твоя красотка певичка Бетти.

- Выйдем в двенадцать. Надо встряхнуться. Пусть, Рич, тебе больше не кажется, что на тебя пристально смотрят из темноты. Кому ты нужен, чтобы смотреть на тебя, да еще пристально! Надо стряхнуть с себя недобрые предчувствия. Но помните, – это будет последнее развлечение перед тем, как мы вплотную займемся этим мальчиком. Мы и так упустили уйму времени.

- Первому она достанется мне! – сказал Жоль.

- Это решит жребий. Каждый берет свои инструменты. И никакой забывчивости! Пошли в дом!

Они раскопают могилу, догадался я. Потом они извлекут тело и осквернят его, а пустой гроб зарюют. Потом они перенесут тело в аквариум. Они еще и стервятники!

- Как она умерла? – вдруг спросил Том.

- Что-то выпила. То ли мышьяк, то ли стрихнин. Это ее законсервирует. Девочка без изъянов!

Рич заржал, и в комнате запахло, как от жеребца.

- Цыц! – прикрикнул Том, и полицейский булькнул раз по инерции и стих. Скрипнула дверь, звякнула щеколда, и шаги Лайонов вскоре замерли в отдалении. Погас свет. Я должен был идти за ними, чтобы помешать. Я дал им время удалиться и вылез из-под стола. Дернул за веревочку и приподнял щеколду. Скользнул в свой лаз с проворством змеи, и – бегом наверх. Отсюда до кладбища было недалеко, и я знал, что братья воспользуются тропинками вдоль Джуна. Машина могла бы привлечь внимание, да и ехать надо было в объезд.

- Аугуст! – окликнул меня взволнованный женский голос. И в следующее мгновение Сара обнимала и целовала меня, прижимаясь ко мне щекой, влажной от слез. Она спустилась в нашу пещеру, так как боялась за меня. Ее голос дрожал от плохо сдерживаемой радости.

- Ты молодец! – крикнул я и перешел на шепот. – Они сейчас пойдут на кладбище. Выкопают девочку, которую похоронили сегодня. Я хочу помешать, я бегу! А ты замечательно им улыбалась. Ты дала им

понять, что соскучилась. Они подумали, что мы уже не встречаемся и что ты не знаешь о посылке. Они будут следить за тобой. Но недолго! Завтра они уже ни за кем не смогут следить!

Сара ждала меня в объятиях и сразу отпустила. В ее глазах уже не было слез. Там была глубочайшая уверенность в том, что мы победим. Я погладил ее по голове, как маленькую, схватил спортивную сумку и помчался наверх. Задержка могла привести к тому, что я потеряю Лайонов. Тогда они беспрепятственно сделают свое дело. Кладбище было огромным городом мертвых на краю города живых. Я ведь не знал, где похоронена бедная самоубийца, и должен был двигаться следом за вандалами.

Глава 22

Я насобирав в спортивную сумку камней, удобных для метания, перелез через забор и выбрался на одну из тропинок, вьющихся вдоль Джуна. Подумал: «Их не прельщают живые женщины!» Лайоны вышли через подвал, но замешкались, разбирая заступы и прочий инвентарь. Вскоре я увидел три сгорбленные тени и последовал за ними. Азарт погони владел мною. Братья передвигались совершенно бесшумно, и даже мой изошренный слух не мог поймать ни одного звука. Их скольжение над земной поверхностью было бесплотным. Они сливались с ночью в одно нераздельное целое. Сказывалась, сказывалась богатейшая практика! О, как выручал меня «Соглядатай»! Я мог следовать за ними на расстоянии в тридцать метров и больше и не бояться потерять их. Они торопились. Взгляд мой упирался в их согбенные спины, и мне казалось, что я слышу их тяжелое дыхание.

Ночь стояла прохладная и довольно светлая. Невысоко над горизонтом плыл ущербный месяц. Света луны им было достаточно, чтобы различать дорогу. Они выработали в себе умение прекрасно ориентироваться ночью. И все-таки не видели меня. Я же благодаря своему хитрому прибору видел их как бы выхваченными из мрака лучом сильного прожектора, и мне было легко следовать за ними. До кладбища было километра три, и я подсчитал, что идти мы будем минут сорок. Мои шаги сливались с их шагами, и если я неосторожно задевал ветку, они не оборачивались. Их слух уступал зрению. Кроме того, они были возбуждены приближением близкого святотатства, и это лишало остроты их зрение и слух.

Жоль и полицейский несли заступы, а Том – бамбуковый шест и мешок. Мешок с телом они должны были привязать к шесту, водрузить на плечи и принести в свой тайник, а там уж предаться сладострастию. Они торопились. Они торопились, как нормальные парни торопятся к своим девушкам. Но они спешили к мертвой. Достигнув кладбищенской ограды, они проскользнули сквозь ее раздвинутые прутья и свернули на одну аллею, потом на вторую. Они скользили, как призраки в ночи. Им было совсем не страшно в этом большом городе мертвых, и мне – тоже, хотя я впервые оказался на кладбище ночью. Нас окружали тысячи могил и высокие, могучие деревья. Среди давних могил горкой свежих венков выделялась могила девочки-самоубийцы, облюбованная Лайонами. Жоль прекрасно здесь ориентировался и вывел братьев в нужную точку почти напрямую. Их фигуры распрямились, им здесь нравилось. Никто из них не произнес ни слова. Когда один из них оборачивался, я замирал за каким-нибудь обелиском, но успевал заметить на лице обернувшегося предвкушение близкого наслаждения.

Случайно я устремил взгляд вверх и вздрогнул от изумления: над кладбищем светился огромный огненно-рыжий крест. Это видение парализовало меня, показавшись мне нематериальным, потусторонним. Крест горел прямо на небе и был обрамлен звездами. Я не сразу сообразил, что это крест на церковном шпиле. Это дошло до меня после краткого, но очень глубокого изумления. За это время Лайоны прошли вперед. Они привыкли к этому пылающему кресту, как и к кладбищу; он не оказывал на них ни малейшего влияния. Возможно, я бы потерял их, но метрах в пятидесяти они остановились перед холмиком из цветов и венков. Я спрятался за надгробием неподалеку от могилы девочки. Было тихо и холодно – меня бил озноб. Кругом стояли деревья, и сквозь их черные кроны не проникала луна. Деревья заслонили и пылающий над церковью крест, так поразивший меня.

- Черт, темно-то как! – проронил Жоль.

Без «Соглядатая» я ничего не увидел бы и передвигался только ощупью. Они, все-таки, что-то различали, они были ночными людьми. Но и им потребовалось освещение. Том распорядился дать свет, и над могилой вспыхнул синий фонарик. Лайоны принялись за работу. Они работали со знанием дела, споро и в полном молчании. Аккуратно отложили в сторону венки и цветы, вонзили заступы в свежий могильный холмик, и холмик стал быстро уменьшаться, а рядом появился новый, быстро увеличиваясь. Озноб усилился, я уже дрожал всем телом. А Лайоны копали, комья земли ударялись друг о друга, увеличивая холмик рядом с могилой. Я ловил их похотливые улыбки. Они улыбались мертвой девочке, их души ликовали. Они уже протягивали к ней свои жадные руки. Я положил сумку с камнями на надгробие и сказал себе: «Пусть они докопают до гроба». Из глубокой могилы они не смогут выскочить сразу. Я буду бросать в них камень за камнем, как заведенный. Пусть они увидят во мне конкурента. Я отпугну их, и сюда они уже не вернуться. Подростком я любил бросать камни в цель, часами бомбардировал с высокого берега плывущие по Джуну пустые бутылки и пускал их ко дну, и этот навык должен был мне пригодиться.

Лайоны продолжали выбирать землю, и один из них скрылся в могиле по пояс. Я нашарил под ногами бордюры из булыжников и легко вынул несколько крупных камней, в добавление к имеющимся в сумке. Том светил сверху Ричу и Жолу, и синий свет фонарика придавал картине призрачность и потусторонность. Чей-то заступ ударился о крышку гроба.

- Тише! – сказал Том. – Будить крошку нам без надобности.

Лишенный суровости, его голос походил на воркование. Если бы Том Лайон не был моим заклятым врагом, и если бы дело происходило не на кладбище, мне бы понравился его голос. Теперь заступ снимал землю с крышки гроба. Вот все три фигуры скрылись в могиле – братья собирались извлечь гроб на поверхность. Должно быть, они подсовывали под него веревки, – каждый со своей стороны.

«Пора!» – сказал я себе и стал ожесточенно метать камни в головы и плечи Лайонов, торчащие из развороченного чрева могилы. Я забыл, что хотел сначала пронзительно засвистеть. Свист напугал бы их сильнее, чем шорох булыжников, скользящих над их головами. Свист мог привлечь внимание сторожа. Но свистеть я умел только при помощи двух пальцев, вставленных в рот, а, начав кидать камни, я уже не мог прерваться. Камни сыпались на разверстную могилу, как град. Камнепад в ночной тишине тоже подействовал. Казалось, все кладбище оживило и поднялось на осквернителей. Казалось, что мстили мертвые. Братья повыскакивали из могилы, и один из них вскрикнул от удара булыжником.

На меня двинулась фигура, прижатая к земле, решительная и бесстрашная. Это был Том. Он угадал, откуда летят камни, и первый понял, что надо делать. Он пошел на меня, сжимая в руках заступ с отполированным лезвием. Я что есть силы метнул в него камень, который поразил его в грудь, но он не упал и не покачнулся, а продолжал идти на меня, напряженившись для безжалостного прыжка. Он вытерпел удар, хотя, попади ему камень в голову, он бы свалился на землю. Я кинул в Тома последний камень, оказавшийся под рукой, и попал ему в ногу. Он споткнулся и припал на ушибленную ногу. Я не побоялся схватки лицом к лицу, но понял, что ее лучше избежать. Нельзя было раскрывать себя. Мой поступок уже казался мне мальчишеством, то есть грубейшей ошибкой. Месть должна была совершиться не здесь, не на кладбище. Разработанный мною план мести исключал случайности. Я бросился в кусты, попетлял – спасибо «Соглядатаю», не споткнулся ни об одно надгробие, и вскоре остановился. Погони не было. «Назад!» – приказал я себе, обогнул могилу самоубийцы по широкой дуге и вернулся к ней с другой стороны, прячась за обелиски. Лайоны ушли, могила осталась раскопанной, но не оскверненной. Даже в той спешке, с какой им пришлось отступить, они не забыли захватить с собой заступы и прочий свой инвентарь, на котором могли оказаться отпечатки пальцев. Том и в этой ситуации действовал четко и рассудительно.

«Ушли! – подумал я. – Сильно досталось им, или не очень? Они почти добрались до девочки, но тут на них обрушился град камней. Том живуч, как змея. Принял такой удар в грудь и даже не зажался. Теперь – вниз, на свой наблюдательный пункт! Пора!»

Я направился к решетчатой ограде кладбища напрямик, лавируя среди могил и памятников. Завтра, подумал я, здесь поднимется великий шум и гам. Полиция засуетится, пустит по следу собаку-ищейку. Только их ушлая собачка едва ли возьмет след. Между тем, кладбищенская тишина становилась гнетущей, и я невольно ускорил шаг, стремясь скорее выбраться за ограду. На некоторых обелисках были блики лунного света, оживляя золото надписей. Я часто оглядывался на крест, пылающий в ночи. По нему я сверял свое направление. Скорее отсюда! Ночное кладбище, его обжигающая, как мороз, тишина – не место для нормального человека. В город мертвых не приходят ночью. Скорее на свой пост, чтобы не прозевать возвращения Лайонов в свой тайник.

Гнетущая кладбищенская тишина становилась жутью. Казалось, после страшной посылки и стеллажей с аквариумами я уже ничего не должен бояться. Но я опять был во власти страха. Страх душил меня и подгонял. Я побежал. Страх удваивал мое стремление как можно быстрее избавиться от леденящего соседства могил и обелисков. Страх проник в кровь и мешал мне быть осторожным. Я забыл, что могу наткнуться на Лайонов. Кусты с хрустом смыкались за мной, ветви больно хлестали по лицу. Мертвые изгоняли меня со своей исконной территории. Наконец, я достиг ограды и одним махом перескочил через двухметровый забор. Повалился на траву и испытал великое облегчение. Крест, сияющий над церковью, уже не пугал, словно его власть не простиралась дальше кладбища. А луна поднялась над горизонтом, заметно округлилась и набрала силу. Ее свет, преломляясь в оптической системе «Соглядатая», больно резал глаза. Луна была яркой, как солнце, и печальной-печальной.

Отдышавшись, я побежал к дому Сары, чтобы быстрее занять последнюю позицию. Страх улетучился окончательно, словно его и не было. Я устал, но это было не тяжело. Усталость и страх – совсем разные вещи. Усталость успокаивала и расслабляла, и от нее клонило в сон. Нет, ни малейшей расслабленности! Только собранность, только воля, твердая, как сгусток! Как шаровая молния! Как рукоятка пистолета, снаряженная полной обоймой! Я уперся в забор Лайонов и увидел, что возвращение заняло у меня совсем мало времени. Подтянулся, соскочил на землю – и я в саду.

Окна дома черны и неприветливы. За одним из них пытается заснуть Сара. Если уже заснула, ее сон сопровождается кошмарами, и она вздрагивает, как от физической боли. Я запретил ей спускаться в пещеру до

осуществления плана, который вернет нас к нормальной жизни. Скорее вниз, в подземелье! И – караулить, ждать своего часа! Терпение и выдержка! Терпение и выдержка!

Глава 23

Я все же задремал и проснулся от резкой вспышки света. Когда в час ночи я добрался до расширенного мною лаза и занял свой наблюдательный пост, я понял, что засну, несмотря на все мои ухищрения не заснуть. Ведь я не спал уже двое суток. Но я задремал с включенным прибором, чтобы проснуться в тот самый момент, когда Лайоны зажгут свет. И вот этот момент наступил. Замысел себя оправдал. Лампочка засветилась и разбудила меня, а они только спускались по бетонным ступенькам. Им не удалось проскользнуть мимо меня до моего пробуждения! Где же они были все это время? Часы показывали четыре. Я уловил какую-то возню и потер себе виски, чтобы окончательно прогнать сон. Я знал наизубок, что мне надо делать, как только братья пройдут мимо меня к своим аквариумам.

Оцепенение, вызванное сном, прошло, и я стал вспоминать сон, который прервала вспыхнувшая лампочка. Потребовалось некоторое углубление в себя, и я вспомнил. На пляже бесконечного протяжения по колено в воде стояла Сара, освещенная нестерпимо ярким полуденным солнцем. На ней был купальный костюм телесного цвета, и впечатление было такое, словно на ней ничего не было, ведь мне хотелось именно такого впечатления. Меня не удивила пустынность пляжа, мне этого тоже хотелось. Сара была задумчива и чего-то ждала. По ее лицу блуждала улыбка нетерпения. Она была очень красива, неправдоподобно красива, и я радовался, что рядом нет других мужчин, что я один поглощаю ее восторженными глазами. Во мне поднимал голову собственник. Какое-то время она стояла неподвижно, а двигались только волны, опадая у ее ног. Я смотрел на нее со стороны, из укрытия, и она чувствовала, что на нее смотрят. Потом я пошел к ней, чтобы вместе кинуться в набегающую волну и поплыть далеко в море, пока нас не сморит усталость. В отдалении море и небо смыкались в одно неразделимое целое.

Но как только я сделал первые шаги по сухому податливому песку, блуждающая улыбка покинула лицо Сары, и оно вмиг наполнилось ужасом. Я заспешил, попытался бежать, но песок не позволял бежать, он словно хватал меня за ноги. Сара становилась все ближе, ближе, и я увидел, что она не блондинка, а седая. Она окаменела от страха. Я хотел ободрить ее криком, но онемел. Раскрывал рот, но не издавал ни звука. Наконец, я встал рядом с ней и тоже замер от ужаса. Перед ней волны качали два аквариума – большой, с телом ее отца, и маленький, с головой моей матери. Аквариумы не всплывали на поверхность и не касались дна, они покоились в водной толще. Неживые глаза любимых людей были обращены на нас, живых. Я наклонился, чтобы извлечь аквариумы из воды, а они на моих глазах растворились бесследно, и новая набежавшая волна уже была чиста и шевелила только песок и отполированную гальку пляжа. Ужас оставил лицо Сары, сменившись выражением глубокой скорби. Она увидела меня, облокотилась о мою руку, и мы пошли прочь от этого места. Нас уже не влекли теплые волны пляжа...

Лайоны появились напротив лаза, в котором я лежал. Первым шел Том. Шел и оглядывался назад, вдыхая воздух разгоряченными ноздрями, как после бега с препятствиями. Он заметно припадал на левую ногу, которой пришлось вынести прикосновение моего булыжника. Глаза его были так же расширены, как и ноздри. Страсть горела в них. Страсть неизбывная и чем-то сейчас подогретая до розового свечения. Правую руку он прижимал к груди, словно там у него болело. Это место тоже было помечено моим камнем. В трех шагах за ним шли Жоль и Рич, волоча на куске брезента что-то тяжелое и бесформенное. Это было человеческое тело. Я попытался вскочить и ударился затылком о глиняный свод. За три часа, что я проспал, они убили человека! Мои камни их не остановили! Рич, идущий последним, неловко наступил на край брезента, ноша выскользнула из рук Жоля, брезент раскрылся. Я увидел Розу Альт. Они навестили меня, не нашли, выманили из дома эту девочку и убили ее. Она спала в лоджии, на первом этаже, без всяких предосторожностей. Убили, или она еще жива? Она была раздета, и ее белое полное тело опутывали веревки, а изо рта торчал матерчатый кляп. Глаза Розы были широко раскрыты. Я произвольно отметил, что Сара стройнее.

- Устал, что ли? – крикнул Том Ричу. – Выдерни кляп!

Рич нагнулся и протянул к ее лицу толстую ладонь, чем-то испачканную. Сверкнул зеленый камень перстня. Роза дернулась, пытаясь увернуться, и ее груди упруго заколыхались. Рич нагнулся ниже, изловчился и вытащил кляп, затем, не удержавшись, ущипнул девушку. Роза плюнула ему в лицо. Смачно плюнула. Вложила в плевок всю накопившуюся в ней ненависть.

- Гад! – донесся до меня ее сухой шепот. – Гнида! Пададь вонючая! Презираю! Запомни: ты уже не жилец!

Это она напрасно, подумал я, это надо про себя держать. И пополз вперед, сжимая в руке свою двустволочку. Роза Альт была жива и нуждалась в моей помощи. Мне предстояло проползти два метра. Остальные десять я мог преодолеть стремительным рывком. Стрелять, пока входная дверь оставалась открытой,

было нельзя. Но я, наверное, полз недостаточно проворно. К Розе подскочил Том с занесенным для удара стилетом и прошипел ей в лицо: «А я кто?»

- Садист! Живодер! Отморозок! Мразь вонючая!

Сверкнула тонкая сталь, и под левой грудью Розы стало расширяться бордовое пятно. Тело девушки вздрогнуло и застыло. Ненависть на ее лице не успела смениться страданием. Лайоны склонились над ней, ловя каждую судорогу агонии. Они затаили дыхание. Теперь их дьявольские души были довольны. В это мгновение их нельзя было принять за убийц. Они вполне походили на людей возвышенного образа мыслей.

- Готова! – сказал Том. – Я поторопился. Посмотреть – кисонька, а сердце львицы.

Я попятился назад. Бросаться на Лайонов теперь, после смерти Розы, не имело смысла. Наверх, и побыстрее! Час пробил. Жоль и полицейский подняли брезент и понесли девушку дальше, в одну из комнат с аквариумом, пока еще пустым. Я увидел кровь, сочащуюся из раны на груди, и глаза Рича, устремленные на кровь. Рич был наверху блаженства. Он торжествовал. Но все они торжествовали в последний раз. Я бежал наверх, «Соглядатай» освещал мне дорогу. В своем лагере я задержался. Надел на спину два соединенных вместе баллона. Это был не акваланг. Двадцатикилограммовой тяжести баллонов я не почувствовал. В руках у меня был пучок стальных прутьев. Торопить и подстегивать меня было не надо. Только что Роза Альт была жива и ненавидела Лайонов. А неделю назад еще была жива моя мать. Семь лет назад был жив Джек Кроль.

Через сад я мчался на всех парах. «Соглядатай» помогал мне не наткнуться на деревья и огибать кусты. Какой незаменимой вещью был этот умный прибор! Дверь в подвал была заперта на щеколду. Я потянул за веревочку и скатился вниз. И вот я у стальной двери, запирающей вход в подземелье Лайонов. Хорошо, что она так плотно примыкает к вмурованному в бетон металлическому косяку. Лайоны, вы отлично позаботились о прочности входа в ваше убежище! Вы зарылись в землю, и вас не видно и не слышно. Только вам не обмануть человека, которому вы встали поперек дороги. Вам не обмануть его чутье и его интуицию. Получайте же свое! Получайте свое вы, изверги, гады, ничтожества! Исчадь ада!

Дрожащими от возбуждения руками я снял со спины баллоны, извлек из крышки одного из них миниатюрную ацетиленовую горелку, расправил эластичный резиновый шланг, расправил второй, открыл вентили, отрегулировал подачу ацетилена и кислорода, чиркнул зажигалку и поднес ее к латунному громко шипевшему соплу. Ожило, завихрилось оранжевое пламя. Я прибавил кислороду, и оно вытянулось в синюю разящую струю. Синее острие коснулось двери в том месте, где она примыкала к косяку.левой рукой я поместил в самый жар проволоку, которая должна была расплавиться. Через две секунды вниз побежала капля расплавленной стали. Желтая капля стекала тяжело, как слеза, и, не достигнув пола, покраснела и застыла на полпути. Дверь была прихвачена, как говорят сварщики. Я немного понимал в этом деле.

Вы что-нибудь почувствовали, Лайоны? Вы ничего не почувствовали. Сейчас вы кощунствуете над убиенной вами девушкой. Вы не знаете, какое горькое похмелье ждет вас. Скоро вам захочется наверх, вы подойдете к двери, потянете ее на себя, но не тут-то было! Вы нажмете на кнопки автоматики, запоры откроются, но дверь не сдвинется с места. Вы подумаете, что отказала автоматика, и кинетесь ко второй двери, что ведет к Джуну. Но и та дверь вам не подчинится! Вы окажетесь наедине со своей коллекцией аквариумов. Вы не сразу поймете, что это и есть возмездие. Но я... я сделаю так, что вы быстро поймете это! И поймете, что вам вынесен приговор. Вот тогда я и посмотрю на выражение ваших лиц!

Я прихватил дверь еще в пяти местах – для прочности. Я готов был заварить ее по всему периметру, но на это требовалось время. Теперь – к Джуну. Та, вторая дверь еще открывается и закрывается. Погасив горелку и водрузив баллоны на спину, я поспешил к каньону. Через сад, через забор. Через прибрежный кустарник. Скользнула вниз веревочная лестница, до поры до времени укрытая в надежном месте, и в следующую секунду я закачался над зловонным потоком. Ничего, отмоюсь! Спускаться было тяжело. Двадцать килограммов за спиной и «Соглядатай», который тоже был не из картона, быстро напоили мои мускулы усталостью. Руки каменели, лестница стала раскачиваться. Это тоже отнимало силы. Но я приказал себе терпеть и быть сильным-сильным. Невинно убиенные, которые покоились в аквариумах, тоже приказывали мне быть сильным. Ниже, еще ниже! Вот и карниз, нависающий над входом в пещеру. Я неловко поднырнул под него, отбросил деревянный маскировочный щит и, не переводя дыхания, проскользнул ко второй двери. Минута, и зашипело синее лезвие пламени с температурой 2500 градусов. Еще минута, и первая прихватка готова. А там и вторая, третья. Я варил иступленно. Можно было уже не спешить. Лайоны были в моих руках. Я наступил им на горло. Честное слово, это была высокая минута!

Меня охватило сильнейшее волнение, очень похожее на экстаз. Я буквально сгорал от ликования. В этом чувстве не было ни грамма злорадства. Я торжествовал победу над вырожденками и нелюдьми. Почти физически чувствовал, как лиловые губы людей, заключенных в аквариумы, шептали мне: «Спасибо!» А синий огонь плавил металл, наглухо соединяя дверь с косяком. Тут я варил намертво, шел сверху вниз и справа налево, по периметру. У меня было такое ощущение, словно мне аплодировало все человечество. А синий огонь плавил и плавил металл. Наконец, я повернул вентили, и пламя погасло с громким, торжествующим хлопком. Я улыбнулся и смахнул с подбородка каплю пота. Моя рубашка тоже отяжелела от пота. Я сел на землю и перевел дыхание.

Легко-то как мне было! Ведь запасного, неизвестного мне входа в пещеру не существовало. Был только один расширенный мною лаз, о котором Лайоны не подозревали. К тому времени, когда они поймут, что замурованы, я буду лежать в этом лазе с ружьем в руках. Так-так-так!

Я подумал, что если бы не помешал Лайонам осквернить могилу девочки-самоубийцы, Роза Альт осталась бы жива. Они бы довольствовались мертвой и не метались по ночному городу в поисках новой жертвы. Косвенно я был виноват в том, что Роза попала в их кроважидные руки. Не знал, что они не успокоятся до тех пор, пока не увидят свежей крови. Я подумал об этом, и легкость прошла. Меня пронзила боль этой ошибки, такой понятной и все же непростительной. Почему ничто не подсказало мне, что неудача не остановит их, а подвигнет на поиск другой жертвы? Они подумали, что на кладбище им помешал не сторож, а в чем-то родственник им человек, занимающийся ограблением мертвых. Они удалились, не боясь преследования. И у Тома тотчас созрел новый план, в котором мертвая девушка была заменена живой.

Я тяжело поднялся, водрузил на плечи свою амуницию и пошел к выходу. Ноги были, как ватные. Я ведь хотел поступить, как лучше, а стал причиной еще одного страшного злодеяния. Последнего злодеяния! Наверх я поднялся без рюкзака, а рюкзак подтянул на веревке. Без спешки вернувшись в подвал, заварил и первую дверь по всему периметру. Снаружи давно рассвело. Часы показывали шесть. Черные стрелки вытянулись в узкую вертикальную линию. Уже более часа Лайоны истязали тело несчастной Розы. Если бы я постарался все предусмотреть, этого бы не случилось. Еще час они будут прикованы к своей жертве. Пора было сказать Саре, что все кончено. Да, черт возьми, месть свершилась!

Я постучался к Саре. Она не ответила. Я толкнул дверь, подразумевая несчастье. Она сидела, забившись в угол кровати и прикрывшись подушкой. Она ожидала кого-нибудь из Лайонов, и с ее побелевших губ готов был сорваться крик. Она была, как неживая. От испуга она оправилась не сразу, и я успел обнять ее и поцеловать, прежде чем она обрела дар речи.

- Это ты... Я думала, что настало мое последнее утро. Как это ты... не побоялся прийти?

- Теперь нам не надо бояться. Они – там, а мы – здесь. Они там навсегда! Когда они спохватятся, я отключу им свет. Я пропущу их через жажду и голод, я заставлю их грызть землю и пить формалин!

- Зачем? – спросила она. – Не уподобляйся им. Убей их как можно скорее. Те двое не придумают ничего, а Том может придумать, как выбраться из западни. Вдруг у них есть взрывчатка?

А что? У них вполне мог быть тротил, а я об этом не подумал. Взрыв на берегу Джана приглушат подземелье и каньон, и далеко он не прокатится. Сара права, я должен поспешить! Мне нужна была их смерть, не их страдания.

- Не мучай их, - сказала она еще. – Разве это обязательно? Не уподобляйся им! О, боже! Наконец, я смогу засыпать и просыпаться без страха. И пусть быстрее выветрятся все эти ужасы!

Она обвила меня своими нежными руками и потрепала ладонью мой нечесанный чуб. Она хотела, чтобы я быстрее пришел в себя.

- Мне кажется, что я старик, - сказал я. – Белый одуванчик я, замшелый-замшелый!

- Ты не старик! И нам с тобой еще посветит солнце!

- Тогда готовь завтрак и стели постель. А мне пора. Я постараюсь, чтобы они быстрее отдали душу... черту, дьяволу или самому сатане. Или всем троим этим исчадиям зла, взятым вместе. Погубить столько людей...

- Возвращайся скорее, я жду! – крикнула она вдогонку. Она хотела, чтобы точка была поставлена как можно быстрее.

Глава 24

Слова Сары «Сделай это скорее!» подстегнули меня. Я хотел заставить Лайонов пометаться. Хотел, чтобы они как можно дольше побыли в шкуре своих жертв. Чтобы их обуял ужас. Чтобы ужас медленно сжимал свои железные пальцы на их трепетных шейках. Но она была против, и я согласился с ее доводами. Спуститься со мной в подземелье она отказалась. Те часы, в течение которых она блестяще играла свою роль, теперь навалились на нее тяжестью жестокого нервного переутомления. Она знала, что должно произойти под землей, но не хотела этого видеть. Она боялась за свой разум. Я же всем нутром чувствовал близость победы. Несмотря ни на что, в моем сознании оставалось место для торжества. Меня радовало близкое возмездие.

Для того, чтобы перерубить кабель, подающий электричество в тайник Лайонов, у меня был приготовлен топор, на топорнице которого я насадил кусок резинового шланга. Резкий удар по кабелю, вспышка электрического замыкания, и кабель разъединен. Подземелье погрузилось во мрак, и сейчас они засуетятся. До них не сразу дойдет, что это не случайность. Пусть помечутся! Минует несколько минут, и я доведу до их сведения, что это месть.

Скоро я лежал на своем посту, сдавленный земляными сводами, и мой «Соглядатай» послушно посылал вперед пучок инфракрасного света. Двустволка, заряженная картечью, лежала по правую от меня руку. Запасные

патроны оттягивали карманы брезентовой куртки. Не был забыт и топорик. Он тоже мог пригодиться. По коридору заколебался луч фонарика, нестерпимо яркий. Кто-то бежал проверить, почему погасло электричество. Том послал Рича, и Рич торопился. Я знал, что назад он не побежит, а поплетется вялой, пришибленной походкой. Он почует недоброе, но не поймет, какими будут последствия. Если я убью Рича топориком, Том и Жоль едва ли что-нибудь заподозрят. А крик, если рана не будет смертельной? Не надо торопиться. Пусть полицейский ткнется мордой в не открывающуюся дверь и доложит об этом Тому. Тогда и те двое оторвутся от Розы Альт, и вся троица побежит выяснять, в чем же дело. За это время я должен успеть показать им, что они в западне и отпущение неминуемо.

Рич не возвращался дольше, чем я думал. Очевидно, он так и сляк пробовал открыть дверь, нажимал какие надо кнопки, но намертво приваренная дверь ему не подчинялась. Почему-то она прочно приросла к косяку. Не потому ли, что выключен свет? Рич вполне мог так подумать. Но на этот случай существовал механический ключ. Все же, для не очень проворных мозгов полицейского это была непосильная задача. Дверь, которая всегда открывалась и закрывалась легко и бесшумно, вдруг вышла из повиновения.

Луч фонарика заскользил в обратном направлении. Сейчас начнется! Лайоны еще не подумают, что это смерть. Еще не почувствуют над собой давящей многометровой тяжести земли, которую им не прогрызть. Но они забеспокоятся, засуетятся. Они еще раз убедятся в том, что дверь в подвал не поддается их усилиям, и побегут ко второй двери. Они толкнутся в нее, а она тоже не поддастся. И вот тогда... Я потер руки, предвкушая этот момент.

Рич почти бежал. Его сознание было охвачено смятением. Может быть, ему показалось, что на него смотрят из темноты, а это всегда подстегивает. Он не торопился к Розе Альт, которая сейчас всецело была в ведении его братьев. Он торопился к своим сообщникам, он искал у них защиты!

Я сжался в тугую пружину. В охватившем меня возбуждении страха не было совершенно. И хотя я дрожал от нетерпения, я знал, что в нужный момент рука обретет необходимую твердость. В коридоре заметался свет двух фонариков. Они должны пойти втроем, я так рассчитывал. Когда погас свет, им это не понравилось, и только. А когда в дополнение к этому не захотела открываться дверь, им это должно было очень не понравиться. Почему дверь не открывается? Вот именно, почему? Дверь всегда была верх послушания. Рич что-то пояснял и жестикулировал, Том отчитывал его, Жоль поддакивал. Рич протестовал, повинуюсь естественному инстинкту самозащиты.

Убедившись, что они все трое направились к двери, ведущей в подвал, я ужом пролез по лазу и побежал ко второй двери, ведущей к Джуну. Я исполнял свой замысел. Делал то, что посредством анализа и кропотливых сопоставлений признал необходимым сделать. Торопился поставить сосуд с головой моей матери перед второй дверью. Ведь Лайоны бросятся к ней, когда безуспешно провозятся с дверью, ведущей в подвал. Я предвкушал, какая их возьмет оторопь, когда они увидят это свидетельство неминуемого возмездия, их ожидающего. Оторопь ужаса. Ужаса, но не раскаяния; раскаяние было не для них. Они поймут все, и тогда я нажму на курок. Из темноты, для них непроницаемой, к ним придет смерть. Я опустил сосуд на край бетонной дорожки перед дверью и обернулся. Ждать Лайонов сюда еще было рано. И взводить курки еще было рано. Крадучись, я возвратился к своему лазу. Можно было, конечно, войти в любую из четырех комнат, но в этом была доля риска. Я не хотел, чтобы смерть была для них неожиданностью. Они должны увидеть свою посылку и почувствовать себя в ловушке. Потом уже будут взведены курки и засвистит картечь.

Я остановился у своего лаза. Лайоны все еще копошились у непослушной двери. Том нажимал на кнопки, и механизм исправно срабатывал, засов выходил из своего паза, но дверь не сдвигалась с места. Том поворачивал ключ, и механизм срабатывал снова, но дверь оставалась намертво приросшей к косяку. Замок щелкал, открываясь и закрываясь и снова открываясь, но за этим ничего не следовало, нажим на ручку ничего не менял в положении двери. Меня отделяло от них расстояние метров в шестьдесят, но благодаря узости коридора оно казалось очень большим, а сами Лайоны напоминали кукол в театре миниатюр. И почему-то у кукол были крысopodobные морды. Том первый кинулся к двери, выходящей к Джуну. Жоль и Рич побежали за ним, стараясь не отставать. Помеха была им неизвестна, и потому они решили воспользоваться второй дверью. Нормальное решение! Страх уже витал в темноте, слабо проницаемой карманными фонариками. Я отпрянул в глубину пещеры-аппендикса, но не стал прятаться в лаз. Тяжелые ботинки прогромыхали мимо, луч фонарика даже не метнулся в мою сторону. Я последовал за ними на некотором расстоянии. Я трепетал от предвкушения возмездия. Миг расплаты был поистине великим. Сейчас! Сейчас они почувствуют себя схваченными за шиворот и припертыми к стене. Я увижу это и начну отстрел.

Они неслись вперед, а я держался от них метрах в сорока. Я уменьшил яркость изображения, даваемого «Соглядатаем», чтобы луч фонарика, случайно направленный в мою сторону, не ослепил меня. Действовал, как автомат, все делал, как надо. Ничего себе не приказывал. Вот Лайоны остановились перед второй дверью, и я лег на землю рядом с бетонной дорожкой, удобно уперся локтем и приложил приклад к плечу. Взвел курки. Лежать на земле было все-таки мягче. Аквариума с головой моей матери они пока не увидели. Том повернул ключ и толкнул дверь, а она даже не шевельнулась. Том проделал нужную манипуляцию с кнопками – и опять не получил результата. Он повел фонариком по периметру двери. И увидел сосуд. Нагнулся, поднял его. Несколько

секунд соображал, что это и почему это находится здесь. Понял! И лицо его перекошил страх. Он уже смотрел на меня, – смотрел и не видел. Ибо луч фонарика был бессилён преодолеть разделявшее нас пространство. Ноздри его, раздуваясь, внюхивались в затхлый воздух.

- Туши свет! – крикнул он братьям и погасил фонарик. Жоль и Рич его не поняли, и он силой выхватил у них фонарики. Они перестали видеть, а мне это было только на руку. Я прицелился в Тома. Начинать следовало с него. Том сел, а Рич и Жоль прижались к нему, как к самому сильному. Они еще верили в его способности выпутаться. Они липли к нему, как котята липнут к сытой, спокойной кошке, всегда заслоняющей их от опасности. Я прицелился Тому в левую половину груди.

- Этот мальчик здесь! – сказал Том братьям. – Он оказался пронырливее. Двери заклинены. Он это сделал. И он возвратил нам голову своей матери. Он действует, и нам сейчас станет плохо.

В его голосе был страх. Теперь все трое трепетали от присутствия рядом силы более высокой, чем их собственная. Надо было стрелять, но я медлил. Мне было приятно сознавать себя хозяином ситуации. Этим троим уже все было ясно. Но зуд мальчишества проснулся во мне, и я крикнул:

- Том! Теперь вы трое будете лежать в аквариумах, друг подле друга. Тебе страшно?

Реакция Тома была мгновенной. «Врешь, это еще не смерть!» – крикнул он.

Он думал, что я не вижу так же, как не видит он. Молниеносным движением он выхватил стилет и бросился вперед, на мой голос. Тонкое лезвие ножа блестело и в инфракрасных лучах. Оно было вытянуто вперед и нацелено на меня. Он бежал так, как бегут стометровку лучшие спортсмены мира: чуть-чуть пригнувшись и во всю работая ногами. Он и в кромешной темноте ориентировался безукоризненно. Он споткнулся бы об меня или пробежал мимо, но догадался включить фонарик. Это был отчаянный рывок загнанного зверя. Луч фонарика был направлен вверх меня, не в глаза. Я перевел мушку с груди на низ живота и нажал на спуск. Выстрел бабахнул оглушительно, и со свода на меня посыпалась глиняная крошка. Том по инерции пробежал еще, упал и стал корчиться и орать. Я порвал ему мочевой пузырь и раздробил таз. Все-таки не исполнил наказ Сары быть милосердным при исполнении приговора. Пусть покорчится, тварь этакая! Пусть побудет в положении своих жертв, которых он так любил истязать!

- Жоль, теперь ты! – пригласил я, но сначала переломил двустволку и заменил использованный патрон новым. – Жоль, поди сюда!

Жоль лихорадочно пытался отомкнуть дверь. Это были машинальные, неосознанные движения. Он боялся. Я увидел, как на его брюках расплзается мокрое пятно. Он пытался открыть дверь и писал в штаны, не замечая этого! Ему я тоже влил заряд картечи в низ живота. Он сел и завопил благим матом. А Рич поступил достаточно разумно – спрятался за Жоля.

- Рич, теперь ты! – крикнул я. – Ну, что же ты? Не бери пример с Жоля, который обделался! Вперед, ты же полицейский!

У Рича не было смелости Тома, чтобы броситься вперед. Он трусливо прикрывался Жолем. А Жоль вопил во все горло. Но Рич не знал, что я все вижу. Вот из-за Жоля показался его зад, и я нажал на спуск. От грома выстрела можно было оглохнуть. Теперь орали все трое. Я подошел к Тому и методично выстрелил четыре раза, целясь сначала в коленные суставы, потом в локтевые. Теперь его ноги и руки ему не повиновались. То же самое я проделал с ногами и руками Жоля и Рича. Потом схватил Тома за ногу и поволок к братьям. Положил их головами друг к другу, включил фонарики и поставил их так, чтобы каждому были видны лица двух других братьев. Увы, Жоль и Рич пребывали в полной отключке. Их сломал болевой шок. А Том был в сознании, но и его – впервые за много лет – зрелище крови и страданий не впечатляло. Ибо ему самому было очень бо-бо.

- Здесь вы и подохнете! – объявил я Тому. – Видишь, сколько вокруг тебя крови? Пей, что же ты? Больше не захочется!

Том ничего не услышал, такой пронзительной была боль. Он уже никак не реагировал на мое присутствие. А что испытывал я сам? Что, наконец, сделал эту грязную работу. Сделал – и ноша с плеч! Я не ликовал, мои чувства были странно притуплены. Свершилось, но это не было поводом для праздника. Это было только облегчение от тяжкой, страшно изнурительной ноши. Освобождение от скверны далось слишком дорогой ценой, чтобы торжествовать.

На следующий день я часов семь работал киркой и лопатой. Лайоны умерли от потери крови, и я закопал их на том самом месте, где они лежали. В общей могиле. В свой смертный час они увидели, что с ними поступили так же, как они поступали со своими жертвами. А Розу Альт я вынес наверх и похоронил в саду. И голову матери похоронил в саду, под самой раскидистой из яблонь. И ее руки, которыми когда-то она прижимала меня к своей груди. Джека Кроль я тоже перенес в сад, рядом с моей матерью. Вместо могильных холмиков я разбил цветочные клумбы, а сбоку посадил серебристые ели. Получился уголок, отъединенный от остального сада, прекрасный своей неизбывной печалью. Только я и Сара знали, что он из себя представляет. Я запретил Саре помогать мне и вообще участвовать в этой скорбной процедуре. Я все еще винил себя, что Роза Альт погибла из-за моего недомыслия. Том заколол ее на моих глазах. Я знал, что эта вина будет лежать на мне до моего ухода из этого мира. Все содержимое аквариумов я тоже решил предать земле, но позже, по мере сил. Захоронение

состоится там, под землей, и больше я никогда не войду в страшное подземелье Лайонов. Стальные двери в него так и останутся заваренными.

Глава 25

Выздоровление наше, или возвращение к нормальной жизни, было долгим-долгим. Ни у меня, ни у Сары не было ни близкой, ни дальней родни, на помощь и участие которой можно было рассчитывать. Какое-то время мы были жалкими стариками с атрофированными чувствами. Мы жили как бы по инерции. Нам ничего не хотелось, и мы ни к чему не стремились; мечты погасли и не желали возрождаться. Тайна привязывала нас к дому Лайонов, и мы с Сарой решили, что мою квартиру в оранжевом доме надо продать, а жить мы будем у нее. Но я не хотел, чтобы этот дом постоянно напоминал мне о Лайонах, и перестроил его на свой вкус и лад. Я расширил окна и придал им другое очертание, и дом перестал походить на крепость. Я покрыл потолки белоснежным алебастром, обклеил стены французскими, под шелк, обоями цвета первого утреннего света и везде настелил ореховый паркет. Заменял безликие двери дверьми из бука, но не покрасил их, а покрыл бесцветным лаком, и дерево обнажило свою прекрасную структуру. На чердаке оборудовал обширную мансарду, в подвале разместил сауну и маленький бассейн.

Дом сказочно преобразился, и в этой красоте Сара заново училась улыбаться, быть непосредственной и милой. Я тоже учился этому вместе с ней. Мы вместе медленно отмякали душой. Да, в каждой комнате мы повесили по люстре из богемского хрусталя. И получили хоромы. Родился мальчик, и мы обрадовались ему и назвали Джеком. Лишь тогда мы снова почувствовали, что мы живые люди. В доме запахло пеленками, зазвучал смех, к нам стали приходиться люди. Мы познакомилась с соседями и подружились с теми из них, в которых почувствовали родственные души. О братьях Лайонах никто не вспоминал. Мы объявили, что они уехали. И что было вспоминать о них? Ни одной живой душе они не были дороги. Как-то само собой прекратились слухи о пропаже людей. Люди перестали пропадать, и слухи умерли. А Бобу и Тиму я подарил по велосипеду. Славные это были ребята! Я приходил к ним и надеялся, что мы будем друзьями. Но и на их расспросы, чем все кончилось, я отвечал: «Ничем! Лайоны испугались и уехали. Видите, как теперь у нас тихо, спокойно?» Это они, конечно, видели, но им не нравилось, что не надо никого выслеживать. Из них бы получились отличные полицейские! Впрочем, зачем загадывать заранее? Бобу и Тиму вполне могла подойти любая другая профессия.

Преобразив дом, - а я почти весь ремонт сделал своими руками, - я занялся разведением шампиньонов. Пещеры оказались идеальным местом для этого занятия. Но подземелье Лайонов я обходил стороной. Это была запретная зона. Разводить шампиньоны оказалось совсем не трудно. Я провел свет, приготовил нужную почву, и дело пошло. Сара собирала в день килограммов тридцать – сорок грибов, тугих, как теннисные мячики, я отвозил их на рынок или в ближайший магазин. Иногда я развозил грузы на своей машине. Так мы покрывали свои текущие расходы, а наш счет в банке рос и рос.

Но не это меня занимало; к бизнесу все же я был равнодушен. Меня все сильнее влекло строительное дело, и я захотел получить специальность инженера-строителя. Построенное своими руками впечатляет. Сара меня поддержала. Потом у нас родилась девочка, и в честь моей матери мы нарекли ее Эльвирой. О, это было удивительное голубоглазое создание! А каким переливчатым смехом заливался проказник Джек! Лишь тогда жизнь наша полностью вошла в нормальную колею. Я был очень доволен Сарой, нашими детьми, нашим домом. Я понял, что счастлив. Мне казалось, что и Сара счастлива. Ее глаза ни о чем другом и не говорили. А пережитое отодвинулось далеко-далеко. Но оно не могло забыться и исчезнуть. Оно было частью нас самих и могло уйти только вместе с нами. Я знал, что ни Джеку, ни Эльвире, ни нашим следующим детям (а мы хотели, чтобы у нас было много детей!), о братьях Лайонах не будет сказано ни слова. Никогда, ни под каким предлогом. Эта тайна огласке не подлежала. Вот почему мы не пожелали расстаться с этим домом. А ведь долгое время он был нам ненавистен. Но мы внушили себе, что дом ни в чем не виноват, и место, на котором он стоит, тоже ни в чем не виновато, а осквернивших его людей уже нет на белом свете. О, как нам было бы хорошо, если бы они вообще не родились!

Третьим нашим ребенком снова была девочка, и мы назвали ее Розой. Хотя я никогда не питал нежных чувств к Розе Альт. Нет, жить на свете было хорошо. И мы учились так жить, чтобы не вспоминать прошлого. Ни мне, ни Саре ни разу не приснился ни один аквариум из страшной коллекции Лайонов. Это было, как табу. Теперь уже этого словно и не было.

К о н е ц

Отредактировано в 2011 году